



Нил ГЕЙМАН

# Маленькая магия

Автор с невероятным  
воображением

## Annotation

Нил Гейман – мастер современного фэнтези, автор знаменитых романов «Американские боги», «Дети Ананси», «Звездная пыль». Он – создатель самого шумевшего романа для детей «Коралина», а также удивительной коллекции страшных, странных и смешных историй, в которых фантазия смешивается с реальностью. Перед вами – одиннадцать рассказов, которые подарят вам удовольствие, вызовут восторг и удивление.

---

- [Нил Гейман](#)
    - [Введение](#)
    - [Дело о двадцати четырех дроздах](#)
    - [Троллев мост](#)
    - [Не спрашивайте Джека](#)
    - [Как продать Понтийский мост](#)
    - [Октябрь в председательском кресле](#)
    - [Рыцарство](#)
    - [Цена](#)
    - [Как общаться с девушками на вечеринках](#)
    - [Жар-птица](#)
    - [Надгробие для ведьмы](#)
    - [Инструкции](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-

**Нил Гейман**  
**М значит Магия**

## Введение

Когда я был молодым, а было это не так уж и давно, мне очень нравились короткие рассказы. Я проглатывал их целиком, от начала до конца, в те короткие промежутки времени, когда мне удавалось читать – за завтраком, в обеденный перерыв или в поездах. Рассказы интриговали, подхватывали меня, уносили в новые миры и через полчаса благополучно доставляли обратно к школе или домой.

Рассказы, которые ты прочитал в определенном возрасте, никогда не исчезают из памяти. Ты можешь забыть автора или название. Можешь даже толком не помнить все события. Но если эта история чем-то тебя задела, она останется навсегда, затаится в укромном уголке твоего сознания, куда ты редко заглядываешь.

Больше всего запоминается страх. Если у тебя от чтения зашевелились на голове волосы, если, дочитав книгу до конца, ты закрываешь ее очень медленно, как будто тебе страшно кого-то побеспокоить, и осторожно отодвигаешь в сторону, значит, эта книга навсегда останется в твоей памяти. Однажды, когда мне было девять лет, я прочитал историю, которая закончилась в комнате, полной змей. По-моему, это были змеи-людоеды, и они медленно приближались к кому-то, чтобы съесть. Когда я вспоминаю этот рассказ, у меня по коже бегает мурашки, как это было, когда прочел его впервые.

Фантазия проникает в подсознание. На дороге, по которой я изредка хожу, есть один поворот, за которым открывается вид на деревушку на зеленых холмах, вдали виднеются холмы повыше, более скалистые, более серые, над ними нависают горы, окутанные туманом. Каждый раз, увидев это, я вспоминаю, как читал «Властелина колец». Эта книга сидит где-то очень глубоко в моем сознании, и потрясающий вид деревушки на холмах вызывает ее оттуда.

А научная фантастика (хотя здесь ее не так уж и много) ведет вас через россыпь звезд к иным временам и иным сознаниям. Что лучше напомним нам, как мало один человек отличается от другого, чем недолгое пребывание в роли пришельца с другой планеты?

Я пишу небольшие рассказы уже почти четверть века. Вначале это помогало мне постигать профессию писателя. Самое сложное для начинающего писателя – дописать что-то до конца, и я учился этому на коротких рассказах. Теперь я пишу большей частью длинные истории –

толстые бульварные романы и объемные сценарии. Короткие рассказы, которые можно придумать за выходные или, в крайнем случае, за неделю, – это забава.

Те писатели, рассказами которых я зачитывался, когда был мальчиком, и сейчас входят в число моих любимых авторов. Всем нравятся Саки или Харлан Эллисон, Джон Колльер или Рей Брэдбери – волшебники, которые с помощью тридцати трех букв и небольшого количества знаков препинания могут заставить смеяться и плакать уже через несколько страниц.

В коротких рассказах есть еще одно достоинство – совсем необязательно, чтобы они нравились тебе все до единого. Если один из них не задел тебя, другой произведет должное впечатление.

В этой книге вы найдете лихо закрученную детективную историю о персонажах детских страшилок, рассказ о людях, которые любили поедать вещи, стихотворение о том, как себя вести, если оказываешься в сказке, историю о мальчике, который прибежал к троллю, живущему под мостом, и о том, какую клятву они дали друг другу. Один из рассказов ляжет в основу моей следующей повести для подростков – «Кладбищенской книги», он о мальчике, живущем на кладбище, которого воспитывает мертвец. Кроме всего прочего, я включил в книгу историю «Как продать Понтийский мост», которую придумал в самом начале своей писательской карьеры под впечатлением от человека по прозвищу Граф. Подобным образом он на самом деле продал Эйфелеву башню (и умер спустя несколько лет в Алькатрасе<sup>[1]</sup>). В книге присутствуют пара страшных рассказов, пара – смешных, а остальные нельзя отнести ни к первым, ни к последним, но мне все-таки кажется, что они вам понравятся.

Когда я был еще ребенком, Рей Брэдбери отобрал из сборников рассказов те произведения, которые, по его мнению, должны были понравиться детям, и опубликовал отдельными книгами, озаглавив их «Ракета начинается с буквы Р» и «Космос начинается с буквы К».

Я решил сделать то же самое и спросил у Рея, не возражает ли он, чтобы моя книга называлась «Магия начинается с буквы М». Он не возражал.

Магия начинается с буквы М. Она, впрочем, при желании может начинаться с любой буквы. Правильно расположив буквы, можно создать и волшебство, и мечты, и даже, я надеюсь, кое-какие сюрпризы...

*Нил Гейман*  
*Август 2006*

## Дело о двадцати четырех дроздах

Я сидел у себя в кабинете, потягивая лимонад, и лениво чистил пистолет. На улице шел нудный дождь, впрочем, в нашем прекрасном городе он идет почти всегда, чтобы там ни говорилось в путеводителях. Вообще-то мне плевать. Я не турист. Я – частный детектив, один из лучших, к вашему сведению. Правда, мой кабинет уже давно требует ремонта, плата за аренду просрочена, а стакан лимонада – последний.

Но что поделаешь?

Последней каплей стало то, что мой единственный за всю неделю клиент так и не появился на углу улицы, где мы назначили с ним встречу, и я прождал его битый час. Он сказал, что мне предстоит выполнить серьезный заказ, какой – я так никогда и не узнаю: перед встречей со мной он попал в морг.

Однако когда в мой кабинет вошла женщина, я исполнился уверенности, что удача опять повернулась ко мне лицом.

– Вы что-то продаете, леди?

Она одарила меня таким взглядом, от которого запыхалась бы даже тыква, и мое сердце забилося на три удара в минуту быстрее. Длинные белокурые волосы и умопомрачительная фигура заставили бы самого Томаса Акинаса<sup>[2]</sup> забыть свои клятвы. Я тоже забыл, что поклялся никогда не связываться в работе с дамами.

– Не желаете заработать немного зеленых? – хрипло спросила она, сразу взяв быка за рога.

– Продолжай, сестра. – Мне очень не хотелось, чтобы она заметила, как отчаянно я нуждаюсь в бабках, поэтому я небрежно прикрыл ладонью рот. Не нужно, чтобы клиент видел, как вы ликуете.

Она открыла сумочку и достала оттуда фотографию. Глянцевую, восемь на десять.

– Вы узнаете этого человека?

Если занимаешься нашим бизнесом, всегда нужно знать, кто есть кто.

– Да.

– Он умер.

– Я знаю. Новость устарела. Это был несчастный случай.

Ее взгляд стал таким ледяным, что его можно было расколоть на кубики и охладить этими кубиками пару коктейлей.

– Смерть моего брата не была несчастным случаем.

Я приподнял бровь – в нашем бизнесе нелишне иметь в арсенале некоторое количество специальных приемчиков – и проговорил:

– Вашего брата? – Забавно, но она совсем не производила впечатления женщины, у которой есть брат.

– Я – Джил Шалтай.

– Значит, Шалтай-Болтай был вашим братом?

– И он не упал с той стены, мистер Барабек.<sup>[3]</sup> Его столкнули.

Интересно, если, конечно, это правда. Шалтай держал в руках кусок горячего пирога. Есть по крайней мере пять парней, которые предпочли бы видеть его мертвым и не замедлили бы исполнить свое желание.

– Вы уже обращались по этому поводу к королевской рати?

– Нет. Она не хочет заниматься этим делом. Мне сказали, что они сделали все, что было в их силах, чтобы собрать Шалтая после падения.

Я откинулся на спинку кресла.

– Зачем вам понадобился я?

– Я хочу, чтобы вы нашли убийцу, мистер Барабек. Я хочу передать его в руки правосудия. Я хочу поджарить его, как яичницу. О, да, и еще кое-что, – добавила она небрежно, – у Шалтая был с собой конверт со снимками, которые он хотел переслать мне. С рентгеновскими снимками. Я учусь на медсестру, и они мне нужны, чтобы сдать выпускные экзамены.

Я внимательно изучил свои ногти, потом по довольно сложной траектории неторопливо перевел взгляд на ее лицо. Она была красавица, несмотря на то, что хорошенький маленький носик смотрел слегка в сторону.

– Я возьмусь за это дело. Семьдесят пять в день и две сотни – премия по результатам.

Она улыбнулась. Мой желудок совершил головокружительный кульбит и встал на место.

– Получите еще две сотни, если добудете снимки. Мне очень хочется стать медсестрой. – Она небрежно бросила на мой стол три пятидесятки.

Я растянул свое грубое лицо в дьявольской ухмылке.

– Сестра, а как ты смотришь на то, чтобы пообедать со мной?

Она задрожала от нетерпения, пробормотав, что ей уже приходилось иметь дела с карликами, и я понял, что попал на крутую штучку. Потом она одарила меня очаровательной улыбкой, которая заставила бы поглупеть самого Альберта Эйнштейна.

– Для начала найдите убийцу моего брата, мистер Барабек. И снимки. А потом поиграем.

Она прикрыла за собой дверь. Дождь, наверное, еще продолжался, но

мне было плевать.

В городе есть места, о которых не упоминается в путеводителях. Здесь если полиция и появляется, то предпочитает не слишком высовываться. При такой работе мне приходится посещать их чаще, чем это полезно для здоровья. Впрочем, в таких местах о здоровье вообще речь не идет.

Он ждал меня у входа в кабачок Луиджи. Я неслышно подошел к нему сзади, при ходьбе мои ботинки на резиновой подошве не издавали ни звука.

– Привет, Красношейка.<sup>[4]</sup>

Он подпрыгнул и обернулся. На меня смотрело дуло сорок пятого калибра.

– О, Барабек! – Он опустил пистолет. – Не называй меня Красношейкой. Для тебя, коротышка, я – Робин—Красношейка, и не забывай об этом.

– А по мне, ты все равно Красношейка и никак иначе. Кто убил Шалтая-Болтая?

Он был странной птичкой, но в моей профессии приходится довольствоваться тем, что есть.

– Давай-ка посмотрим, какого цвета у тебя денежки.

Я показал ему пятидесятку.

– Черт побери, – пробормотал он. – Зелененькие. Почему их для разнообразия не делают красновато-коричневыми или розовато-лиловыми? – Он схватил бумажку. – Знаю только, что Толстяк хотел проглотить слишком большой кусок пирога.

– И?

– Дело связано с двадцатью четырьмя дроздами.

– Не понял.

– Мне что, произнести по буквам? Я... ох! – Он упал на тротуар, в спине торчала стрела. Петушок Робин больше никогда ничего не прочирикает.

Сержант О’Греди посмотрел на тело, потом на меня.

– Провалиться мне на этом месте, если это не коротышка Робин-Бобин Барабек собственной персоной, – сказал он.

– Я не убивал Петушка Робина, сержант.

– А то, что нам в участок кто-то позвонил и сказал, что ты собираешься поболтать с мистером Робинсом именно в этом месте, было просто розыгрышем?

– Если я – убийца, где тогда мои стрелы? – Я открыл новую пачку жвачки и задвигал челюстями. – Меня подставили.

Сержант затянулся пеньковой трубкой, опустил ее и промурлыкал про



себя пару музыкальных фраз из увертюры к «Вильгельму Теллю».

– Может так, а может, и нет. Ты – подозреваемый. Оставайся в городе. И, Барабек...

– Да?

– Шалтай умер в результате несчастного случая. Так сказал коронер. Так говорю тебе я. Брось это дело.

Я задумался. Потом вспомнил о деньгах и девушке.

– Это вряд ли, сержант.

Он пожал плечами.

– Тебя похоронят, – мрачно предрек он.

У меня возникло забавное ощущение, что он прав.

– Это дело совсем не твоего масштаба. Ты играешь с большими мальчиками, Барабек. Это вредно для здоровья.

Да, я помнил свои школьные годы. Каждый раз, когда я начинал игру с большими мальчиками, из меня быстро вышибали дух. Но откуда, скажите на милость, узнал об этом О’Греди? Потом я вспомнил кое-что еще.

О’Греди был одним из тех школьников, кто бил меня чаще всего.

Следующий этап в расследовании мы в нашей профессии называем «Волка ноги кормят». Я сделал несколько вылазок в город, но не узнал о Шалтае ничего нового.

Шалтай-Болтай всегда был тухлым яичком. Я помню, как он приехал в наш город, эдакий молодой дрессировщик, обучающий мышек бегать в карусели. Он быстро испортился. Карточные игры, выпивка, женщины, в общем, все как у всех. Умненькие молодые люди думают, что улицы Питомникленда вымощены золотом, и слишком поздно понимают, что это совсем не так.

Шалтай начал с мелких краж и вымогательства. Он обучил команду пауков забираться в творог и пугать маленьких девочек и торговал этим творогом на черном рынке. Потом перешел к вымогательству – одному из самых отвратительных промыслов. Наши пути пересеклись лишь однажды, когда меня нанял один юнец, назовем его Джорджи-Порджи. Он попросил найти компромат на Шалтая, свидетельство того, что Шалтай целовался с девочками и заставлял их плакать. Компромат я добыл, но быстро понял, что связываться с Толстяком небезопасно. Я не повторяю таких ошибок дважды. В моей работе сложно пережить и одну-единственную ошибку.

Мир вообще жесток. Помню, как в нашем городе впервые появился Малыш Бо Пип... Впрочем, какое вам дело до моих неприятностей? Зачем вам проблемы?

Я просмотрел, что пишут о смерти Шалтая в газетах. Сидел себе

Шалтай на стене, сидел, потом – раз – упал и разбился на мелкие кусочки. Вся королевская конница, вся королевская рать через минуту были там, но Шалтаю явно требовалось нечто большее, чем просто медицинская помощь. На место происшествия вызвали некоего доктора Фостера из города Глостера, друга Шалтая, хотя мне непонятно, зачем может понадобиться доктор, если ты уже умер.

И вдруг меня осенило – доктор Фостер!

Такое случается в моей работе. Две маленькие мозговые извилины вдруг совпадают и начинают думать в правильном направлении, а через секунду у тебя в руках бриллиант в двадцать четыре карата.

Помните, я рассказывал о клиенте, которого зря прождал на углу целый день, а он так и не пришел? С ним произошел несчастный случай. Я даже не проверил это – не могу позволить себе терять время на клиентов, которые не платят.

Так вот, было целых три смерти. А не одна.

Я снял трубку и позвонил в полицейский участок.

– Это Барабек, – сказал я дежурному. – Могу я поговорить с сержантом О’Греди?

В трубке что-то заскрипело:

– Это О’Греди.

– А это я.

– Привет, коротышка. – Это так похоже на О’Греди, он с самого детства подшучивает над моим ростом. – Ты наконец понял, что смерть Шалтая была случайностью?

– Нет. Я занят расследованием трех смертей. Толстяка, Робина— Красношейки и доктора Фостера.

– Пластического хирурга? Это был несчастный случай.

– Ну, разумеется. А твоя мама была замужем за твоим папой.

Он немного помолчал, потом сказал:

– Если ты звонишь нарочно, чтобы сказать гадость, меня это не развлекает.

– Ладно, умник. Если смерть Шалтая-Болтая и Фостера были несчастными случаями, скажи мне, пожалуйста, одну вещь.

– Кто убил Красношейку Робина? – Я никогда не отличался хорошим воображением, но мог бы поклясться: сейчас он улыбался. – Ты, Барабек. Могу поспорить на свой полицейский значок.

И повесил трубку.

В моем кабинете было холодно и неуютно, и я спустился в бар к Джо, чтобы выпить за компанию стаканчик-другой.

Двадцать четыре дрозда. Смерть доктора. Толстяка. Красношейки Робина... В этом деле больше дыр, чем в швейцарском сыре, и больше концов, чем в обрезанном вязаном свитере. Кстати, с какого боку припеку в нем оказалась знойная мисс Шалтай? Джек и Джил – сладкая парочка. Когда все закончится, может, нам удастся сходить с ней в заведение к Луису, где никто не спрашивает, женаты вы или нет. «Тихий омут», так оно, по-моему, называется.

– Эй, Джо! – позвал я владельца бара.

– Да, мистер Барабек? – Он тщательно вытирал стакан тряпкой, которая когда-то знавала лучшие времена и была рубашкой.

– Ты знаком с сестрой Толстяка?

Он поскреб ногтями щетину.

– По-моему, нет. Сестра... Да, вспомнил, у Толстяка не было сестры.

– Уверен?

– Абсолютно. В тот день, когда у моей сестры родился первый ребенок, я сказал Толстяку, что стал дядей. Он посмотрел на меня и ответил: «А я никогда не стану дядей, Джо. У меня нет ни братьев, ни сестер, вообще никаких родственников».

Если таинственная мисс Шалтай не его сестра, то кто же она?

– Скажи-ка, Джо, ты видел его когда-нибудь с дамой вот такого роста, вот с такими формами? – Мои руки описали в воздухе пару парабол. – Похожей на белокурую богиню?

Он покачал головой.

– Я вообще его никогда с женщинами не видел. В последнее время он таскался повсюду с каким-то докторишкой. Единственное, что его волновало, так это его чертовы животные и птицы.

Я глотнул виски и чуть не подавился.

– Животные? Мне казалось, что он с этим завязал.

– Пару недель назад он появился у меня с целой кучей дроздов, которых учил петь. Может, его из-за них кто-то того...

– Кто?

– Понятия не имею.

Я поставил стакан на стойку:

– Спасибо, Джо. Ты мне здорово помог. – Я протянул ему десять долларов. – Это тебе за информацию. Смотри, не трать все сразу.

В моей профессии шутка – единственный способ не сойти с ума.

Мне осталось сделать лишь один звонок. Мамаше Хаббард. Я нашел уличный автомат и набрал ее номер.

– Буфет мамаша Хаббард – отменные пироги и супы.

– Ма, это Хорнер.

– Джек? Разговаривать с тобой опасно.

– Ладно уж, вспомни старые добрые времена. Кстати, за тобой должок. – Однажды ее буфет обчистили два жулика. Я поймал их и вернул мамаше ее пироги и суп так быстро, что они не успели остыть.

– Ладно. Но все равно, это мне не нравится.

– Ты в курсе всего, что происходит на пищевом фронте, Ма. Что означает пирог с двадцатью четырьмя ручными дроздами внутри?

Она тихо присвистнула.

– Ты что, и вправду не знаешь?

– Если бы знал, не спрашивал.

– В следующий раз почитай разделы дворцовой хроники, мой сладкий. Боже, на этот раз ты взялся за дело не по плечу.

– Брось, Ма. Давай, колись.

– Так случилось, что это особое блюдо было подано за две недели до приезда Короля... Джек? Ты слушаешь?

– Да, Ма, слушаю, – спокойно ответил я. – И теперь все части головоломки сложились воедино. – Я повесил трубку.

По всему выходило, что коротышке Робину-Бобину повезло, и он ухватил самый лакомый кусочек этого пирога.

На улице все еще шел дождь, холодный и нудный. Я вызвал такси.

Через пятнадцать минут из темноты появилась машина.

– Ты опоздал.

– Жалуйтесь в министерство по туризму.

Я сел на заднее сиденье, опустил стекло и прикурил сигарету.

Я ехал во дворец поговорить с Королевой.

Дверь личных покоев Королевы была заперта. Эта часть дворца закрыта для посещения публики. Лично я никогда себя к публике не относил, и поэтому маленький замочек легко поддался. Дверь с огромным красным сердцем оказалась незапертой, я постучался и немедленно вошел.

Королева Сердце была одна. Она стояла у зеркала, держа в одной руке тарелку с печеньем, а другой пудра носик. Обернувшись, она увидела меня, ахнула и уронила тарелку на пол.

– Привет, Королева, – сказал я. – Или тебе удобней, чтобы я называл тебя просто Джил?

Она и без парика была очень даже ничего.

– Вон отсюда! – зашипела она.

– Я не спешу, милашка. – Я сел на кровать. – Сначала мне нужно кое о чем тебе рассказать.

– Говори, я послушаю. – Она незаметно нажала на кнопку тревоги. Я ничего не имел против. По дороге сюда я успел перерезать провода – в моей профессии приходится быть очень предусмотрительным.

– Мне нужно кое о чем тебе рассказать.

– Это ты уже говорил.

– Буду рассказывать так, как считаю нужным, леди.

Я прикурил сигарету, и тоненькая струйка голубого дыма вознеслась к небесам, куда, возможно, отправлюсь и я, если мое предчувствие окажется неверным. И все-таки я привык доверять своим предчувствиям.

– Как тебе такая версия? Шалтай Толстяк не был твоим братом. Он даже другом твоим не был. На самом деле он тебя шантажировал. Он знал о твоём носе.

Она стала белой как труп, которых я за время работы детективом насмотрелся вдосталь, подняла руку и прикрыла свой свеженапудренный носик.

– Видишь ли, я знал Толстяка много лет, когда-то давным-давно он всерьез занимался дрессировкой животных и птиц, обучая их делать всякие мерзости. Это заставило меня задуматься... Недавно у меня появился один клиент, который потом неожиданно исчез. Доктор Фостер из города Глостер, пластический хирург. По официальной версии он сидел слишком близко к огню и расплавился. Предположим, его убили за то, что он слишком много знал. Я просто сложил в уме два и два и сорвал джек-пот. Попробую восстановить события. Ты была в саду, вероятно, развешивала белье, и вдруг к тебе подлетел один из дрессированных скворцов Шалтая и отщипнул у тебя кусочек носа. Ты схватилась за нос руками, но в этот момент к тебе подошел Толстяк и сделал предложение, от которого ты не могла отказаться. Он предложил свести тебя с пластическим хирургом, который прооперирует тебя, и твой нос станет как новенький. И никто об этом не узнает. Я прав?



Она молча кивнула, а потом нехотя пробормотала:

– На сто процентов. Правда, после того как меня клюнули, я побежала в гостиную, чтобы съесть немного хлеба с медом. Там он меня и нашел.

– Весьма правдоподобно. – На ее щеки постепенно возвращался румянец. – Значит, Фостер сделал тебе операцию, и ты решила, что все будет шито-крыто. Пока Шалтай не сказал тебе, что у него есть твои рентгеновские снимки. И ты решила от него избавиться. Через пару дней ты вышла прогуляться в окрестностях дворца. Увидела, что Шалтай сидит на стене спиной к тебе и смотрит куда-то вдаль. В порыве безумия ты столкнула его со стены. И Шалтай-Болтай упал. Но ты оказалась в большой беде. Никто не заподозрил бы тебя в убийстве, но ты не знала, где снимки.

Когда Фостер обратился ко мне, снимков у него уже не было. Но ты не знала, что он может напеть мне про тебя. Ты убрала Фостера, но у тебя все еще не было снимков, и ты решила нанять меня, чтобы их найти. Это было твоей ошибкой, сестра.

Ее нижняя губа задрожала, и мое сердце затрепетало.

– Но ты ведь меня не выдашь?

– Сегодня вечером ты пыталась меня подставить. Мне это не понравилось.

Дрожащей рукой она расстегнула верхнюю пуговицу блузки.

– Может, попробуем прийти к какому-нибудь компромиссу?

Я покачал головой.

– Извините, ваше величество. Коротышку Джека, сынишку миссис Барабек, всегда учили держаться подальше от королевской семьи. Простите, но я лучше сохраню дистанцию.

Почувствовав себя в безопасности, я на мгновение отвел взгляд и напрасно. В ее руках неведомо откуда появился симпатичный дамский пистолетик, который она направила прямо мне в грудь. Все произошло так быстро, что я и чирикнуть не успел. Может, пукалка и была мала, но я знал, она за милую душу продырявит меня так, что я навеки выйду из игры.

Эта дама была смертельно опасной.

– Положите пистолет, ваше величество. – В дверях спальни стоял сержант О’Греди, в его покоем на кувалду кулаке был зажат полицейский наган. – Извини, что я подозревал тебя, Барабек, – сухо сказал он. – Но тебе крупно повезло, что ты был под подозрением, черт побери. Я следил за тобой и слышал все, о чем вы здесь говорили.

– Привет, сержант, спасибо, что заглянул. Но я еще не закончил рассказ. Если ты присядешь, я продолжу.

Он мрачно кивнул и уселся рядом с дверью. Пистолет в его руке почти не дрожал.

Я встал с кровати и подошел к Королеве.

– Видишь ли, крошка, я еще не сказал тебе, кто именно сделал снимки твоего носика во время операции. Это был Шалтай. И ты убила его.

Ее идеальной формы бровь изящно изогнулась.

– Не понимаю... Я обыскала тело.

– Еще бы. Но первой к Толстяку подоспела вся королевская рать. Копы. Один из них и прикарманил конвертик. Когда все успокоилось, шантаж возобновился. Только на этот раз ты не знала, кого убивать. Кстати, я должен перед тобой извиниться. – Я нагнулся, чтобы завязать шнурок на ботинке.

– За что?

– Я обвинил тебя в том, что ты пыталась меня подставить. Ты этого не делала. Стрела принадлежала парню, который считался лучшим лучником в нашей школе. Я должен был сразу узнать необычное оперение. Разве я не прав, Весельчак О’Греди? – проговорил я, поворачиваясь к двери.

Завязывая шнурки, я незаметно нащупал на полу пару печений, швырнул одно из них вверх и разбил единственную в комнате лампочку.

Выстрелы раздались всего мгновение спустя, но этого мне вполне хватило. Когда Королева Сердец и сержант Весельчак О’Греди выстрелили друг в друга, я уже смылся.

В моем бизнесе просто необходимо быть внимательным.

Жуя печенье с джемом, я отправился прочь из дворца. Приостановившись у мусорного бака, я попытался сжечь конверт со снимками, который вытащил из кармана О’Греди, пробегая мимо. Но дождь лил как из ведра, и пламя никак не разгоралось.

Вернувшись на работу, я позвонил в министерство туризма и пожаловался. Они сказали, что дождь полезен для фермеров, а я послал их куда подальше.

Они обозвали меня грубияном.

И я ответил им:

– А я и есть грубиян.



## Троллев мост

Большую часть железнодорожных путей разобрали в начале шестидесятых, когда мне было три или четыре года. Железную дорогу обкорнали. Это означало, что, кроме Лондона, уже больше никуда не поедешь, и городок, в котором я жил, превратился в последний на ветке.

Мое первое достоверное воспоминание: мне полтора года, мама в больнице рождает сестру, бабушка отводит меня на мост и поднимает повыше, чтобы я посмотрел на поезд внизу, который пыхтит и дымит, точно черный железный дракон.

Еще через несколько лет загнали на запасный путь последний паровоз, а с паровозами исчезла и сеть рельсов, соединявших поселок с поселком, городок с городком. Я не знал, что паровозы скоро канут в Лету. К тому времени, когда мне исполнилось семь, они уже отошли в прошлое.

Мы жили в старом доме на окраине городка. Раскинувшиеся за ним поля стояли пустые под паром. Я обычно перелезал через забор и читал, лежа в тени чахлого куста, или, если меня тянуло к приключениям, исследовал местность вокруг пустой усадьбы по соседству. Там был зацветший и затянутый ряской декоративный пруд, а над ним – низкий деревянный мостик. В своих вылазках по садам и лесу я ни разу не встречал садовников или сторожей и в дом войти тоже не пытался. Это означало бы напрашиваться на неприятности, а кроме того, я свято верил, что во всех пустых старых домах водятся привидения.

Не в том дело, что я был доверчивым, просто верил во все темное и опасное. Такое вот мальчишеское убеждение, что ночь принадлежит призракам и ведьмам – голодным, взмахивающим широкими рукавами и одетым во все черное.

Обратное тоже было верным, утешительно верным: днем безопасно.

Ритуал: в последний день занятий я по дороге домой снимал ботинки и носки и, неся их в руках, шел, ступая по твердой каменистой тропинке розовыми и нежными пятками. Обувь во время летних каникул я надевал только по принуждению. Я упивался моей свободой, пока осенью снова не начиналась учеба.

Когда мне было семь, я обнаружил тропку в лесу. Стоял жаркий летний день, и я забрел далеко от дома.

Я обследовал окрестности. Шел мимо помещичьего дома со слепыми, забранными ставнями окнами, через усадьбу, а потом через незнакомый

лес. Когда сполз с крутого откоса, я оказался на неизвестной мне тенистой тропке, к которой вплотную подступили деревья. Немногие лучи, пробивавшиеся сквозь их кроны, окрасились зеленью и золотом, и я стал думать, что попал в сказочную страну.

Вдоль тропинки журчал ручеек, кишевший крохотными прозрачными козявками. Выловив несколько, я смотрел, как они дергаются и извиваются у меня в пальцах. Потом положил их назад в воду.

Я неспешно пошел по тропинке. Она была совершенно прямой и заросла невысокой травой. Время от времени я находил просто потрясающие камешки: пузырчатые, расплавленные кругляши, коричневые, пурпурные и черные. Если подержать такой на свет, увидишь все цвета радуги. Я был убежден, что они необычайно ценные, и набил ими карманы.

Так я и шел по тихому золотисто-зеленому коридору, и никто мне не встретился. Ни есть, ни пить не хотелось. Мне просто было интересно, куда ведет тропка. Она же шла точно по прямой и была совершенно ровной. Тропка ничуть не менялась, чего не скажешь про окружающее. Сначала я шел по дну оврага, и по обе стороны от меня почти отвесно поднимались травянистые откосы. Позже тропинка побежала по гребню, и, шагая по ней, я видел внизу кроны деревьев и изредка крыши далеких домов. Моя тропка оставалась прямой и ровной, и я шел по ней через холмы и долины, через доли и горы. Пока наконец в одной из долинок не вышел к мосту.

Он был построен из красного кирпича и высокой аркой залег над моей тропкой. По обе стороны от него в откосах были вырублены каменные ступени, а наверху этих лестниц имелись небольшие деревянные калитки.

Я удивился, увидев хоть какой-то признак людей на своей тропинке, которую уже с уверенностью стал считать естественным геологическим образованием (я недавно услышал про это в классе), как, например, вулкан. И скорее из чистого любопытства, чем по иной причине (ведь я же был уверен, что прошел многие сотни миль и очутиться мог где угодно), поднялся по ступеням и толкнул калитку.

И оказался на ничейной земле.

Верхняя часть моста была из засохшей глины. По обеим сторонам простирались луга. Нет, не совсем так: справа было пшеничное поле, слева просто росла трава. В засохшей глине виднелись отпечатки гусениц гигантского трактора. Чтобы удостовериться, я пересек мост: никаких топ-топ, мои босые ноги ступали беззвучно.

На много миль ничего: только поля, пшеница и деревья.

Подобрав колосок, я вытряс сладкие зерна и, раздавив между пальцев,

стал задумчиво жевать.

Тут я понял, что мне захотелось есть, и спустился по лестнице на заброшенные рельсы. Пора возвращаться домой. Я не заблудился, нужно было только пойти по моей тропинке назад.

Под мостом меня ждал тролль.

– Я тролль, – сказал он. Потом помедлил и добавил, точно ему пришло это в голову с запозданием: – Боль-соль-старый-тролль.

Он был огромным, макушкой доставал до свода арки. И почти прозрачным: мне были видны кирпичи и деревья за ним, смутно, но все же видны. Просто воплощение всех моих кошмаров. У него были огромные крепкие зубы и жуткие когти, а еще сильные волосатые руки. Волосы длинные и косматые, как у маленьких пластмассовых кукол-голышей моей сестры, и глаза навывкате. Он был голый, и между ног из спутанных волос свисал длинный пенис.

– Я тебя слышал, Джек, – сказал он похожим на ветер голосом. – Я слышал, как ты топ-топал по моему мосту. А теперь я съем твою жизнь.

Мне было всего семь, но ведь стоял белый день, поэтому, насколько мне помнится, я не испугался. Детям легко иметь дело со сказочными существами: они прекрасно подготовлены, чтобы с ними договариваться.

– Не ешь меня, – сказал я троллю.

На мне была коричневая футболка в полоску и коричневые вельветовые штаны. Волосы у меня тоже были почти коричневые, а недавно выпал один зуб. Я учился свистеть в дырку, но еще едва-едва получалось.

– Я съем твою жизнь, Джек, – повторил тролль.

Я посмотрел троллю прямо в лицо.

– Скоро по этой тропинке придет моя старшая сестра, – солгал я, – а она гораздо вкуснее меня. Лучше съешь ее.

Тролль потянул носом воздух и улыбнулся.

– Ты здесь совсем один, – сказал он. – На тропинке никого больше нет. Совсем никого. – Тут он наклонился и провел по мне пальцами: точно бабочки запорхали у моего лица, так прикасается слепой. Потом он понюхал пальцы и качнул головой. – У тебя нет старшей сестры. Только младшая, и сегодня она у своей подруги.

– И ты все это узнал по запаху? – изумленно спросил я.

– Тролли чуют запах радуг, тролли чуют запах звезд, – печально прошептало сказочное существо. – Тролли чуют запах твоих снов еще до того, как ты родился. Подойди поближе, и я съем твою жизнь.

– У меня в кармане драгоценные камни, – сказал я троллю. – Возьми

их вместо меня. Смотри. – Я показал ему чудесные оплавленные камешки, которые нашел на тропинке.

– Шлак, – сказал он. – Выброшенные отходы паровозов. Для меня ценности не представляют.

Он широко открыл рот. Я увидел острые зубы. Из рта у него пахло лиственным перегноем и обратной стороной всех на свете вещей.

– Есть. Хочу. Сейчас.

Мне казалось, он становится все плотнее, все реальнее; а мир снаружи тускнеет и блекнет.

– Подожди. – Я уперся пятками во влажную землю под мостом, пошевелил пальцами ног, изо всех сил цепляясь за реальный мир. Я посмотрел в его огромные глаза. – Зачем тебе есть мою жизнь? Еще рано. Я... мне только семь лет. Я вообще еще не жил. Есть книги, которые я еще не прочел. Я никогда не летал на самолете. Я даже свистеть пока не умею. Может, отпустишь меня? Когда я стану старше и мяса наращу побольше, я к тебе вернусь.

Троль устался на меня глазами, огромными, как фары у паровоза. Потом кивнул.



А я повернулся и пошел назад по тихой прямой тропке, которая бежала там, где когда-то тянулись железнодорожные рельсы.

Некоторое время спустя я побежал.

Я топал в зеленом свете по рельсам, пыхтя и отдуваясь, пока не почувствовал укол боли под ребрами, настоящее колотье в боку, и, держась за этот бок, побрел домой.

По мере того как я становился старше, начали исчезать поля. Одно за другим, борозда за бороздой. Вылезали как грибы дома с дорогами, названными по именам полевых цветов и респектабельных писателей. Наш дом, наш старый, обветшавший викторианский дом был продан, его снесли, сад разбили на участки.

Коттеджи строились повсюду.

Однажды я заблудился среди новых участков, захвативших пустоши, на которых я когда-то знал каждый куст. Но я не слишком расстраивался, что исчезают поля. Старый помещичий дом купила транснациональная корпорация, и на месте усадьбы построили коттеджи.

Восемь лет прошло, прежде чем я вернулся на старые железнодорожные пути, а когда вернулся, то не один.

Мне было пятнадцать; за это время я дважды сменил школу. Ее звали Луиза, она была моей первой любовью. Я любил ее серые глаза, ее тонкие светло-русые волосы и неловкую походку (точно у олененка, который только учится ходить, – звучит, конечно, не слишком оригинально, за что и извиняюсь): когда мне было тринадцать, я увидел, как она жует жвачку, и запал на нее, как падает с моста самоубийца.

Самая большая моя беда заключалась в том, что мы были лучшими друзьями и оба встречались с другими. Я никогда ей не говорил, что ее люблю, даже что она мне нравится. Мы были не разлей вода.

В тот вечер я был у нее в гостях: мы сидели в ее комнате и слушали «Ratus Norvegicus»,<sup>[5]</sup> первый диск «Стрэнглерс». Панк еще только зарождался, и все казалось таким увлекательным: возможности в музыке и во всем остальном представлялись бесконечными. Наконец пришла пора идти домой, и она решила прогуляться со мной. Мы держались за руки – совершенно невинно, просто добрые друзья, – и неспешно прошли весь десятиминутный путь до моего дома.

Ярко светила луна, весь мир был лишенным красок, но четким, а ночь теплой.

Мы подошли к моему дому. Увидели свет внутри и остановились на дорожке. Потом поговорили про группу, которую я организовывал. Внутри мы не пошли.

Теперь уже я решил проводить ее домой. Поэтому мы пошли назад.

Она рассказывала про баталии с младшей сестрой, которая ворует у нее духи и косметику. Луиза подозревала, что сестра занимается сексом с мальчиками. Сама Луиза была девственницей. Мы оба были.

Мы стояли на дороге у ее дома, стояли под фонарем и смотрели на черные губы и бледно-желтые лица друг друга.

И улыбались.

А потом просто пошли, выбирая тихие проселки и пустые тропинки. С одного застраиваемого участка тропинка вывела нас к леску, и мы пошли по ней дальше.

Тропинка была прямая и темная, но огни в далеких домах сияли как

упавшие на землю звезды, и луна давала достаточно света, чтобы видеть, куда ставишь ногу. Один раз мы испугались, когда перед нами что-то зашаркало и фыркнуло, а подойдя поближе, увидели, что это барсук, и тогда рассмеялись, обнялись и пошли дальше.

Мы тихонько несли чепуху: о чем нам мечтается, чего хочется, что думается.

И все это время мне хотелось ее поцеловать, потрогать грудь, быть может, положить руку между ног.

Наконец мне выпал шанс. Над тропинкой повис старый кирпичный мост, и мы под ним остановились. Я прижался к ней. Ее губы раскрылись под моими.

И вдруг она застыла, одеревенела.

– Привет, – сказал тролль.

Я отпустил Луизу. Под мостом было темно, но силуэт тролля точно сгущал черноту.

– Я ее заморозил, – сказал тролль, – чтобы мы могли поговорить. А теперь я съем твою жизнь.

Сердце у меня отчаянно колотилось, я почувствовал, что дрожу.

– Нет.

– Ты сказал, что вернешься ко мне. И вернулся. Ты научился свистеть?

– Да.

– Это хорошо. Я никогда не умел свистеть. – Потянув носом воздух, он кивнул. – Я доволен. Ты увеличился годами и опытом. Больше еды.

Схватив Луизу, бесчувственную и послушную, я подтолкнул ее вперед.

– Не ешь меня. Я не хочу умирать. Возьми ее. Готов поспорить, она гораздо вкуснее меня. И она на два месяца меня старше. Почему бы тебе не съесть ее?

Тролль молчал.

Он обнюхал Луизу с головы до ног, потянул носом воздух у ее ступней, паха, груди и волос.

Потом посмотрел на меня.

– Она невинна, – сказал он. – А ты нет. Ее я не хочу, я хочу тебя.

Подойдя к концу туннеля под мостом, я поглядел вверх на звезды в ночи.

– Но я столько всего еще никогда не делал, – сказал я отчасти себе самому. – Вообще никогда. Ну, я никогда не занимался сексом. И в Америке никогда не был. Я не... – Я помедлил. – Я вообще ничего не сделал. Пока не сделал.

Тролль промолчал.

– Я мог бы к тебе вернуться. Когда стану старше.

Тролль молчал.

– Я вернусь. Честное слово вернусь.

– Вернешься ко мне? – спросила Луиза. – Почему? Ты куда-то уходишь?

Я обернулся. Тролль исчез, в темноте под мостом стояла девушка, которую, мне казалось, я люблю.

– Домой, – сказал я. – Мы идем домой.

На обратном пути мы не разговаривали.

Она стала встречаться с барабанщиком из созданной мной группы и много позже вышла замуж за кого-то еще. Однажды мы столкнулись в поезде, это было уже после ее свадьбы, и она спросила, помню ли я ту ночь.

Я сказал, что да.

– Ты правда мне в ту ночь очень нравился, Джек, – сказала она. – Я думала, ты меня поцелуешь. Я думала, что ты пригласишь меня на свидание. Я бы согласилась. Если бы ты пригласил.

– Но я этого не сделал.

– Да, – сказала она. – Не сделал.

Волосы у нее были острижены очень коротко. Эта прическа ей не шла.

Я никогда больше ее не видел. Подтянутая женщина с натужной улыбкой не была той девушкой, которую я любил, и от разговора с ней мне стало не по себе.

Я перебрался в Лондон, а потом, несколько лет спустя, назад в родные края, но сам городок уже был не тот, что я помнил: не было ни полей, ни ферм, ни узких каменистых тропинок; и как только возникла возможность, я переехал снова – в крохотный поселок в десяти милях по шоссе. Я переехал с семьей (к тому времени я женился и наш сын только-только начал ходить) в старый дом, много лет назад там была железнодорожная станция. Шпалы выкопали, и чета стариков напротив выращивала на их месте овощи.

Я старел. Однажды утром я нашел у себя седой волос, а чуть позже услышал свой голос в записи и осознал, что звучит он в точности, как у моего отца.

Работал я в Лондоне, занимался анализом акустики залов и выступлений разных групп для одной крупной компании записи. Почти каждый день ездил в Лондон поездом, иногда возвращался по вечерам.

Мне пришлось снимать крохотную квартиру в Лондоне: трудно



ездить взад-вперед, если группы, которые ты проверяешь, выползают на сцену лишь к полуночи. А еще это означало, что не было проблем со случайным сексом, если хотелось, а мне хотелось.

Я думал, что Элеонора (так звали мою жену, наверное, мне следовало упомянуть об этом раньше) ничего про других женщин не знает, но однажды зимним днем, приехав из увеселительной командировки в Нью-Йорк на две недели, я вернулся в пустой и холодный дом. Она оставила мне даже не записку, а настоящее письмо. Пятнадцать страниц, аккуратно отпечатанных на машинке, и каждое слово на них было правдой. Включая постскрипtum: «Ты меня по-настоящему не любишь. И никогда не любил».

Надев теплое пальто, я вышел из дому и просто пошел куда глаза глядят, ошеломленный и слегка оцепеневший.

Снега не было, но землю сковал мороз, и у меня под ногами скрипели листья. Деревья казались черными скелетами на фоне сурово-серого зимнего неба. Я шел по шоссе. Меня обгоняли машины, спешившие в Лондон и из него. По пути я споткнулся о ветку, наполовину зарытую в куче бурых листьев, разорвал брюки и оцарапал ногу.

Я добрал до ближайшей деревушки. Шоссе под прямым углом пересекало речку, а вдоль нее шла тропинка, которой я никогда раньше тут не видел, и я пошел по ней, глядя на полузамерзшую речку. Река журчала, плескалась и пела.

Тропинка ввела в поля и была прямой и поросшей жухлой травой.

У тропинки я нашел присыпанный землей камешек. Подняв его и счистив глину, я увидел, что это оплавленный кусок чего-то буропурпурного со странным радужным отблеском. Я положил его в карман и сжимал в руке на ходу, его осязаемое тепло успокаивало.

Река петляла по полям, а я все шел и шел и лишь через час заметил первые дома – новые, маленькие и квадратные – на набережной надо мной.

А потом увидел перед собой мост и понял, где оказался: я был на старом железнодорожном пути, только вот шел по нему с непривычной стороны.

Одну сторону моста испещрили граффити: СРАНЬ и БАРРИ ЛЮБИТ СБЮЗАН и вездесущее НФ «Национального фронта».<sup>[6]</sup>

Я остановился под красной кирпичной аркой моста – среди оберток от мороженого, хрустящих пакетов и одинокого, печального использованного презерватива, стоял и смотрел, как дыхание облачком вырывается у меня изо рта в холодный сумеречный воздух.

Кровь у меня на брюках засохла.

По мосту надо мной проезжали машины, я слышал, как в одной громко

играет радио.

– Эй? – негромко позвал я, чувствуя себя неловко, чувствуя себя нелепо. – Эй?

Ответа не было. Ветер шуршал пакетами и листвой.

– Я вернулся. Я же сказал, что вернусь. И вернулся. Эй?

Тишина.

Тогда я заплакал, глупо, беззвучно зарыдал под мостом.

Чья-то рука коснулась моего лица, и я поднял глаза.

– Не думал, что ты вернешься, – сказал тролль.

Теперь он был одного со мной роста, но в остальном не изменился. Его длинные волосы сваялись, в них запуталась листва, а глаза были огромными и одинокими.

Пожав плечами, я вытер лицо рукавом пальто.

– Я вернулся.

По мосту над нами, крича, пробежали трое детей.

– Я тролль, – прошептал тролль жалобным испуганным голосом. – Соль-боль-старый-тролль.

Его била дрожь.

Протянув руку, я взял его огромную когтистую лапу.

– Все хорошо, – сказал я ему. – Честное слово, все хорошо.

Тролль кивнул.

Он повалил меня на землю, на листья, обертки и презерватив и опустил на меня сверху. А потом поднял голову, открыл пасть и съел мою жизнь, разжевав крепкими, острыми зубами.

Закончив, тролль встал и отряхнулся. Опустив руку в карман своего пальто, он вынул пузырчатый, выжженный шлак.

И протянул его мне.

– Это твое, – сказал тролль.

Я смотрел на него: моя жизнь сидела на нем легко, удобно, словно он носил ее годами. Взяв из его руки кусок шлака, я его понюхал. И почувал запах паровоза, с которого он упал давным-давно. Я крепче сжал его в волосатой лапе.

– Спасибо, – сказал я.

– Удачи, – отозвался тролль.

– М-да. Что ж. Тебе тоже.

Тролль усмехнулся мне в лицо.

А потом повернулся ко мне спиной и пошел той же дорогой, которой пришел я, к поселку, в пустой дом, который я оставил сегодня утром, и

насвистывал на ходу.

С тех пор я здесь. Прячусь. Жду. Я – часть моста.

Из теней я смотрю, как мимо проходят люди: выгуливают собак или разговаривают, вообще делают то, что делают люди. Иногда они останавливаются под моим мостом – отдохнуть, помочиться, заняться любовью. Я наблюдаю, но молчу, а они никогда меня не видят.

*Соль-боль-старый-троль.*

Я останусь здесь в темноте под аркой. Я слышу, как вы там ходите, как вы там топ-топаете по моему мосту.

О да, я вас слышу.

Но не выйду.

## Не спрашивайте Джека

Никто не знал, откуда взялась игрушка, кому из дедушек, бабушек или дальних родственников она принадлежала до того, как ее отдали в детскую.

Это была шкатулка, резная и раскрашенная красным и золотом. Она была определенно привлекательной или, так, во всяком случае, считали взрослые, довольно ценной – возможно, даже антикварной. К несчастью, замок заржавел и не открывался, ключ был потерян, поэтому Джека нельзя было выпустить из коробочки. Тем не менее это была замечательная шкатулка, тяжелая, резная и позолоченная.

Дети с ней не играли. Она лежала на дне старого деревянного ящика для игрушек, возраста и размера приблизительно с пиратский сундук для сокровищ. Джек-в-коробочке был погребен под куклами и поездами, под клоунами и бумажными звездами, под старыми шутихами, увечными марионетками с безнадежно запутанными нитками, под костюмами для переодеваний (тут лохмотья древнего подвенечного платья, там шелковый цилиндр с коростой возраста и времени) и бижутерией, сломанными обручами, скакалками и лошадками. Подо всем этим пряталась шкатулка Джека.

Да, дети с ней не играли. Оставшись одни в детской на самом верхнем этаже, они перешептывались. Хмурыми днями, когда в коридорах завывал ветер и дождь гремел черепицей и барабанил по скатам крыши, они рассказывали друг другу истории про Джека, хотя сами его никогда не видели. Один утверждал, что Джек злой волшебник, которого посадили в коробку в наказание за преступления, слишком страшные, чтобы о них говорить, другая (я уверен, это была одна из девочек) настаивала, что шкатулка Джека на самом деле ящик Пандоры, и посадили его туда как хранителя, чтобы он не позволял снова вырваться наружу нехорошим вещам. Дети даже не притрагивались к шкатулке, хотя когда (как это время от времени случалось) какой-нибудь взрослый удивлялся вдруг отсутствию «милого Джека-в-коробочке» и, достав из пиратского сундука, ставил на почетное место на каминной полке, они тогда набирались храбрости и попозже снова прятали его в темноту.



Нет, дети не играли с Джеком-в-коробочке. А когда они выросли и покинули большой дом, детскую в мансарде закрыли и почти позабыли.

Почти, но не совсем. Ибо каждый из детей помнил, как босиком поднимался в голубом лунном свете наверх в детскую. Это было почти как хождение во сне: ноги беззвучно касались деревянных ступеней, потертого ковра в детской. Помнил, как открывал пиратский сундук, как рылся в куклах и одежде, как вытаскивал шкатулку.

И когда ребенок касался застежки, крышка откидывалась медленно-медленно, как полыхает закат, потом начинала играть музыка, и выходил Джек. Не выпрыгивал с шумом, как «чертик из табакерки»: у Джека не было пружинки в каблуке. Нет, он уверенно, решительно поднимался из шкатулки и манил ребенка наклониться поближе, еще ближе, а потом улыбался.

И там, в лунном свете, он каждому говорил то, чего они никак не могли вспомнить, то, чего они не могли до конца забыть.

Старший мальчик не вернулся с Первой мировой. Младший после смерти родителей унаследовал поместье, хотя его у него отобрали, застав однажды ночью в подвале с тряпками, парафином и спичками, когда он пытался сжечь большой дом дотла. Его увезли в закрытый санаторий, и, быть может, он там и по сей день. Остальные, некогда девочки, а теперь взрослые женщины, все как одна отказались вернуться в дом своего детства.

И окна дома забрали ставнями, двери заперли огромными чугунными ключами, и сестры навещали его так же часто, как могилу старшего брата или несчастное существо, которое когда-то было их младшим братом, иными словами никогда.

Шли годы, девочки состарились, в детской под крышей поселились совы и летучие мыши, среди забытых игрушек свили гнезда крысы. Звери без любопытства смотрят на поблекшие гравюры на стене и пачкают пометом остатки ковра.

Глубоко на дне пиратского сундука Джек улыбается и ждет, храня свои секреты. Он ждет детей. Он может ждать вечно.

## Как продать Понтийский мост

Мой любимый Клуб Отъявленных Негодяев был старейшим и одним из самых привилегированных в Семи Мирах. За семьсот лет существования его членами побывали самые отпетые жулики, мошенники, мерзавцы и воры. Во многих странах в разные времена были попытки создать нечто подобное (вот, скажем, совсем недавно, всего каких-то пять сотен лет назад, один такой клуб был основан в Лондоне). Однако ни один из вновь появившихся клубов по атмосфере и в подметки не годился Клубу Отъявленных Негодяев города Потерянного Карнадина. Ни в одном клубе к приему членов не подходили так серьезно.

В Клуб Отъявленных Негодяев Потерянного Карнадина принимали только за особые заслуги. Сами поймете, какая публика гуляла, ела, сидела и разговаривала в его многочисленных гостиных, если я скажу, что там частенько бывал Дараскиус Ло, Проттл (продавший дворец Короля Вандавии Королю Вандавии) и самозванец Лорд Нифф (он, как мне шепнули, и придумал тот самый хитрый трюк, с помощью которого был обчищен банк Казино Гранд). Кстати, я видел, как жулики, известные во всей вселенной, обивали пороги, чтобы добиться приема у секретаря клуба и обсудить с ним свое членство. В один прекрасный день мимо меня по лестнице клуба прошел известный финансист в компании главаря мафии Верхнего Бразайла и небезызвестного премьер-министра. Их лица были мрачны как никогда, им сказали, что и думать не стоит о возвращении в эти стены. Да уж, те, кто входил в Клуб Отъявленных Негодяев, были настоящей элитой. Я уверен, что вы слышали о каждом из его членов. Разумеется, не под их собственными именами, но птиц видно по полету, ведь так?

Лично я заслужил членство в клубе благодаря одному блестящему научному исследованию, которое, как я смею полагать, самым революционным образом повлияло на мировоззрение целого поколения. Итак, поскольку я смог с презрением отряхнуть со своих ног прах общепринятой морали и стать членом этого клуба космического масштаба, в один прекрасный вечер я пришел сюда, чтобы поучаствовать в нескольких искрометных беседах, выпить изысканного вина и просто побыть в обществе равных себе.

Было уже довольно поздно. В камине догорали дрова, и большинство из нас сидели в алькове главной гостиной, попивая темное, тончайшего

вкуса спайдеринское вино.

– Конечно, – говорил один из моих новых друзей, – есть аферы, которыми ни один из уважающих себя мошенников никогда не займется, настолько они устарели и стали малоинтересными. Например, продать туристам Понтийский мост.

– Как, впрочем, и колонну Нельсона, Эйфелеву башню или Бруклинский мост на моей родине, – заметил я. – Глупое, бесперспективное занятие, как карточная игра «Веришь – не веришь». Хотя, с другой стороны, никто из тех, кто продал Понтийский мост, еще не был членом клуба, подобного нашему.

– Разве? – раздался чей-то спокойный голос из угла комнаты. – Как странно. А я думал, что меня когда-то приняли в клуб именно за то, что я его продал.

Высокий, элегантный и практически лысый джентльмен поднялся с кресла и подошел к нам. Он держал в руках тарелку с каким-то экзотическим фруктом и улыбался. Подойдя к нам, джентльмен отодвинул подушку и присел.

– По-моему, мы раньше не встречались.

Мои друзья представились (подвижную седую женщину звали Глотис, а низенького хитрована – Редкап). Я тоже назвал свое имя.

Улыбка джентльмена стала еще шире.

– Слава о вас обгоняет ваши имена. Я польщен. Вы можете называть меня Стот.

– Стот? – переспросила Глотис. – Единственный Стот, о котором я когда-либо слышала, ограбил Коршуна Дерану, но это было... Это было сто лет тому назад. Впрочем, о чем это я? Вы, вероятно, взяли его имя в знак уважения?

– Вы – мудрая женщина, – кивнул Стот. – Разве я похож на древнего старика? – Он откинулся на подушку. – Вы говорили о продаже Понтийского моста?

– Совершенно верно.

– И считаете, что продать Понтийский мост – жалкое жульничество, которое недостойно члена этого клуба? Возможно, вы правы. Давайте вспомним, из чего состоит хорошая афера. – Он щелкнул кончиками пальцев. – Во-первых, афера должна быть правдоподобной. Во-вторых, простой – чем сложнее, тем больше вероятность ошибки. В-третьих, клиента нужно обмануть так, чтобы исключить любую возможность его обращения к полиции. В-четвертых, главными источниками любого красивого мошенничества являются человеческое тщеславие и жадность. И



последнее, афера должна основываться на доверии.

– Разумеется, – подтвердила Глотис.

– И вы утверждаете, что продажа Понтийского моста – или любой другой исторической достопримечательности – не может обладать этими характеристиками? Леди, джентльмены, позвольте мне рассказать вам одну историю. Несколько лет тому назад я приехал в Понтию практически без гроша в кармане. У меня было всего тридцать золотых крон, а мне требовался миллион. Зачем? Боюсь, это совсем другая история. Я произвел инвентаризацию. В наличие оказалось тридцать золотых крон и дорогой гардероб. Я бегло разговаривал на понтийском аристократическом диалекте и выглядел, не побоюсь показаться нескромным, просто блестяще. Я понятия не имел, откуда мне взять сумму, которая требовалась. Моя голова, в которой обычно роились изящные комбинации, была пуста. Итак, помолившись богам, чтобы они ниспослали мне вдохновение, я отправился осматривать город...

Понтия, свободный город-порт, протянулся с юга на восток в отрогах Даунского хребта вдоль берегов Даунского залива – прекрасной естественной бухты. Обе стороны бухты соединены мостом, построенным около двухсот лет назад из драгоценных камней, строительного раствора и магии. Вначале, когда он только проектировался, никто не верил, что конструкция длиной в полмили простоит достаточно долго. Но строительство моста благополучно завершилось, и насмешки сменились восхищением и гордостью. Мост, будто летящий над Даунским заливом, переливающийся всеми цветами радуги в лучах полуденного солнца, был самым совершенством.

Экскурсовод остановился у одной из опор моста.

– Леди и джентльмены, при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что мост построен целиком из драгоценных камней – рубинов, сапфиров, бриллиантов, изумрудов, карбункулов, сцепленных прозрачным строительным раствором, изготовленным магами-близнецами Хролгаром и Хрилтфгуром с использованием первобытной магии. Можете не сомневаться в подлинности драгоценных камней – все они в свое время были доставлены сюда с пяти концов света Эммидусом, Королем Понтии.

Маленький мальчик, стоявший в первых рядах группы, повернулся к маме и громко сказал:

– Мы проходили это в школе. Его звали Эммидус Последний, потому что потом никаких королей тут не было. А еще нам говорили...

Экскурсовод мягко перебил его:

– Молодой человек абсолютно прав. Король Эммидус Последний полностью обанкротил своей затеей город-государство, и благодаря этому теперь мы живем при процветающем Правящем Анклаве.

Мама мальчика яростно драла сына за ухо под одобрительный смех экскурсовода.

– Я уверен, вы уже слышали, что разные мошенники постоянно пытаются одурачить туристов, представляясь поверенными собственников моста, которые будто бы собираются его продать. Мошенники получают солидный аванс и скрываются. Чтобы окончательно прояснить ситуацию, – повторил он то, что говорил по пять раз на дню, – предупреждаю: мост определенно не продается.

Это была хорошая шутка. Она всегда вызывала смех.

Группа поднялась на мост. Только маленький мальчик заметил, что один из туристов – высокий лысый человек остался на месте. Он, глубоко задумавшись, стоял у опоры моста. Мальчик мог рассказать об этом всем, но ухо до сих пор болело, и он промолчал.

Они играли огромными, туго натянутыми ракетками и усыпанными драгоценностями черепами вместо мячей. Это отдаленно напоминало теннис. Черепа удовлетворенно потрескивали, когда удар был сильным, и летели через вымощенную мрамором площадку по крутой параболе. Эти черепа никогда не сидели на человеческих шеях. Их добыли ценой огромных человеческих жертв и материальных расходов у расы горных демонов. После чего украсили драгоценными камнями (изумрудами и рубинами в кружевной серебряной оправе, вставленной в глазницы и челюсть) в ювелирных мастерских, принадлежащих Картусу.

Подавал Картус.

Он взял из пирамиды следующий череп и посмотрел его на свет, любуясь искусной работой. В лучах солнца драгоценные камни словно светились изнутри. Картус мог бы назвать точную цену и происхождение каждого камня – даже, возможно, название шахты, из которой они были добыты. Но и сами черепа тоже были хороши: молочного цвета натурального жемчуга, отполированные и гладкие, как шелк. Каждый из них стоил больше, чем драгоценные камни, которые его украшали. Расу демонов давно истребили, и Картус лишился источника черепов.

Он послал мяч через сетку. Эйша отбила удар, заставив Картуса побежать в угол площадки (спортивные туфли гулко застучали по холодному мраморному полу) – раз! – и мяч полетел обратно.

Она подросла почти вовремя. Почти, но не совсем: череп скользнул

по ракетке, упал вниз и, подрагивая, застыл в нескольких сантиметрах от пола, как будто вдруг погрузился в жидкость или попал в сильное магнитное поле.

Разумеется, это была магия. Она стоила Картусу огромных денег. Но он и не такое мог потянуть.

– Очко за мной, леди, – объявил он, что-то мурлыкая себе под нос.

Эйша, его партнер во всем, кроме любви, не ответила. Ее глаза блестели, как льдинки или как любимые ею драгоценные камни. Картус и Эйша были ювелирами. Они составляли довольно странную пару.

За спиной Картуса раздалось деликатное покашливание. Он обернулся и увидел раба в белой тунике, державшего в руках свиток пергамента.

– В чем дело? – спросил Картус, тыльной стороной ладони стряхивая со лба пот.

– Вам послание, лорд. Человек, принесший его, сказал, что это срочно.

Картус нахмурился.

– От кого?

– Я не открывал. Мне было сказано, что это адресовано только вам и леди Эйше и никому другому.

Картус посмотрел на свиток, но не двинулся, чтобы взять его. Картус был крупным мужчиной с редкими выгоревшими волосами и полным лицом, на котором застыло выражение озабоченности. Его конкуренты – а их хватало, так как Понтия с годами стала центром ювелирного бизнеса, – уже знали, что это выражение не имеет ничего общего с тем, что Картус чувствует на самом деле. Прежде чем они это поняли, он заставил их выложить немало денег.

– Возьми послание, Картус, – сказала Эйша. Увидев, что он не двигается, она обошла сетку и вырвала свиток из рук раба.

– Оставь нас одних.

Раб неслышно удалился.

Эйша разрежала сургуч небольшим ножиком, который всегда носила в рукаве, и развернула пергамент. Ее глаза быстро пробежали текст, потом она гораздо внимательнее прочла его еще раз и присвистнула.

– Это...

Картус взял пергамент в руки и прочел.

– Я... я не знаю, что с этим делать, – раздраженно проговорил он. Он неосознанно потер ракеткой маленький крестообразный шрам на правой щеке. Медальон члена Высшего Совета торговцев драгоценностями Понтии, который Картус носил на шее, прилип к потной коже. – А что ты на это скажешь, мой цветочек?

– Я не твой «цветочек».

– Конечно, нет, леди.

– Так-то лучше, Картус. Никак не получается сделать из тебя настоящего джентльмена. Что ж, для начала имя определенно вымышленное. Надо же – Глу Кролл! В Понтии больше Глу Кроллов, чем бриллиантов на наших складах! Адрес тоже, судя по всему, какого-то съемного дома в районе Прибрежных скал. На сургуче нет печати. Помоему, парень просто из кожи вон лез, чтобы сохранить анонимность.

– Да. Я тоже это понял. А что скажешь о его предложении? Если верить этому парню, оно исходит от деловых кругов Правящего Анклава, к чему тогда вся эта завеса секретности, на которой он так настаивает?

Она пожала плечами.

– Правящий Анклав никогда не пренебрегал секретностью. И, если читать между строк, речь здесь идет о крупных деньгах.

Картус промолчал. Он нагнулся, поднес ракетку к пирамиде черепов и отложил в сторону свиток. Взяв крупный череп, он погладил его большими, грубоватыми пальцами.

– Знаешь, – сказал он, будто обращаясь к черепу, – возможно, для меня это шанс раз и навсегда возвыситься над этими вымогателями из Высшего Совета Гильдии. Полудурками с жидкой аристократической кровью.

– И это говорит сын раба, – сказала Эйша. – Если бы не я, ты бы никогда не стал членом Совета.

– Заткнись. – На его лице застыло крайне озабоченное выражение, что, впрочем, ничего не означало. – Я им покажу. Вот увидишь.

Он поднял череп в правой руке, словно взвешивая и определяя ценность и чистоту кости, драгоценных камней и изящной оправы. Потом удивительно быстро для такого крупного человека повернулся и изо всех сил швырнул его в дальнюю стену за игровой площадкой. Череп летел целую вечность, будто нехотя, и, врезавшись в стенку, разбился на мельчайшие осколки. Звон от удара показался Картусу прекрасной музыкой.

– Я пойду переоденусь и встречу с этим Глу Кроллом, – пробормотал Картус. Он вышел из зала, прихватив с собой свиток. Эйша посмотрела ему вслед, потом хлопнула в ладоши, вызывая раба.

Район пещер, изъязвивших как пчелиные соты склоны всей северной части Даунской бухты от вершин до самой воды, назывался Прибрежными скалами. В дверях Картус снял с себя всю одежду, отдал ее рабу и спустился по узким каменным ступеням. Войдя в воду, он невольно поежился (хотя вода и подогревалась до температуры чуть ниже

человеческого тела, как было принято у аристократов, но после уличной жары все равно казалась ледяной) и поплыл по коридору в приемную. На стенах мерцали отблески от воды. Четверо мужчин и две женщины лежали на больших деревянных плотах, выполненных в форме морских птиц или рыб.

Картус подплыл к пустому плоту – дельфину – и влез на него. На голой груди Картуса покачивался медальон Высшего Совета Ювелирной Гильдии. Все члены Высшего Совета, кроме одного, были здесь.

– Где он? – спросил Картус, не обращаясь ни к кому конкретно.

Худая как скелет женщина с безупречно белой кожей показала рукой на одну из внутренних комнат, потом зевнула, изогнувшись, как морская волна, и, оказавшись на самом краю плота в форме гигантского лебедя, соскользнула в воду. Картус ненавидел эту женщину и завидовал ей: этот трюк был одним из двенадцати так называемых благородных погружений. Картус знал, что даже после долгих лет тренировки не сможет его повторить.

– Вобла сушеная, – прошипел он себе под нос. Интересно, известно ли членам Совета хоть что-то, чего он не знает?

За спиной раздался всплеск, и Картус обернулся. Воммет, председатель Совета, схватился руками за плот Картуса. Они кивнули друг другу, и Воммет (маленький горбун, чей прапрадедушка сколотил состояние, добывая драгоценные камни для короля Эммидуса, и установил основные законы, по которым вот уже двести лет живет Правящий Анклав), сказал:

– Он примет вас следующим, мессир Картус. По коридору налево, в первую дверь.

Остальные члены Совета, возлежащие на плотах, безучастно смотрели на Картуса. Они были понтийскими аристократами, поэтому постарались скрыть свою зависть и раздражение из-за того, что Картуса принимают первым. Впрочем, скрыли не так удачно, как им казалось. Картус улыбнулся.

Он едва сдержался, чтобы не спросить горбуна, в чем, собственно, дело, и соскользнул с плота. От теплой морской воды защипало в глазах.

В комнату, где его ждал Глу Кролл, вели несколько вырубленных в скале ступеней. Она была сухой, темной и прокуренной и освещалась всего лишь одной лампой, стоявшей на столе в центре комнаты. На кресле была разложена одежда, и Картус натянул ее на себя. Человек стоял в тени, но даже в полумраке Картус смог разглядеть, что он очень высокий и совершенно лысый.

– Доброго вам дня, – произнес учтивый голос.

– Доброго дня вашему дому и детям, – ответил Картус.

– Садитесь. Как вы поняли из моего послания, я здесь по поручению Правящего Анклава. Прежде чем продолжить наш разговор, я должен попросить вас прочитать и подписать это обязательство о неразглашении. Можете не торопиться. – Он протянул документ Картусу. Это действительно было обязательство о неразглашении, в котором Картусу запрещалось вести любые переговоры на данную тему, иначе Правящий Анклав будет «крайне недоволен», этот вежливый эвфемизм означал смерть. Картус прочел документ дважды.

– Это... это ведь не противоречит закону?

– Сэр! – оскорбился собеседник. Картус пожал мускулистыми плечами и кивнул. Бумага вернулась к хозяину, и тот аккуратно положил ее в сундук в дальнем углу комнаты. – Очень хорошо. Тогда давайте перейдем к делу. Хотите что-нибудь выпить? Покурить? Понюхать? Нет? Очень хорошо.

Они помолчали.

– Как вы, должно быть, догадались, Глу Кролл не настоящее имя.

Картус хмыкнул, довольный тем, что его догадка подтвердилась, и почесал ухо.

– Мессир Картус, что вы знаете о Понтийском мосте?

– То же, что и остальные. Это национальное достояние. Достопримечательность. Если хотите, производит неизгладимое впечатление. Построен из драгоценных камней и магии. Камни не все высокого качества, хотя в самую середину вделан розовый алмаз величиной с детский кулак, в котором, говорят, нет ни одного изъяна...

– Очень хорошо. Вы когда-нибудь слышали термин «магический полураспад»?

Картус не слышал. По крайней мере, не мог этого вспомнить.

– Слышал, – ответил он. – Но я не маг и не...

– Магический полураспад, мессир, это термин из некромантии, который означает период действия магии после смерти создавшего ее мага, ведьмы или волшебника. Самые простые заклинания, заговоры исчезают сразу же после смерти волшебника или ведьмы. На другом конце этой шкалы мы имеем феномен Моря Морских Змей, в котором вот уже девятьсот лет после казни своего создателя, Килимвея Лаха, живут и прекрасно себя чувствуют чистейшие магические змеи.

– Я читал об этом.

– Отлично. Тогда вы поймете смысл того, что я вам сейчас скажу. Магический полураспад Понтийского моста, по оценкам наших мудрейших философов, составляет немногим более двухсот лет. Очень, очень скоро,

мессир, мост начнет разрушаться и рухнет в море.

Ювелир ахнул.

– Но это же ужасно. Если об этом узнают... – Он замолчал, чтобы обдумать последствия.

– Вы правы. Будет паника. Хаос, волнения. Мы должны пресечь любую утечку информации, секретность – превыше всего.

– Пожалуй, сейчас я бы что-нибудь выпил, – сказал Картус.

– Разумно. – Лысый высокопоставленный чиновник откупорил хрустальный графин, налил в бокал голубого вина, передал его Картусу и продолжил: – Любой ювелир, которому разрешат разобрать и взять материал, из которого построен Понтийский мост, окупит все свои расходы только на рекламе, не говоря уже о драгоценностях. Мне поручено переговорить об этом со всеми наиболее известными и крупными ювелирами, которые смогут освоить этот объем, только семеро из них живут в Понтии и еще двое – иностранцы. Правящий Анклав очень обеспокоен. Можете себе представить, если драгоценные камни разом попадут на понтийский рынок, они почти обесценятся. В обмен на полное и безраздельное обладание мостом владелец должен будет соорудить под мостом некую конструкцию, которая по мере разрушения магии будет собирать драгоценные камни. Кроме того, он получит право продать в стенах города не более половины камней. Вы, как старший партнер в компании «Картус и Эйша» – один из тех, с кем мне поручено провести переговоры по данному делу.

Ювелир покачал головой. Насколько он понимал, все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Что-то еще? – ровно спросил он. В его голосе сквозило безразличие.

– Я всего лишь скромный служащий Анклава, – сказал лысый. – Со своей стороны, Анклав хочет получить выгоду от этого дела. Каждый из вас примет участие в тендере, о результатах которого я доложу Анклаву. Между ювелирами не должно быть никаких сепаратных переговоров. Анклав примет наилучшее предложение и объявит победителя на открытом официальном заседании. И только после этого победитель заплатит деньги в городскую казну. Большая часть этой суммы, насколько я понимаю, пойдет на строительство нового моста (по всей видимости, из более традиционных материалов) и оплату железной дороги, которая будет перевозить жителей, пока не построят новый мост.

– Понятно.

Высокий пристально посмотрел на Картуса. Ювелиру показалось, что тяжелый взгляд проникает ему прямо в душу.

– У вас есть пять дней, чтобы подать заявку, Картус. Позвольте мне предупредить вас о двух вещах. Первое: при малейшем намеке на сговор между кем-то из вас, ювелиров, Анклав выразит вам свое крайнее неудовольствие. Второе: при одном подозрении на малейшую утечку информации, мы не будем утруждать себя поиском того, кто слишком широко открыл рот. Высший Совет понтийских ювелиров будет заменен в полном составе на другой, а ваш бизнес аннексируют, и, вероятнее всего, деньги от его продажи вручат в качестве призов во время следующих Осенних Игр. Я ясно изложил свою мысль?

– Да, – выдавил Картус.

– Тогда можете идти. И помните, мы ждем ваших предложений через пять дней. Позовите следующего.

Картус вышел из комнаты как во сне и, рывкнув первому же попавшемуся ему на пути члену Высшего Совета: «Теперь он хочет говорить с вами», – вышел на улицу, где ярко светило солнце и воздух был прохладным и свежим. Сверкающая всеми своими драгоценностями громада Понтийского моста нависала над городом так же, как и все последние двести лет.

Картус прищурился. Ему показалось, или на самом деле камни сверкали не так ярко, а конструкция знаменитого моста действительно немного провисла, и весь он выглядел не так впечатляюще, как раньше? А аура надежности, столь долгое время осенявшая мост, стала тускнеть?

Картус начал подсчитывать стоимость моста с точки зрения веса и чистоты составлявших его камней. Интересно, что скажет Эйша, когда он преподнесет ей тот самый розовый бриллиант с вершины моста. Высший Совет перестанет смотреть на Картуса как на выскочку – нувориша, если именно он купит Понтийский мост.





Они все будут относиться к нему значительно лучше. Можно не сомневаться.

Человек, называющий себя Глу Кроллом, одного за другим принимал ювелиров. Услышав новость о разрушении магических чар, поддерживающих Понтийский мост, одни были потрясены, другие смеялись, кто-то не мог скрыть испуга, кто-то усмехался. Но каждый из них, сохраняя насмешливое или озабоченное выражение на лице, начинал подсчитывать выгоды данного предприятия, строить планы участия в тендере и теревить своих шпионов в ювелирных домах конкурентов.

Картус ничего никому не сказал, даже своей любимой, несравненной Эйше. Он заперся в кабинете и стал строчить предложения к тендеру. Остальные ювелиры занимались тем же самым.

...Огонь в камине Клуба Отъявленных Негодяев почти прогорел, лишь несколько красных угольков едва тлели в кучке серого пепла. Рассвет уже посеребрил небо. Глотис, Редкап и я всю ночь слушали человека, который назвал себя Стотом. Прервав свой рассказ, он откинулся на подушку и усмехнулся.

– Итак, друзья мои, вот она – совершенная афера, – заключил он. – Ну, как?

Я посмотрел на Глотис и Редкапа и с облегчением увидел, что они, также, как и я, ничего не поняли.

– Простите, – проговорил Редкап, – я не понимаю...

– Не понимаете, вот как? А вы, Глотис? Понимаете? Или ваши глаза тоже замазаны грязью?

Глотис была серьезна, как никогда.

– Хорошо, вы... убедили их, что являетесь представителем Правящего Анклава. Заставить ювелиров всех по очереди поговорить с вами в задней комнате было блестящей идеей. Но я не понимаю, в чем состояла ваша личная выгода. Вы сказали, что вам был нужен миллион, но никто из них лично вам не собирался давать ни гроша. Все они ждали официального объявления результатов тендера, которого не было, и мечтали отдать деньги в городскую казну...

– Вы рассуждаете, как простой обыватель, – поморщился Стот. Он взглянул на меня, приподняв бровь. Я покачал головой. – И вы называете себя отпетыми мошенниками!

Редкап рассердился.

– Я не вижу, в чем здесь выгода! Вы потратили свои тридцать золотых на аренду офиса и рассылку писем. Вы сказали им, что работаете на Анклав, они должны были заплатить Анклаву...

Как только Редкап произнес эти слова, до меня дошло. Я понял все и едва удержался от хохота. Я сдерживался так отчаянно, что почти потерял силы.

– Гениально! Гениально! – Это все, что я смог выдавить из себя. Мои друзья смотрели на меня раздраженно. Стот молчал, он ждал.

Я встал, подошел к Стоту и прошептал ему на ухо свою догадку. Он кивнул, и я снова начал корчиться от смеха.

– Хоть один из вас чего-нибудь да стоит, – сказал Стот. Он поднялся с кресла, подхватил плащ и стал удаляться по извилистому коридору Клуба Отъявленных Негодяев Потерянного Карнадина. Я двинулся вслед за ним. Двое оставшихся не спускали с меня глаз.

– Не понимаю, – остановил меня Редкап. – Что он сделал?

– И вы называете себя мошенниками? – спросил я. – Я сам догадался. Почему бы и вам просто... Ну, хорошо. Поговорив по очереди со всеми ювелирами, он несколько дней выждал, подогревая страсти. Потом тайно назначил встречу с каждым из них в разное время, в разных местах, возможно, даже в самых грязных забегаловках. И предложил каждому то, на что он так сильно надеялся. Он пообещал им посодействовать с тендером. То есть устроить так, чтобы, скажем, именно Картус стал победителем. Конечно же, за хорошую взятку.

Глотис хлопнула себя по лбу.

– Какая я глупая! Как же я не догадалась! Он легко мог собрать миллион золотых в качестве взятки. И мошенник испарился, когда ему заплатил последний ювелир. Ювелиры и пикнуть не смели. Они скорее бы отдали на отсечение свои правые руки, чем допустили бы, что Анклаву станет известно о подкупе официального лица. Эта афера – само совершенство.

В гостиной Клуба Отъявленных Негодяев Потерянного Карнадина воцарилась тишина. Мы молча восхищались гениальностью человека, который продал Понтийский мост.

## Октябрь в председательском кресле

В председательском кресле сидел Октябрь, и вечер выдался прохладным; листья – красные и оранжевые – облетали с деревьев в роще.

Их было двенадцать. Они сидели вокруг костра и жарили на огне большие сосиски, которые шипели и плевались соком, стекающим на горящие поленья. Они пили яблочный сидр, освежающий и прохладный.

Апрель впилась зубами в сосиску, та лопнула, и горячий сок полился по подбородку.

– Проклятие, черт ее раздери, – сказала она.

Коренастый Март, сидевший рядом, рассмеялся гулко и похабно и вытащил из кармана огромный несвежий носовой платок.

– Держи, – сказал он.

Апрель вытерла подбородок.

– Спасибо. Кажется, я обожглась из-за этого чертова мешка из кишок. Завтра будет волдырь.

Сентябрь зевнул.

– Ты такой ипохондрик, – сказал он через костер. – И такая вульгарная. – У него были тонкие усики и залысина спереди, отчего лоб казался высоким, а он сам – мудрым не по годам.

– Отстань от нее, – сказала Май. Темноволосая, с короткой стрижкой, в удобных ботинках, она курила маленькую сигариллу, дым которой пах ароматной гвоздикой. – Она просто слишком чувствительная.

– Пожалуйста, – протянул Сентябрь. – Давай вот без этого.

Октябрь, который ни на секунду не забывал, что сегодня он председательствует на собрании, отхлебнул сидра, прочистил горло и сказал:

– Ладно. Кто начинает? – Кресло, в котором он сидел, было вырезано из цельной дубовой колоды и отделано ясенем, вишней и кедром. Остальные сидели на пнях, равномерно расставленных вокруг небольшого костерка. За долгие годы эти пни стали гладкими и уютными.

– А протокол? – спросил Январь. – Когда я сажу в председательском кресле, мы всегда ведем протокол.

– Но сейчас в кресле не ты, да, мой сладкий? – насмешливо осведомился Сентябрь, ироничное элегантное создание.

– Надо вести протокол, – заявил Январь. – Без протокола нельзя.

– Как-нибудь обойдемся, – сказала Апрель, запустив руку в свои

длинные светлые волосы. – И я думаю, начать должен Сентябрь.

– С большим удовольствием, – горделиво кивнул Сентябрь.

– Эй, – вмешался Февраль. – Эйэйэй. Я не слышал, чтобы председатель это одобрил. Никто не начинает, пока Октябрь не скажет, кто именно начинает, а после этого все остальные молчат. Можем мы сохранить хотя бы какое-то подобие порядка? – Он обвел взглядом собравшихся, маленький, бледный, одетый во все голубое и серое.

– Хорошо, – сказал Октябрь. Борода у него была разноцветная, словно роща по осени, – темнокоричневая, оранжевая и виннокрасная давно не стриженная путаница на подбородке; щеки – красные, точно яблоки. Он был похож на хорошего доброго друга, которого знаешь всю жизнь. – Пусть начинает Сентябрь. Лишь бы уже кто-то начал.

Сентябрь положил в рот сосиску, деликатно прожевал, проглотил и осушил кружку с сидром. Потом встал, поклонился слушателям и начал:

– Лорен де Лиль был лучшим поваром в Сизтле, по крайней мере он сам так считал, а звезды Мишлен на двери ресторана это подтверждали. Он был замечательным поваром, это правда. Его булочки с рубленой ягнятиной выиграли несколько наград, его копченые перепела и равиоли с белыми трюфелями «Гастроном» назвал десятым чудом света. А его винные погреба... ах, его винные погреба... его гордость и страсть.

И я его понимаю. Последний белый виноград собирают как раз у меня, и большую часть красного: я знаю толк в хороших винах, ценю аромат, вкус, послевкусие.

Лорен де Лиль покупал свои вина на аукционах, у частных лиц, у дилеров с репутацией. Он настоятельно просил, чтобы ему выдавали генеалогический сертификат каждой бутылки вина, потому что мошенники, увы, попадают слишком часто, и особенно если бутылка вина продается за пять, десять или сто тысяч долларов, фунтов или евро.

Истинной жемчужиной его коллекции – ее бриллиантом – была бутылка «Шато Лафит» 1902 года. Редчайшее из редчайших вин. Бутылка стоила сто двадцать тысяч долларов, хотя, если по правде, это вино было бесценным, потому что в мире сохранилась всего одна бутылка.

– Извините, – вежливо перебил Август – самый толстый из всех. Его тонкие волосы топорщились на голове золотистыми прядками.

Сентябрь опустил глаза и посмотрел на своего соседа.

– Да?

– Это не та история, где один богач купил вино, чтобы выпить его за ужином, а повар решил, что выбор блюд недостаточно хорош для такого вина, и предложил другие блюда, вроде как более подходящие, а у парня

обнаружилась какая-то редкая аллергия, и он умер прямо за ужином, а дорогое вино так никто и не попробовал?

Сентябрь ничего не ответил. Он явно был недоволен.

– Потому что если это та самая история, то ты уже ее рассказывал. Сколько-то там лет назад. Глупая история. И с тех пор она вряд ли стала умней. – Август улыбнулся. На его розовых щеках мелькнул отблеск костра.

Сентябрь сказал:

– Разумеется, тонкая чувствительность и культура не каждому по вкусу. Некоторым подавай барбекю и пиво, а некоторые...

Февраль не дал ему договорить:

– Мне не очень приятно заострять на этом внимание, но Август в чемто прав. Это должна быть новая история.

Сентябрь поднял бровь и сжал губы.

– У меня все, – коротко сказал он и сел на свой пенё.

Месяцы года выжидательно смотрели друг на друга сквозь пламя костра.

Июнь, стеснительная и опрятная, подняла руку:

– У меня есть история про таможенницу, которая работала на рентгеновской установке в аэропорту ЛаГуардиа. Она читала людей, как открытые книги, по очертаниям багажа на экране, и однажды увидела такие чудесные контуры, что влюбилась в этого человека, хозяина чемодана. Ей нужно было понять, чей это багаж, а она не смогла и долгие месяцы страдала. А когда тот человек снова прошел мимо нее на таможенном контроле, она всетаки вычислила его. Это был мужчина, старый мудрый индеец, а она была красивой негритянкой двадцати пяти лет. И она поняла, что у них ничего не получится, и отпустила его, поскольку по форме его чемодана узнала, что он скоро умрет.

Октябрь сказал:

– Хорошая история, Июнь. Рассказывай.

Июнь посмотрела на него, как испуганный зверек.

– Я только что рассказала.

Октябрь кивнул.

– Значит, рассказала, – объявил он, прежде чем кто-то из месяцев успел вставить слово. – Тогда, может быть, перейдем к моей истории?

Февраль шмыгнул носом.

– Вне очереди, здоровяк. Тот, кто сидит в председательском кресле, говорит только тогда, когда выскажутся все остальные. Нельзя сразу переходить к главному блюду.

Май положила с дюжину каштанов на решетку над огнем, предварительно расколов их щипцами.

– Пусть рассказывает, если хочет, – сказала она. – Богом клянусь, хуже, чем про вино, все равно не будет. А у меня много дел. Цветы, между прочим, не распускаются сами по себе. Кто «за»?

– Хотите устроить голосование? – удивился Февраль. – Даже не верится. Неужели это происходит на самом деле? – Он вытер лоб салфеткой, которую вытащил из рукава.

Поднялось семь рук. Четверо воздержались: Февраль, Сентябрь, Январь и Июль.

(– Ничего личного, – сказала она, как бы извиняясь. – Это всего лишь процедура, и не стоит создавать прецедентов.)

– Стало быть, решено, – сказал Октябрь. – Кто-нибудь хочет что-то сказать, пока я не начал?

– Э... Да. Иногда, – сказала Июнь, – иногда мне кажется, что кто-то следит за нами из леса. Но когда я смотрю в ту сторону, там никого нет. Думаю, что...

– Это все потому что ты чокнутая, – сказала Апрель.

– Да уж, – сказал Сентябрь, обращаясь ко всем. – Вот она, наша Апрель. Очень чувствительная, но при этом самая жестокая из всех нас.

– Ну, хватит, – решительно заявил Октябрь. Он потянулся, достал из кармана фундук, разгрыз его, вынул ядрышко, а скорлупу бросил в огонь, где она зашипела и лопнула. Октябрь начал рассказ.



Жил-был мальчик, сказал Октябрь, которому было по-настоящему плохо в его родном доме, хотя его никто не бил. Просто он не подходил ни своей семье, ни своему городу, ни своей жизни. У него было два старших брата-близнеца, и они постоянно его обижали или просто не обращали на него внимания, и их все любили. Они играли в футбол: в какихто матчах один близнец забивал больше мячей, в какихто – другой. А их младший брат не играл в футбол. Они придумали ему прозвище. Прозвали Коротышкой.

Они называли его Коротышкой с самого раннего детства, и родители сначала их сильно за это ругали.

А близнецы отвечали:



– Но он и есть Коротышка. Посмотрите на него. И посмотрите на нас. – Когда они так говорили, им было по шесть лет. Родители решили, что это мило. Но прозвища вроде Коротышки намертво прилипают к человеку, и очень скоро единственным человеком, который называл его Дональдом – не считая совсем незнакомых людей, – осталась бабушка, которая звонила раз в год, чтобы поздравить его с днем рождения.

И, наверное, из-за того, что у имен есть какаято власть над нами, этот мальчик действительно был коротышкой: тощим, мелким и нервным. У него постоянно текло из носа, с самого рождения – и за десять лет ничего не изменилось. Когда садились обедать, близнецы отбирали у него еду, если она им нравилась, и подбрасывали свою, если не нравилась, и тогда его ругали за то, что он не доел.

Их отец не пропускал ни одного футбольного матча с участием близнецов и потом всегда покупал призовое мороженое тому, кто забил больше мячей, и утешительное – тому, кто забил меньше. Их мать говорила знакомым, что она журналист, хотя занималась всего лишь продажей подписки и рекламного места. Она вернулась на работу на полный день, когда близнецы научились сами заботиться о себе.

Другим детям в классе, где учился мальчик, нравились близнецы. В первом классе первые дветри недели его называли Дональдом, пока не прошел слух, что братья зовут его Коротышкой. Учителя вообще редко называли его по имени, хотя между собой иногда говорили о том, как жаль, что младший Ковай не такой храбрый, сообразительный и резвый, как его братья.

Коротышка не смог бы точно сказать, когда он первый раз решил убежать из дома и когда его робкие мечты превратились в реальные планы. К тому времени, когда он признался себе, что уходит, в большом пластиковом чемоданчике, который он прятал за гаражом, уже лежали три батончика «Марс», два «Милки Вэя», горсть орехов, маленький пакетик лакричных конфет, фонарик, несколько комиксов, нераспечатанная упаковка вяленого мяса и тридцать семь долларов, по большей части четвертаками. Ему не нравился вкус вяленого мяса, но он где-то прочел, что путешественники по несколько недель не ели ничего, кроме этого самого мяса, и именно в тот день, когда он положил пакет с вяленым мясом в чемоданчик, он осознал, что собирается убежать.

Он читал книги, газеты и журналы. Он знал, что если маленький ребенок уйдет из дома, ему могут встретиться плохие люди, которые сделают с ним что-то очень плохое, но еще он читал сказки и знал, что на свете есть добрые люди. Да, они существуют. Бок о бок с чудовищами.

Коротышка был тощеньким десятилетним мальчиком, с вечно сопливым носом и отсутствующим выражением лица. Если бы вам вдруг зачемто понадобилось выбрать его из толпы других мальчиков, вы бы наверняка ошиблись. Даже если бы он стоял совсем рядом, вы бы его не заметили. Вы бы на него и не взглянули, а если бы взглянули, то все равно прошли бы мимо.

Весь сентябрь он откладывал свой побег. А потом, както в пятницу, когда оба брата уселись на него (уселись – в буквальном смысле, причем тот, который сел ему на голову, пукнул и громко засмеялся), он со всей ясностью осознал, что, какие бы чудовища ни поджидали его в этом мире, хуже точно уже не будет. А скорее будет лучше.

В субботу за ним должны были приглядывать братья, но они почти сразу умчались в город, чтобы встретиться с девочкой, которая нравилась им обоим. Как только братья ушли, Коротышка зашел за гараж, достал из-под полиэтилена пластмассовый чемоданчик и отнес его наверх, к себе в комнату.

Он вытряхнул свой школьный рюкзак на кровать, переложил в него конфеты, комиксы и вяленое мясо. Сходил в ванную и наполнил водой пустую бутылку из-под газировки.

Потом Коротышка пошел в город и сел в автобус. Он поехал на запад, на расстояние в десятьдолларов-четвертаками от дома, в место, которое он не знал, но которое показалось ему хорошим началом пути. Он вышел на своей остановке и просто пошел вперед. Здесь не было тротуара, и когда мимо проезжали машины, ему приходилось спускаться в канаву.

Солнце стояло высоко в небе. Мальчик проголодался. Он съел один «Марс», и ему захотелось пить. Он достал воду, выпил почти половину бутылки и понял, что очень скоро придется искать, как пополнить запасы. Ему представлялось, что как только он выберется из города, повсюду будут журчать родники со свежей водой, но здесь не было ни одного. Была только река, которая текла под широким мостом.

Коротышка остановился на середине моста и, перегнувшись через перила, уставился на бурую воду. В школе им говорили, что все реки в конце концов впадают в море. Он никогда не был на море. Он спустился на берег и пошел вслед за рекой. Вдоль берега тянулась тропинка, время от времени ему попадалась банка от пива или пластиковый пакет, и он понимал, что тут до него были люди, хотя сам он не встретил ни одного человека. Он допил воду.

Он думал о том, ищут его или нет. Рисовал в воображении полицейские машины и вертолеты, и собак, и поисковые партии – и все они

пытались его найти. Но он будет скрываться от них. И доберется до моря.

Река текла по камням, и он слышал плеск воды. Он видел синюю цаплю, расправлявшую крылья, и редких осенних стрекоз и иногда – небольшие стайки мошек, ловящих последнее тепло бабьего лета. Синее небо превратилось в закатносерое, и мимо него проскользнула летучая мышь, отправлявшаяся на ночную охоту. Коротышка задумался, где он будет спать ночью?

Тропинка разделилась на две, и он выбрал ту, которая уводила от реки, понадеявшись, что она приведет его к дому или к ферме с пустым сараем. Сумерки все сгущались, и он уже начал отчаиваться, но тропа все-таки вывела его к дому – вернее, к старой брошенной ферме, развалившейся наполовину. Здание выглядело неприветливо. Коротышка обошел его по кругу и решил, что ничто не заставит его войти внутрь. Он перелез через забор на заброшенное пастбище и лег спать в высокой траве, положив под голову рюкзак.

Он лежал на спине и смотрел в небо. Спать совсем не хотелось.

– Наверное, сейчас они уже скучают, – сказал он себе. – И волнуются за меня.

Он представил, как вернется домой через несколько лет. Счастье на лицах родителей, когда он подойдет к дому. Их радость. Их любовь...

Он проснулся через несколько часов от яркого лунного света. Он видел весь мир – ясный, как день, словно в детском стишке, только бесцветный и бледный. Прямо над ним висела полная луна или, может быть, почти полная, и он представил себе лицо, которое смотрит на него сверху: вполне дружелюбное лицо, проступавшее в лунных тенях и очертаниях.

И тут чейто голос спросил:

– Ты откуда?

Мальчик сел на траве – ему не было страшно, пока еще не было – и осмотрелся. Деревья. Высокая трава.

– Где ты? Я тебя не вижу.

Рядом с деревом на краю пастбища возникло что-то, что он поначалу принял за тень, а потом Коротышка увидел мальчика, примерно своего возраста.

– Я убежал из дома, – сказал Коротышка.

– Ух ты, – ответил мальчик. – Это надо быть очень смелым.

Коротышка гордо улыбнулся. Он не знал, что сказать.

– Хочешь, пойдем погуляем? – предложил мальчик.

– Конечно, – сказал Коротышка. Он передвинул свой рюкзак поближе к столбу, чтобы потом не потерять.

Они пошли вниз по склону, стараясь не приближаться к старому фермерскому дому.

– Там ктонибудь живет? – спросил Коротышка.

– Сейчас нет, – отозвался мальчик. У него были очень красивые волосы, в свете луны они казались почти белыми. – Какие-то люди пытались здесь поселиться, но им не понравилось, и они ушли. Потом приехали другие. Но сейчас там никто не живет. Как тебя зовут?

– Дональд, – сказал Коротышка и добавил: – Но все называют меня Коротышкой. А тебя как зовут?

Мальчик замялся, но все же ответил:

– Безвременно.

– Классное имя.

– У меня было другое имя, но его больше нельзя прочесть, – сказал Безвременно.

Они прошли через большие ржавые железные ворота, одна створка которых была закрыта, и оказались на маленьком лугу у подножия склона.

– Здесь классно, – сказал Коротышка.

На лугу стояли сотни камней. Большие камни, выше, чем мальчики в полный рост, и маленькие камни, на которые можно было присесть. Камни, поросшие мхом. Камни в разломах трещин. Коротышка понял, что это за место, но ему не было страшно.

Это было хорошее место.

– А кто здесь похоронен? – спросил он.

– По большей части хорошие люди, – ответил Безвременно. – Раньше тут был город. Вон за теми деревьями. Потом построили железную дорогу, а станцию сделали в следующем городе, и тогда наш город высох и разлетелся по ветру. Там, где раньше был город, теперь лишь кусты и деревья. Можно прятаться среди деревьев, забираться в старые дома и выскакивать оттуда, как будто ты кого-то пугаешь.

Коротышка спросил:

– Они как тот фермерский дом? Эти дома?

Если все они были такими, он ни за что бы туда не пошел.

– Нет, – сказал Безвременно. – Туда не ходит никто, кроме меня. Разве что звери, и то иногда. Я тут единственный ребенок.

– Я понял, – сказал Коротышка.

– Может, пойдем туда и поиграем? – предложил Безвременно.

– Пойдем.

Стояла волшебная октябрьская ночь: тепло, почти как летом, и полная луна в ясном небе.

– Какая из них твоя? – спросил Коротышка.

Безвременно гордо выпрямился, взял Коротышку за руку и подвел к самой заросшей части луга. Мальчики раздвинули густую траву. Камень лежал на земле, и на нем были выбиты даты столетней давности. Буквы почти стерлись, но под датами можно было разобрать слова:

БЕЗВРЕМЕННО УШЕДШЕМУ  
НИКОГДА НЕ ЗА

– Я думаю, «не забудем», – сказал Безвременно.

– Да, я тоже так думаю, – сказал Коротышка.

Они вышли из ворот и спустились по склону оврага в то место, где когда-то был город. Деревья росли прямо из домов, здания разрушались сами по себе, но тут не было страшно. Они играли в прятки. Они забирались в дома. Безвременно показал Коротышке классные места, в том числе домик из одной комнаты, который, по его словам, был самой старой постройкой в этой части города. И дом хорошо сохранился, если учесть, сколько ему было лет.

– Странно, я хорошо вижу при лунном свете, – сказал Коротышка. – Даже внутри. Все-все вижу. Я и не думал, что это так просто.

– Да, – ответил Безвременно. – А потом начинаешь все видеть и вообще без света.

Коротышке стало завидно.

– Мне нужно в туалет, – сказал он. – Есть тут что-нибудь такое?

Безвременно на секунду задумался.

– Не знаю, – признался он. – Мне-то это уже не нужно. Несколько туалетов еще осталось, но там может быть небезопасно. Лучше пойти в лес.

– Буду, как медведь, – сказал Коротышка.

Он пошел в лес, который начинался за стеной ближайшего коттеджа, и присел за дерево. Он никогда не ходил по-большому на улице. Он чувствовал себя диким зверем. Закончив, он подтерся опавшими листьями. Потом вернулся к дому. Безвременно сидел в пятне лунного света и ждал его.

– От чего ты умер? – спросил Коротышка.

– Я сильно болел, – ответил Безвременно. – Мама плакала и говорила какие-то злые слова.

А потом я умер.

– Если бы я захотел тут остаться, с тобой, – сказал Коротышка, – мне

бы тоже пришлось умереть?

– Может быть, – ответил Безвременно. – Да, наверное, да.

– И как это? Быть мертвым?

– Да, в общем, ничего, – сказал Безвременно. – Только скучно и не с кем играть.

– Но там же много людей, – сказал Коротышка. – Они что, с тобой не играют?

– Нет, – вздохнул Безвременно. – Они почти все время спят. А если и выходят наружу, то не хотят никуда ходить, не хотят ни на что смотреть, не хотят ничего делать. И мной заниматься тоже не хотят. Видишь то дерево?

Это был бук, его гладкий серый ствол потрескался от времени. Он стоял там, где раньше, девяносто лет назад, располагалась главная площадь города.

– Да, – сказал Коротышка.

– Хочешь на него залезть?

– Ну, оно такое высокое...

– Очень высокое. Но залезть на него проще простого. Я тебе покажу.

И это действительно оказалось просто. Трещины на стволе образовали удобные уступы, и мальчики вскарабкались наверх, как две обезьянки, или как два пирата, или как два воина. С вершины дерева им был виден весь мир. Небо на востоке уже начинало светлеть, но пока – еле заметно.

Все как будто застыло в ожидании. Ночь подходила к концу. Мир затаил дыхание, готовясь начаться вновь.

– Это был лучший день в моей жизни, – сказал Коротышка.

– И в моей тоже, – сказал Безвременно. – Что собираешься делать дальше?

– Не знаю, – сказал Коротышка.

Он представил себе, как будет путешествовать по миру, до самого моря. Он представил себе, как вырастет и повзрослеет, как добьется всего сам. Когда-нибудь он станет невероятно богатым. И тогда он вернется в свой дом, где будут жить близнецы, и подъедет к двери на своей шикарной машине или, может, пойдет на футбол (в его воображении близнецы не выросли и не повзрослели) и посмотрит на них, по-доброму. Он купит им все, что они захотят – близнецам и родителям, – и сводит их в самый лучший ресторан, и они скажут, как плохо, что они его не понимали и так дурно с ним обращались. Они извинятся и заплачут, а он будет молчать. Он позволит их извинениям захлестнуть его с головой. А потом он подарит каждому по подарку и снова уйдет из их жизни, в этот раз – навсегда.

Это была хорошая мечта.

Но он знал, что в реальности все будет иначе: завтра или послезавтра его найдут и вернут домой, там на него наорут, и все будет попрежнему, как всегда, и день за днем, час за часом он будет все тем же Коротышкой, только на него будут злиться еще и за то, что он сбежал из дома.

– Уже скоро мне нужно ложиться спать, – сказал Безвременно и полез вниз.

Коротышка понял, что вниз спускаться сложнее. Не было видно, куда ставить ноги, и приходилось искать опору на ощупь. Несколько раз он соскальзывал, но Безвременно слезал перед ним и говорил ему, например: «Теперь чуть вправо», – так что они оба спустились нормально.

Небо продолжало светлеть, луна исчезала, и все было видно не так хорошо, как ночью. Они перебрались обратно через овраг. Иногда Коротышка не понимал, есть ли рядом Безвременно – и был ли вообще, – но потом он добрался до верха и увидел, что мальчик ждет его там.

Обратно по лугу, уставленному камнями, они шли молча. Когда начали подниматься на холм, Коротышка положил руку на плечо Безвременно.

– Ну, – сказал Безвременно, – спасибо, что зашел.

– Я замечательно провел время, – сказал Коротышка.

– Да, – кивнул Безвременно. – Я тоже.

Где-то в лесу запела птица.

– А если бы я захотел остаться... – начал было Коротышка, но замолчал, не закончив фразы. «У меня не будет другой возможности все изменить», – подумал Коротышка. Он никогда не попадет на море. Они его не отпустят.

Безвременно долго молчал. Мир стал серым. Птицы пели все громче.

– Я не могу это сделать, – наконец сказал Безвременно. – Может быть, они...

– Кто «они»?

– Те, кто там. – Белокурый мальчик показал на разрушенный фермерский дом, с разбитыми окнами, отражающими рассвет. В сером утреннем сумраке дом казался не менее страшным, чем ночью.

Коротышка вздрогнул.

– Там есть люди? Но ты говорил, что там пусто.

– Там не пусто, – сказал Безвременно. – Там никто не живет. Это разные вещи.

Он посмотрел на небо.

– Мне надо идти. – Он сжал руку Коротышки. А потом просто исчез.

Коротышка остался один. Он стоял посреди маленького кладбища и слушал пение птиц. Потом он поднялся на холм. Одному было сложнее.

Он забрал свой рюкзак с того места, где оставил его вчера. Съел последний «Милки Вэй» и посмотрел на разрушенное здание. Слепые окна фермерского дома как будто наблюдали за ним.

И там внутри было темнее. Темнее, чем где бы то ни было.

Он прошел через двор, поросший сорняками. Дверь почти полностью рассыпалась. Он шагнул внутрь, замешкался, подумал, правильно ли поступает. Он чувствовал запах гнили, сырой земли и чего-то еще. Ему показалось, он слышит, как в глубине дома кто-то ходит. Может быть, в подвале. Или на чердаке. Может быть, шаркает ногами. Или скачет вприпрыжку. Сложно сказать.

В конце концов он вошел внутрь.

Никто не произнес ни слова. Октябрь наполнил свою деревянную кружку сидром, одним глотком осушил ее и налил еще.

– Вот это история, – сказал Декабрь. – Вот это я понимаю. – Он потер кулаком свои голубые глаза. Костер почти догорел.

– А что было дальше? – взволнованно спросила Июнь. – Когда он вошел в дом?

Май, сидевшая рядом, положила руку ей на плечо.

– Лучше об этом не думать, – сказала она.

– Кто-нибудь еще будет рассказывать? – спросил Август. Все промолчали. – Тогда, думается, мы закончили.

– Надо проголосовать, – напомнил Февраль.

– Кто «за»? – спросил Октябрь. Раздалось дружное «я». – Кто «против»? – Тишина. – Тогда объявляю собрание законченным.

Они поднялись на ноги, потягиваясь и зевая, и пошли в лес, поодиночке, по парам или по трое, и на поляне остались только Октябрь и его сосед.

– В следующий раз председательствовать будешь ты, – сказал Октябрь.

– Я знаю, – отозвался Ноябрь. У него была бледная кожа и тонкие губы. Он помог Октябрю выбраться из деревянного кресла. – Мне нравятся твои истории. Мои всегда слишком мрачные.

– Они вовсе не мрачные, – сказал Октябрь. – Просто у тебя ночи длиннее. И ты не такой теплый.

– Ну, если так, – усмехнулся Ноябрь, – тогда, может быть, все не так плохо. В конце концов, мы такие, какие есть, и тут уже ничего не поделаешь.

– В этом и суть, – ответил его брат. Они взяли за руки и ушли от оранжевых углей костра, унося свои истории назад в темноту.



*Посвящается Рэю Брэдбери*

## Рыцарство

Миссис Уитекер нашла Святой Грааль: он лежал под шубой.

Каждый четверг после полудня, пусть даже ноги у нее уже были не те, миссис Уитекер ходила на почту за пенсией, а на обратном пути заглядывала в магазинчик «Оксфэм»<sup>[7]</sup> и покупала там себе какую-нибудь мелочь.

В «Оксфэме» продавали старую одежду, безделушки, разрозненные предметы, всякие мелочи и букинистические пакеты в огромных количествах, сплошь пожертвования, зачастую имущество покойных. Вся выручка шла на благотворительность.

Работали в магазинчике добровольцы. Добровольцем на посту в тот четверг была семнадцатилетняя Мэри, неулыбчивая барышня, которой не мешало бы сбросить несколько фунтов, одетая в мешковатый розовато-лиловый свитер. Выглядел он так, словно она купила его здесь же.

Сидевшая за кассой Мэри с головой ушла в журнал «Современная женщина», где заполняла анкету «Раскрой свою скрытую сущность». Время от времени она перелистывала на последнюю страницу и проверяла, сколько очков дается соответственно за ответ А), В) и С), и лишь потом решала, как сама ответит на вопрос.

Миссис Уитекер бродила по магазинчику.

Чучело кобры, оказывается, еще не продали. Оно стояло тут уже полгода, собирало пыль, злобно глядело стеклянными глазами на стойки с одеждой и на сервант с побитыми фаянсовыми и изжеванными пластмассовыми игрушками. Проходя мимо, миссис Уитекер похлопала его по голове.

Она сняла с полки пару романов Миллса и Буна – «Ее громовая душа» и «Ее грозное сердце», по пять пенсов за каждый – и серьезно задумалась над лампой из бутылки от розового вина «Матеус Розэ» с декоративным абажуром, прежде чем решила, что ей в самом деле некуда ее поставить.

Миссис Уитекер отодвинула в сторону довольно поношенную шубу, от которой неприятно пахло нафталином. Под ней оказались трость и залитый водой «Рыцарский роман и легенда о рыцарственности» А.Р. Хоупа Монкриффа, на ценнике стояло «5 пенсов». Рядом с книгой лежал на боку Святой Грааль. К основанию был приклеен ярлычок с выведенной перьевой ручкой ценой: 30 п.

Подняв к свету пыльный серебряный кубок, миссис Уитекер

оценивающе оглядела его через толстые очки.

– Милая вещица, – сказала она Мэри.

Мэри пожала плечами.

– Будет хорошо смотреться на каминной полке.

Мэри снова пожала плечами.

Миссис Уитекер протянула Мэри пятьдесят пенсов, и девушка дала ей десять пенсов сдачи и коричневый бумажный пакет, чтобы сложить в него книги и Святой Грааль. Из «Оксфэма» миссис Уитекер пошла в мясную лавку по соседству, где купила отличный кусок печенки, а оттуда отправилась домой.

Внутри кубок был покрыт толстым слоем рыжевато-коричневой патины. Миссис Уитекер тщательно его помыла, потом оставила на час отмокать в теплой воде с ложечкой уксуса. После пришлось долго тереть металл полиролем, пока он не заблестел. Наконец она поставила кубок на каминную полку у себя в гостиной – между маленьким фарфоровым бассетом с горестной мордой и фотографией своего покойного мужа Генри, на пляже во Фринтоне, в 1953 году.

Она была права: смотрелось и впрямь неплохо.

В тот вечер она поужинала жареной печенкой в панировке и луком. Получилось очень вкусно.

На следующее утро была пятница; в этот день недели миссис Уитекер и миссис Гринберг ходили друг к другу в гости. Сегодня была очередь миссис Гринберг навестить миссис Уитекер. Они сидели в гостиной и пили чай с миндальным печеньем. Миссис Уитекер пила с одним кусочком сахара, а вот миссис Гринберг клала в чай подсластитель, маленький пластмассовый пузырек с которым всегда носила в сумочке.

– Приятная вещица, – сказала миссис Гринберг, указывая на кубок. – Что это такое?

– Святой Грааль, – ответила миссис Уитекер. – Это чаша, из которой Христос пил на Тайной вечере. Потом, когда Христа распяли, в эту чашу собрали Его драгоценную кровь после того, как копье центуриона пронзило Ему бок.

Миссис Гринберг шмыгнула носом. Она была маленькой, держалась еврейских обычаев и антисанитарных вещей не жаловала.

– Насчет крови ничего не могу сказать, но выглядит очень мило. Наш Майрон получил как раз такой, когда выиграл соревнования по плаванию, только у того на боку написано его имя.

– Он все еще с той милой девушкой? Парикмахершей?

– Вы про Бернис? О да. Они подумывают о помолвке, – ответила

миссис Гринберг.

– Как мило, – сказала миссис Уитекер. Она взяла еще печеньице.

Миссис Гринберг сама пекла миндальное печенье и приносила его с собой каждую вторую пятницу: маленькие сладкие легкие печенья с лепестками миндаля сверху.

Они поговорили про Майрона и Бернис, про племянника миссис Уитекер Рональда (детей у нее не было) и про их приятельницу миссис Перкинс, которую, бедняжку, положили в больницу с переломом бедра.

В полдень миссис Гринберг пошла домой, а миссис Уитекер приготовила себе на ленч тост с сыром. После ленча миссис Уитекер приняла свои таблетки: белую, красную и две маленьких оранжевых.

В дверь позвонили.

Миссис Уитекер открыла. На пороге стоял молодой человек с волосами до плеч, которые были такими светлыми, что казались почти белыми. Одет он был в сверкающие серебряные доспехи и белый плащ.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответила миссис Уитекер.

– Я послан с миссией, – объяснил молодой человек.

– Очень мило, – уклончиво отозвалась миссис Уитекер.

– Мне можно войти? – спросил он.

Миссис Уитекер покачала головой.

– Боюсь, нет. Извините.

– Я ищу Святой Грааль, – сказал молодой человек. – Он здесь?

– У вас документы какие-нибудь есть? – спросила миссис Уитекер. Она знала, что пускать в свой дом незнакомых молодых людей без документов неразумно, особенно если ты в годах и живешь одна. Сумочку выпотрошат или еще что похуже.

Молодой человек вернулся по садовой дорожке к забору. Там к калитке миссис Уитекер был привязан его конь, огромный серой масти боевой конь размером с тяжеловоза, с высокой головой и умными глазами. Порывшись в седельной сумке, рыцарь вернулся со свитком.

Подписан он был Артуром, королем всех бриттов, и доводил до сведения лиц любого титула и звания, что перед ними сэр Галаад, рыцарь Круглого стола, отправившийся в Воистину Справедливый и Благородный Поход. Ниже был рисунок молодого человека. Сходство было недурное.

Миссис Уитекер кивнула. Она ожидала увидеть удостоверение с фотографией, но это производило гораздо большее впечатление.

– Думаю, вам лучше войти, – сказала она.

Они прошли в кухню. Она приготовила Галааду чашечку чая, а потом

отвела в гостиную.

Увидев на каминной полке Грааль, Галаад опустился на одно колено. Чайную чашку он осторожно поставил на красно-бурый ковер. Луч света, проникший в щель между кружевными занавесками, позолотил его преисполненное благоговения лицо, а светлые волосы превратил в серебряный нимб.

– Это воистину Санграаль, – тихонько сказал он. Он трижды моргнул голубыми глазами, очень быстро, точно сдерживал слезы.

И опустил голову, будто в безмолвной молитве.

Встав, Галаад обратился к миссис Уитекер:

– Милостивая госпожа, хранительница Святыни Святынь, позволь мне теперь удалиться с Благословенной Чашей, дабы завершились мои скитания и исполнились обеты.

– Прошу прощения? – переспросила миссис Уитекер.

Подойдя к ней, Галаад взял ее старческие руки в свои.

– Мой поход завершен, – сказал он. – Наконец я зрю Санграаль.

Миссис Уитекер поджала губы.

– Вы не могли бы поднять с пола чашку и блюдце, сэр? – попросила она.

Извинившись, Галаад поднял чашку.

– Нет, не думаю, – сказала миссис Уитекер. – Мне нравится, как он там стоит. Между собачкой и фотографией моего Генри ему самое место.

– Вам надобно золото? В этом все дело? Я могу привезти вам золото, леди...

– Нет, – ответила миссис Уитекер. – Благодарю покорно, мне золото не нужно. Я не собираюсь с ним расставаться.

Она повела Галаада к двери.

– Приятно было познакомиться, – сказала она.

Протянув голову над изгородью ее сада, конь Галаада щипал гладиолусы. На тротуаре, наблюдая за ним, столпились соседские детишки.

Достав из седельной сумки несколько кусков сахара, Галаад показал самым храбрым из них, как давать его коню – с плоской ладошки. Дети смеялись. Одна девочка постарше погладила коня по носу.

Одним легким движением Галаад вскочил в седло, и рыцарь и конь удалились в сторону Готорн-кресцент. Миссис Уитекер смотрела им вслед, пока они не скрылись из виду, потом вздохнула и ушла в дом.

Уик-энд прошел тихо.

В субботу миссис Уитекер поехала на автобусе в Марсфилд навестить своего племянника Рональда, его жену Юфонию и их дочерей Клариссу и

Диллиан. Она отвезла им пирог со смородиной, который испекла специально ради них.

Утром в воскресенье миссис Уитекер ходила в церковь. Ее приходской церковью была Святого Иакова Малая, чуть более современная («Не считайте это церковью, считайте это местом, где встречаются и веселятся друзья-единомышленники»), чем было бы по душе миссис Уитекер, но ей нравился приходский священник, преподобный Бартоломью, особенно когда не играл на гитаре. После службы она задумалась, не сказать ли ему, что у нее в гостиной стоит Святой Грааль, но решила, что лучше не стоит.

Утром в понедельник миссис Уитекер трудилась в садике за домом. У нее там было несколько грядок трав, которыми она очень гордилась: укроп, вербена, мята, розмарин, тимьян и буйные заросли петрушки. Надев зеленые садовые перчатки и став на колени, она полола и выбирала слизней, которых складывала в пластиковый мешок. Когда дело касалось слизней, миссис Уитекер была очень добросердечна. Она относил их в дальний конец сада, который выходил на железнодорожные пути, и выбрасывала через забор.

Она срезала немного петрушки для салата. За спиной у нее кто-то кашлянул. Там стоял Галаад, высокий и прекрасный, в сверкающих на утреннем солнце серебряных доспехах. В руках он держал что-то длинное, завернутое в промасленную кожу.

– Я вернулся, – сказал он.

– Здравствуйте, – отозвалась миссис Уитекер и – довольно медленно – встала, снимая садовые перчатки. – Раз уж вы здесь, – сказала она, – так сделайте что-нибудь полезное.

Она дала ему пластиковый пакет, полный слизней, и велела выбросить их за забор.

Он выбросил.

Потом они пошли на кухню.

– Чаю? – спросила она. – Или лимонаду?

– То же, что и вы, – со вздохом ответил Галаад.

Миссис Уитекер достала из холодильника кувшин своего домашнего лимонада и послала Галаада в сад за веточкой мяты, а пока достала с полки два высоких стакана. Тщательно помыв мяту, она положила по несколько листочков в каждый стакан, потом разлила лимонад.

– Это ваш там конь? – спросила она.

– О да. Его зовут Гриззель.

– Надо думать, вы проделали долгий путь?

– Очень долгий.

– Понимаю, – сказала миссис Уитекер и достала из-под раковины синий пластмассовый тазик, в который налила до половины воды. Галаад отнес его Гриззелю. Подождав, пока конь напьется, Галаад вернулся с пустым тазиком к миссис Уитекер.

– Полагаю, – сказала она, – вы опять пришли за Граалем.

– О да, я все еще взыскую Санграаль, – сказал он. Он поднял с пола кожаный сверток и, положив ей на скатерть, развернул. – За него я предлагаю вам вот это.

«Этим» оказался меч с клинком длиной почти в четыре фута. Вдоль клинка вились и танцевали изящно гравированные слова и символы. Рукоять была отделана золотом и серебром, а в навершие вставлен большой драгоценный камень.

– Очень мило, – с сомнением сказала миссис Уитекер.

– Это, – сказал Галаад, – меч Балмунг, выкованный Вёлундом-кузнецом на заре времен. Брат его – Огненосец. Кто носит его, непобедим на войне и неуязвим в битве. Кто носит его, неспособен на трусость или неблагородный поступок. В его навершие вставлен сардоникс Биркон, защищающий своего владельца от яда, подмешанного в вино или в эль, и от предательства друзей.

Миссис Уитекер присмотрелась к мечу.

– Он, наверное, очень острый, – сказала она, помолчав.

– Рассечет падающий волос. Да нет, он разрубит солнечный луч! – гордо воскликнул Галаад.

– Тогда, наверное, вам лучше его убрать, – сказала миссис Уитекер.

– Он вам не нужен? – Казалось, Галаад был разочарован.

– Благодарю покорно. – Миссис Уитекер пришло в голову, что ее покойному мужу Генри меч очень даже понравился бы. Он повесил бы его на стену у себя в кабинете рядом с чучелом карпа, которого поймал в Шотландии, и показывал гостям.

Галаад вновь обернул меч Балмунг в промасленную кожу и перевязал белым шнуром.

И остался безутешно сидеть на стуле.

Миссис Уитекер сделала ему на обратную дорогу несколько сандвичей со сливочным сыром и огурцом и завернула в пергамент. Еще дала ему яблоко для Гриззеля. Он как будто остался весьма доволен обоими дарами.

А потом она помахала обоим на прощание.

После полудня она на автобусе поехала в больницу навестить миссис Перкинс, которая, бедняжка, все еще лежала со своим бедром. Миссис Уитекер отвезла ей немного домашнего пирога с джемом, хотя и выбросила

из рецепта грецкие орехи, потому что зубы у миссис Перкинс были уже не те.

Вечером она немного посмотрела телевизор и рано легла спать.

Во вторник пришел почтальон. Миссис Уитекер была в кладовке на чердаке, немного прибиралась, делая все осторожно и медленно, и потому к двери не успела. Почтальон оставил ей записку, в которой говорилось, что он пытался доставить посылку, но дома никого не было.

Миссис Уитекер вздохнула.

Убрав записку в сумочку, она отправилась на почту.

Посылка была от ее племянницы Ширли из Сиднея. В ней были фотографии ее мужа Уоллеса и двух ее дочерей, Дикси и Вайолет, а еще упакованная в вату витая раковина-конча.

В спальне у миссис Уитекер было много декоративных раковин. На ее любимой эмали был нанесен пейзаж Багамских островов. Это был подарок от ее сестры Этель, которая умерла в восемьдесят третьем.

Раковину и фотографии она убрала в продуктовую сумку, а потом, раз уж все равно тут оказалась, зашла по дороге домой в «Оксфэм».

– Привет, миссис У, – сказала Мэри.

Миссис Уитекер не поверила своим глазам. У Мэри были подкрашены губы (возможно, помада не самого подходящего для нее оттенка и наложена не слишком умело, но, подумала миссис Уитекер, это придет со временем) и довольно элегантная юбка. Поистине большой шаг вперед.

– Здравствуйте, милая, – сказала миссис Уитекер.

– На прошлой неделе заходил один человек, спрашивал про ту штуку, которую вы купили. Про металлическую чашку. Я сказала, где вы живете. Вы ведь на меня не сердитесь?

– Ну что вы, милая, – сказала миссис Уитекер. – Он меня нашел.

– Он был по-настоящему не от мира сего. Честное-пречестное. – Мэри мечтательно вздохнула. – В такого можно влюбиться. А еще у него была большая белая лошадь, – закончила она.

«И держится она теперь прямее», – одобрительно заметила миссис Уитекер.

На книжной полке миссис Уитекер нашла новый роман Миллса и Буна – «Ее величественная страсть», – хотя еще не дочитала тех двух, которые купила в прошлый раз.

Взяв монографию «Рыцарский роман и легенда о рыцарстве», она открыла наугад. От книги пахло затхлым. Наверху первой страницы стояло аккуратно красными чернилами «EX LIBRIS <sup>[8]</sup> РЫБАКА».

Она положила ученый труд туда, где нашла.



Когда она вернулась домой, Галаад ее ждал и, коротая время, катал по улице окрестную детвору на Гриззеле.

– Я рада, что вы пришли, – сказала она. – Мне кое-что нужно передвинуть.

Она провела его в кладовку на чердаке. Он передвинул ей все старые чемоданы, так что она смогла добраться до буфета у самой стены.

Там было очень пыльно.

Миссис Уитекер продержала его наверху почти до вечера, он все двигал и двигал, пока она смахивала пыль. У Галаада появилась царапина на щеке, и одну руку он старался беречь.

Пока она подметала и прибирала, они немного поговорили. Миссис Уитекер рассказала ему про своего покойного мужа Генри, и как деньгами за страхование жизни расплатилась за дом, сколько у нее всего, но все это некому оставить, совсем некому, кроме Роланда и его жены, а они ведь любят только современные вещи. Рассказала, как познакомилась во время Второй мировой с Генри (он тогда был в отряде ПВО, а она не до конца закрыла черную штору на кухонном окне), про шестипенсовые танцы, на которые они ходили в городок, и как, когда закончилась война, поехали в Лондон, и как она впервые попробовала вино.

Галаад рассказал миссис Уитекер про свою мать Элейну, какая она была капризная и взбалмошная, да еще немного колдунья в придачу, и про своего деда, короля Пеллеса, который всегда хотел как лучше, но и в лучшие времена витал в облаках, про свое отрочество в замке Блист на острове Радости и про своего отца, которого они знали как безумного «Рыцаря Печального Образа», но который на самом деле был Ланселотом Озерным, величайшим из рыцарей, который просто лишился рассудка и скитался в чужом обличье, и про свои дни оруженосцем в Камелоте.

В пять часов миссис Уитекер оглядела чердак и решила, что удовлетворена. Тогда она распахнула окно, чтобы тут проветрилось, и они спустились на кухню, где она поставила на плиту чайник.

Галаад сел у кухонного стола. Распустив шнурок сумы у себя на поясе, он достал круглый белый камень. Камень был размером с крикетный шар.

– Госпожа, – сказал он, – это для тебя, а ты дай мне Санграаль.

Миссис Уитекер взяла камень, который оказался тяжелее, чем с виду, и поднесла его к свету. Он был молочно-прозрачным, и внутри поблескивали и посверкивали на предзакатном солнце серебряные искорки. На ощупь он был теплым.



И вдруг, пока она держала его, на нее нашло странное чувство. Глубоко в душе она ощутила покой и странный мир. Безмятежность – вот как это называлось, она чувствовала безмятежность.

Неохотно она положила камень на стол.

– Очень мило, – сказала она.

– Это – Философский камень, который наш предтеча Ной повесил в Ковчеге, чтобы он дарил свет во тьме. Он способен превращать в золото презренные металлы и имеет ряд других свойств, – гордо объяснил Галаад. – И это еще не все. Есть и другое. Вот.

Из кожаной сумы он вынул и протянул ей яйцо. Оно было не больше гусиного, но блестящее и черное с алыми и белыми разводами. Когда миссис Уитекер коснулась его, волосы у нее на загривке встали дыбом.

Первым ее впечатлением было ощущение невероятного жара и свободы. Она услышала потрескивание далекого пламени и на долю секунды как будто сама почувствовала, что поднялась высоко над миром, что взмывает и ныряет вниз на крыльях пламени.

Она положила яйцо на стол рядом с Философским камнем.

– Это яйцо птицы Феникс, – объяснил Галаад. – Оно привезено из далекой Аравии. Однажды из него вылупится сам Феникс, и когда настанет время, птица сошьет гнездо, отложит яйцо и умрет, чтобы на закате мира вновь возродиться в пламени.

– Я так и думала, – отозвалась миссис Уитекер.

– И, наконец, госпожа, – сказал Галаад, – я привез тебе вот это.

И достал из сумы и отдал ей. Это было яблоко, по-видимому, вырезанное из цельного рубина, и на янтарной ножке.

Несколько опасливо она взяла его в руки. Оно было мягким на ощупь – обманчиво мягким: ее пальцы помяли его, и по руке миссис Уитекер потек рубиновый сок.

Почти незаметно, волшебю кухню заполнил аромат летнего сада, малины и персиков, клубники и красной смородины. И словно из далекого далека она услышала поющие голоса и тихую музыку на ветру.

– Это одно из яблок Гесперид, – негромко сказал Галаад. – Откуси один раз, и оно исцелит любую болезнь или рану, какой бы тяжелой она ни была; откуси во второй, и вернутся молодость и красота. И говорят, если откусишь в третий, обретишь бессмертие.

Миссис Уитекер слизнула с руки липкий сок. По вкусу он был как лучшее вино. И на мгновение все к ней вернулось: каково это быть молодой, иметь крепкое стройное тело, которое слушается; бежать по дорожке от чистейшей неподобающей радости бегать; чтобы мужчины улыбались ей лишь потому, что она это она и этому рада.

Миссис Уитекер поглядела на сэра Галаада, самого пригожего из всех рыцарей, такого прекрасного и благородного в ее скромной кухоньке.

Она перевела дух.

– Это все, что я привез тебе, – сказал Галаад. – Но добыть их было непросто.

Миссис Уитекер положила рубиновый плод на кухонный стол. Она поглядела на Философский камень, и на яйцо Феникса, и на яблоко Жизни, а после пошла в гостиную и долго смотрела на каминную полку: на маленького фарфорового бассета с горестной мордой, на Святой Грааль и на своего покойного мужа Генри: без рубашки, улыбающегося, с мороженым в руке на черно-белой фотографии почти сорок лет назад.

Она вернулась на кухню. Засвистел чайник. Налив немного кипятка в заварочный чайник, она его сполоснула и воду вылила. Потом отмерила две чайные ложки заварки и залила водой. И все это она делала молча.

Потом она повернулась к Галааду и посмотрела на него.

– Уберите яблоко, – твердо сказала она. – Такое пожилым леди не предлагают. Это неуместно. – Помолчала немного. – Но остальные два я возьму, – продолжала она после минутного раздумья. – Они будут хорошо смотреться на каминной полке. И два за один – это по справедливости, уж вы как хотите.

Галаад просиял. Убрав рубиновое яблоко в суму, он опустился на одно колено и поцеловал миссис Уитекер руку.

– Перестаньте, – велела миссис Уитекер и налила им обоим чаю, прежде достав чашки от лучшего сервиза, приберегаемого только для особых случаев.

Они сидели и молча пили каждый свой чай. А допив, пошли в гостиную.

Перекрестившись, Галаад снял с каминной полки Грааль.

Миссис Уитекер поставила на его место Яйцо и Камень. Яйцо то и дело падало набок, и его пришлось опереть о фарфоровую собачку.

– Смотрятся очень мило, – сказала миссис Уитекер.

– Да, – согласился Галаад. – Они смотрятся очень мило.

– Могу я вас чем-нибудь покормить перед дорогой? – спросила она.

Он покачал головой.

– Кусочек фруктового пирога? – предложила она. – Сейчас вы, возможно, думаете, что не голодны, но через несколько часов очень ему обрадуетесь. И, наверное, вам следует зайти в укромное место. А пока дайте его сюда, я вам его заверну.

Она показала ему маленький туалет в конце коридора, а сама с Граалем пошла на кухню. В буфете у нее оставалось еще немного оберточной бумаги с Рождества, в которую она завернула Грааль и перевязала шпагатом. Потом отрезала большой кусок фруктового пирога и положила его в коричневый бумажный пакет вместе с бананом и плавленым сырком в станиоле.

Галаад вернулся из туалета. Миссис Уитекер дала ему бумажный пакет и Святой Грааль и, встав на цыпочки, поцеловала в щеку.

– Вы милый мальчик, – сказала она. – Берегите себя.

Он ее обнял, и она погнала его из кухни и через заднюю дверь, которую за ним заперла. Налив себе еще чашку чая, она тихонько поплакала в «клинекс», пока цокот подков эхом отдавался по дороге на

Готорн-кресцент.

В среду миссис Уитекер не выходила из дома.

В четверг она пошла на почту за пенсией. А после заглянула в «Оксфэм».

Женщина за кассой была ей незнакома.

– А где Мэри? – спросила миссис Уитекер.

Кассирша, у которой были подсиненные седые волосы и очки с синей в звездочках оправой, покачала головой и пожала плечами.

– Сбежала с молодым человеком, – сказала она. – На лошади. – Она щелкнула языком. – А мне сегодня надо быть в магазине в Хартфилде. Пришлось попросить моего Джонни отвезти меня сюда, пока мы не найдем ей замену.

– О! – протянула миссис Уитекер. – Как мило, что она нашла себе молодого человека.

– Для нее, может, и мило, – сказала суровая дама за кассой. – Но кое-кому сегодня надо быть в Хартфилде.

На полке у задней стены магазина миссис Уитекер нашла потускневший серебряный сосуд с длинным носиком. Согласно приклеенному на бок ярлычку, цена ему была шестьдесят пенсов. Он немного походил на сплюснутый и вытянутый заварочный чайник. Она выбрала роман Миллса и Буна, который еще не читала. Он назывался «Ее исключительная любовь». Книгу и сосуд она отнесла на кассу.

– Шестьдесят пять пенсов, милочка, – сказала женщина, беря серебряный предмет и его рассматривая. – Занятная рухлядь, правда? Привезли сегодня утром. – Вдоль одного бока и по изящно изогнутой ручке была выгравирована надпись замысловатой вязью. – Какой-то соусник, наверное.

– Нет, это не соусник, – сказала миссис Уитекер, которая в точности знала, что это. – Это лампа.

К ручке лампы было привязано бурым шпагатом маленькое, ничем не примечательное медное кольцо.

– Если подумать, – сказала миссис Уитекер, – я, пожалуй, возьму только книгу.

Она заплатила пять пенсов за роман, а лампу вернула на место, на полку у задней стены магазинчика. В конце концов, рассуждала по дороге домой миссис Уитекер, ее ведь совершенно некуда поставить.

## Цена

У скитальцев и бродяг есть особые знаки, которыми они помечают деревья, ворота и двери, давая знать своим, что за люди живут в домах и на фермах, мимо которых они проходят в своих скитаниях. Думаю, сходные знаки оставляют и кошки. Как еще объяснить, почему у нашей двери весь год напролет объявляются кошки – голодные, блохастые и брошенные?

Мы их берем к себе. Избавляемся от блох и клещей, кормим, возим к ветеринару. Мы платим за их прививки и – величайшее из оскорблений – кастрируем или стерилизуем. А они остаются у нас – на несколько месяцев или на год, или навсегда.

Большинство появляется летом. Мы живем далеко за городом, как раз на таком расстоянии, на какое городские жители отвозят животных, чтобы «выпустить их на волю».

Больше восьми кошек за раз у нас как будто не бывает, но и редко когда меньше трех. В настоящий момент кошачья популяция в моем доме такова: Гермiona и Стручок, соответственно полосатая и черная, сумасшедшие сестрички, которые живут в моем чердачном кабинете и с остальными не общаются; голубоглазая и длинношерстая белая Снежинка, которая несколько лет жила дикой в лесу, пока не променяла свободу на мягкие диваны и кровати; и последняя, но самая большая – Пушистик, пестрая подушкообразная дочка Снежинки, длинношерстая, рыже-черная с белым, которую я однажды обнаружил в гараже совсем крохой, придушенной и едва живой (ее головка попала в старую сетку для бадминтона) и которая удивила нас всех тем, что не умерла, а, напротив, выросла в самую добродушную кошку, какую я когда-либо встречал.

И наконец, есть еще черный кот. У которого нет другого имени, кроме как Черный Кот, и который появился почти месяц назад. Поначалу мы не поняли, что он намерен у нас поселиться: для бездомного он выглядел слишком сытым, а для брошенного – слишком взрослым и бодрым. Он походил на небольшую пантеру и двигался, как пятнышко темноты.

Однажды утром я обнаружил, что он слоняется по нашей ветхой веранде: навскидку, лет восемь-девять, самец, желто-зеленые глаза, очень дружелюбный, совершенно невозмутимый. Я решил, что он с какой-нибудь фермы по соседству или приехал с дачниками.

Я на несколько недель уезжал заканчивать книгу, а когда вернулся, он все еще был у нас на веранде: жил в старой кошачьей корзинке, которую

нашли для него дети. Однако изменился он почти до неузнаваемости. Местами шерсть была вырвана клочьями и виднелись пятна серой кожи. Кончик одного уха был обкушен. Под глазом – шрам, и губа разодрана. Выглядел он худым и усталым.

Мы отвезли Черного Кота к ветеринару, где нам дали антибиотики, которые мы скармливали ему каждый вечер в кошачьих консервах.

Мы недоумевали, с кем же он дерется? С нашей прекрасной белой почти дикой королевой Снежинкой? С енотами? С крысохвостым клыкастым опоссумом?

Каждое утро шрамы становились все хуже: то вдруг у него оказывался прокушен бок, а на следующее утро живот располосован чьими-то когтями. От прикосновения к нему на пальцах оставалась кровь.

Когда дошло до этого, я отнес его в подвал, чтобы он там оправился возле топки и штабелей коробок. Этот Черный Кот был на удивление тяжелым. Я взял его на руки и вместе с кошачьей корзинкой, лотком с наполнителем, едой и водой унес вниз. Дверь за собой я закрыл. Когда я поднялся наверх, мне пришлось смывать кровь с рук.

Он оставался внизу четыре дня. Поначалу он, казалось, был слишком слаб, чтобы самому кормиться. От шрама под глазом он почти ослеп, а еще хромотал, и голова у него безвольно заваливалась на сторону, а в ране на губе проступал густой желтый гной.

Каждый день утром и вечером я спускался в подвал, кормил его, давал антибиотики в кошачьих консервах. Я промокал гной с ран и с ним разговаривал. У него был понос, и несмотря на то что я постоянно менял лоток, в подвале ужасно воняло.

Четыре дня, которые кот пробыл в подвале, были дурными днями для моей семьи. Малышка поскользнулась в ванной, ударилась головой и едва не утонула. Я узнал, что проекту, который мне очень хотелось сделать (переработать роман Хоупа Миррли «Луд в тумане» для Би-би-си), не суждено осуществиться, и сообразил, что у меня нет сил начинать все с нуля, пытаясь продать его другим каналам. Моя дочь уехала в летний лагерь и тут же начала слать душераздирающие письма и открытки – по пять-шесть в день, – умоляя нас забрать ее оттуда. Мой сын поссорился с лучшим другом, причем так, что они перестали разговаривать. И возвращаясь однажды вечером домой, моя жена сбила оленя, который выскочил на дорогу прямо перед машиной. Олень погиб, машина разбилась, а моя жена отделалась небольшим порезом под глазом.

На четвертый день кот, спотыкаясь, нетерпеливо бродил по подвалу между стопами книг и комиксов, коробками с почтой и кассетами,

рисунками, подарками и еще всякой всячиной. Он мямом попросил его выпустить, и я неохотно согласился.

Он вернулся на веранду и остаток дня проспал.

На следующее утро на боках у него оказались глубокие свежие шрамы, а доски веранды покрывали комья черной кошачьей шерсти. Его шерсти.

В тот же день пришло письмо от дочери, где говорилось, что в лагере все же не так плохо и, кажется, она сможет выдержать несколько дней. Мой сын и его друг помирились, хотя я так и не узнал, из-за чего началась ссора: то ли из-за обмена карточками, то ли из-за компьютерных игр и «Звездных войн», то ли из-за Лучшей Девочки в Классе. Выяснилось, что зарезавший «Луда в тумане» сотрудник Би-би-си брал взятки (ну, «сомнительные кредиты») от независимой кинокомпании, за что был отправлен в постоянный отпуск, а из факса его приемницы я с радостью узнал, что это она некогда, перед своим уходом с Би-би-си предложила экранизировать «Луда в тумане» и поручить мне писать сценарий.

Я подумал, не вернуть ли Черного Кота в подвал, но решил, что лучше не стоит. Надо попытаться выяснить, какое животное приходит по ночам к нашему дому, и уже тогда составить план дальнейших действий: поймать в ловушку, например.

На день рождения и Рождество семья дарит мне всякие технические безделушки и штуковины, дорогие игрушки, которые берегут мое воображение, но в конечном итоге редко покидают свои коробки. У меня есть устройство для обезвоживания пищи и электрический разделочный нож, печка для выпекания хлеба и – прошлогодний подарок – бинокль ночного видения. Наутро после Рождества я вставил в бинокль батарейки и ходил с ним по подвалу в темноте (у меня не хватило даже терпения дожидаться ночи), выслеживая стаю воображаемых скворцов. (По инструкции свет включать нельзя: это повредит бинокль и, вполне возможно, ваше зрение тоже.) После я убрал бинокль назад в ящик, и он так и лежал у меня в кабинете рядом с коробкой проводов от компьютера и прочими забытыми мелочами.

На случай, если существо, будь то собака, кошка, енот или кто там еще, увидев меня на веранде, решит не выходить, я отнес стул в кладовку, комнатку размером не больше стенового шкафа, которая выходит на веранду, и, когда все в доме заснуло, пожелал Черному Коту доброй ночи.

«Этот кот, – сказала моя жена, когда он впервые объявился, – личность». Было что-то человеческое в его огромной львиной физиономии: широкий черный нос, зеленовато-желтые глаза, зубастая, но привлекательная пасть (где справа на нижней губе еще проступал янтарный



гной).

Я погладил его по голове, почесал под подбородком и пожелал удачи. Потом вошел внутрь и погасил на веранде свет.

Устроившись на стуле в темноте, я держал бинокль на коленях. Стоило мне его включить, и из линз стал сочиться зеленоватый свет.

Время тянулось. В темноте.

Я экспериментировал с тем, как смотреть в бинокль, когда темно, учился его фокусировать, учился видеть мир в оттенках зеленого. И ужаснулся, сколько насекомых в ночном воздухе: ночь словно превратилась в кошмарный, кишачий жизнью суп. Потом опустил бинокль и уставился в бархатные черные и синие ночные тени, такие пустые, спокойные и мирные.

Время шло. Я боролся со сном и ловил себя на том, что мне отчаянно не хватает кофе и сигарет. И то и другое я бросил как вредные наркоманские привычки, и то и другое не дало бы мне сомкнуть глаз. Но не успел я провалиться в мир дремы и снов, как меня вырвал из него кошачий вопль в саду. Неловко поднеся инфракрасный бинокль к глазам, я испытал разочарование, увидев, что это всего лишь Снежинка: наша белая кошка неслась по палисаднику, точно струйка зеленовато-белого света. Ее хвост мелькнул у рожицы слева от дома, и она исчезла.

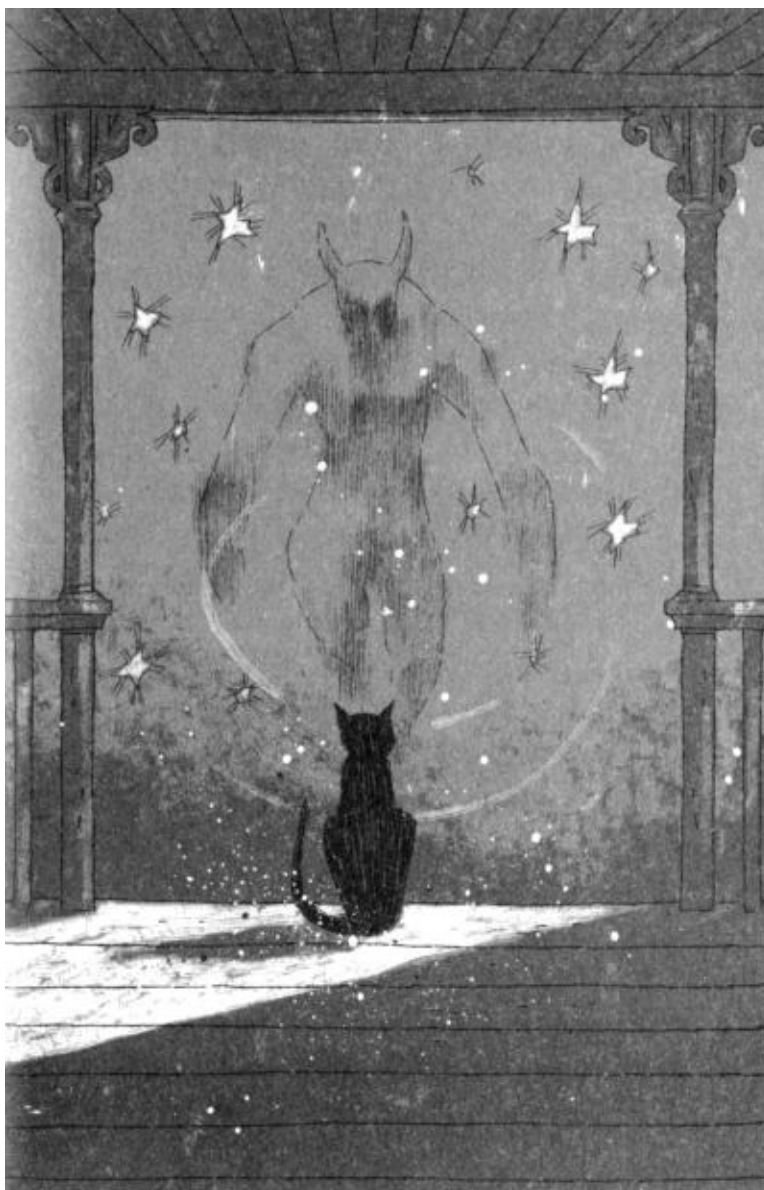
Я уже собирался снова задремать, когда мне пришло в голову поинтересоваться, а что же все-таки так напугало Снежинку, и начал сканировать сад, выискивая гигантского енота, собаку или злобного опоссума. И действительно... что-то приближалось по подъездной дорожке к дому. В бинокль оно было мне видно как днем.

Это был Дьявол.

Я никогда прежде не видел Дьявола и, хотя в прошлом о нем писал, если бы на меня напали, признался бы, что верю в него не больше, чем в любое другое мифическое существо, будь то трагический фаустовский или эпический мильтоновский персонаж. По подъездной дорожке ко мне приближался вовсе не мильтоновский Люцифер. Это был Дьявол.

Сердце забилося у меня в груди, застучало так сильно, что стало больно. Я надеялся, что он меня не увидит, что в темном доме, за стеклом я от него скрыт.

Шагая по дорожке, фигура мерцала и менялась. То это было нечто темное, быкоподобное, минотаврское, а то изящное и женственное, а потом самый настоящий кот, огромный, весь в шрамах серо-зеленый кот с перекошенной от ненависти мордой.



На мою веранду ведут ступени, четыре белые деревянные ступеньки, отчаянно нуждающиеся в покраске (я-то знал, что они белые, хотя в бинокль они, как все остальное, виделись зелеными). Перед ступеньками Дьявол остановился и выкрикнул что-то, чего я не смог разобрать: три, может, четыре слова на скулящем, воющем языке, который, наверное, был древним и позабытым тогда, когда был юн Вавилон. И хотя я их не понял, но почувствовал, как волосы у меня встали дыбом.

Мгновение спустя я уловил приглушенное стеклом, но все же слышное низкое рычание, вызов, и – ступая нетвердо, медленно – со ступеней веранды спустилась зеленовато-черная тень. Она шла от меня. К Дьяволу. Последние дни Черный Кот двигался уже совсем не как пантера, он пошатывался и спотыкался, будто недавно спустившийся на берег матрос.

А Дьявол теперь обратился в женщину. Она сказала коту что-то ласковое и успокаивающее на языке, похожем на французский, и протянула к нему руку. Он же впился зубами в ее запястье, и тогда она скривилась и плюнула в него.

Тут женщина подняла на меня взгляд, и, даже если раньше я усомнился бы, что передо мной Дьявол, теперь я был в этом уверен: в глазах женщины горел красный огонь, но в инфракрасном свете красного не различишь, только оттенки зеленого. А Дьявол увидел меня через окно. Увидел меня. Увидел меня.

Дьявол извернулся, заизвивался и обратился в шакала, существо с плоской мордой, огромной головой и бычьей шеей, наполовину гиену, наполовину динго. В его шелудивой шкуре копошились черви. Он начал подниматься по ступенькам.

А Черный Кот прыгнул на него, и они превратились в катящийся клубок, который двигался так быстро, что я не мог за ним уследить.

И все в тишине.

И вдруг громкий рев – по небольшому шоссе, на которое выходит наша дорожка, прогремел запоздалый грузовик, его сияющие фары дальнего света вспыхнули в моем бинокле двумя зелеными солнцами. Опустив бинокль, я увидел одну только темноту, приглушенные желтые передние фары и красные огни задних, когда грузовик исчез, направляясь невесть куда.

Когда я снова поднял бинокль, смотреть было не на что. Только на ступенях Черный Кот всматривался в воздух. Я поднял бинокль чуть выше и увидел, как что-то – стервятник, наверное, или орел – улетает прочь. Через несколько секунд оно исчезло за деревьями.

Выйдя на веранду, я взял на руки Черного Кота, погладил его, стал говорить ему добрые, успокаивающие слова. Когда я только подошел, он жалобно мяукнул, но вскоре заснул у меня на коленях, а тогда я положил его в кошачью корзинку и сам пошел спать. На следующее утро на моих футболке и джинсах оказалась запекшаяся кровь.

Это было неделю назад.

Нечто, прилетающее к моему дому, появляется не каждую ночь. Но в большинство ночей приходит: мы узнаем об этом по ранам кота, по боли, которую я читаю в этих львиных глазах. У него отказала передняя левая лапа, правый глаз закрылся навсегда.

Я спрашиваю себя, что мы такого сделали, чем заслужили Черного Кота. Я спрашиваю себя, кто его послал. А еще эгоистично, испуганно спрашиваю себя, насколько еще его хватит.

## Как общаться с девушками на вечеринках

– Ладно тебе, пошли, – сказал Вик. – Там будет круто.

– Не, не пойду, – ответил я, хотя этот бой был проигран заранее, и я это знал.

– Да ладно тебе, там клево, – в сотый раз повторил Вик. – Девчонки! Девчонки! Девчонки! – скалил он белые зубы.

Мы оба учились в школе для мальчиков в Южном Лондоне. Нельзя сказать, что у нас не было вообще никакого опыта с девчонками: у Вика вроде как было немало подружек, а я три раза целовался с подругами сестры. Но общались мы только с парнями – проще сказать, понимали только парней. Во всяком случае я. За других говорить не могу, тем более что мы не виделись с Виком уже тридцать лет. Если мы сейчас встретимся, даже не знаю, о чем с ним говорить.

Мы шли по запутанному лабиринту проулков, петляющих позади станции Ист-Кройдон. Кто-то сказал Вику про вечеринку, и он был полон решимости туда попасть, и не важно, хотелось мне этого или нет – а мне не хотелось. Но мои предки уехали на целую неделю на какуюто там конференцию, а я жил у Вика, и потому мне приходилось повсюду таскаться за ним.

– Будет все, как всегда, – сказал я. – Через час ты уже будешь тискать самую красивую девчонку, а я опять окажусь на кухне, и чья-то мама начнет грузить меня умными разговорами о политике, поэзии и прочей фигне.

– Ну, так с ними же надо общаться, разговаривать там, все дела... Кажется, нам сюда. – Вик весело взмахнул пакетом с бутылкой.

– А что, ты не знаешь адрес?

– Элисон мне объяснила, я все записал на бумажке, но забыл ее дома. Ладно, найдем.

– Как? – У меня появилась надежда.

– Пойдем по улице, – он говорил со мной, как с идиотом, – увидим дом, пойдем, что там вечеринка. Раз плюнуть.

Я огляделся, но вечеринки поблизости не наблюдалось – только ржавеющие машины и велосипеды в окруженных бетоном садиках; пыльные окна газетных киосков, в которых пахло иноземными пряностями и продавалось буквально все, от поздравительных открыток и подержанных комиксов до журналов настолько порнографических, что они попадают на

прилавок запечатанными в непрозрачную пленку. Помню, однажды Вик попытался спереть такой журнальчик и засунул его под майку, но хозяин поймал его уже на улице и заставил вернуть товар.

Мы дошли до конца улицы и свернули в проулок, застроенный одинаковыми домами. Там было пустынно и тихо.

– Тебе хорошо. Ты им нравишься, – сказал я. – Тебе даже и разговаривать с ними не надо.

И это правда. Одна улыбка – и Вик мог брать любую на выбор.

– Не. Не совсем. Разговаривать всетаки нужно.

Когда я целовался с подругами сестры, до разговоров дело не доходило. Все вообще происходило по-быстрому, пока сестра отлучалась куда-то по своим делам. Если кто-то из ее подруг попадал в пределы досягаемости, мы просто целовались. Без разговоров. Я не знаю, о чем говорят с девочками. Так я ему и сказал.

– Это просто девочки, – ответил Вик. – А не какие-то инопланетные пришельцы.

Мы завернули за угол, и надежда на то, что мы все-таки не найдем вечеринку, начала угасать: где-то рядом, приглушенная стенами и дверями, глухо пульсировала музыка. Было восемь вечера, а это не слишком рано, если тебе еще нет шестнадцати. Как, к примеру, было нам.

Моих родителей в отличие от предков Вика всегда волновало, где я и что я. Он был самым младшим из пяти братьев. Мне это казалось почти волшебством: имея двух младших сестер, я чувствовал себя уникальным и одиноким одновременно. Сколько себя помню, мне всегда хотелось, чтобы у меня был брат. После тринадцатого дня рождения я перестал загадывать желания на падающих звездах, но когда еще загадывал, то думал только о брате.

Мы прошли по камням, которыми была вымощена дорожка, через живую изгородь, мимо пышного розового куста. Позвонили в дверь, и на пороге возникла девушка. Я не смог бы сказать, сколько ей лет, и это, помимо прочего, всегда напрягало меня в девочках: когда мы еще дети, мы просто мальчики и девочки, растем вместе, с одинаковой скоростью, нам по пять, по семь, по одиннадцать лет. А потом – раз! – и девочки как будто вдруг попадают в будущее, они все про все знают, у них месячные, и грудь, и косметика, и богещезнает что – а ты застрял где-то на уровне четырнадцатилетнего подростка. И диаграммы в учебниках по биологии не делают тебя, в прямом смысле слова, совершеннолетним. А девочки, твои ровесницы, уже вполне себе совершеннолетние.

А мы с Виком – ни разу не совершеннолетние, и у меня было стойкое

подозрение, что даже если я начну бриться по два раза в день вместо раза в месяц, то все равно не преодолею разрыва.

– Привет, – сказала девушка.

– Мы друзья Элисон, – сообщил Вик. С Элисон, рыжей веснушчатой девушкой, мы познакомились в Германии, когда ездили на языковую практику по обмену. Организаторы разбавили группу девчонками из женской школы – для равновесия. Девчонки нашего возраста в основном были шумными и веселыми, почти у всех были взрослые бойфренды с машинами, мотоциклами, работой и даже – как печально поведала мне одна девушка, обладательница кривых зубов и енотовой шубки, на вечеринке в Гамбурге (да, дело было на кухне, а кто бы сомневался?!) – с женой и детьми.

– Ее нет, – сказала открывшая дверь девица. – Элисон здесь не живет.

– Это не важно, – широко улыбнулся Вик. – Я Вик. Это – Эйн. – Мгновение, и она уже улыбается ему. Вик достал из пакета бутылку вина, «одолженную» из родительского бара. – Куда поставить?

Девушка отошла в сторону, пропуская нас внутрь.

– На кухню, – сказала она. – Туда, где все остальные бутылки.

У нее были выющиеся золотистые волосы, и она была прекрасна. В коридоре темно, но я все равно разглядел, насколько она прекрасна.

– А тебя как зовут? – спросил Вик.

Она сказала, что зовут ее Стеллой, а он опять улыбнулся своей белозубой улыбкой и заявил, что это самое красивое имя из всех, что он слышал за всю свою жизнь. Вот ведь гад! И самое поганое, что он говорил так, как будто и сам в это верил.

Вик отправился на кухню, а я задержался в дверях гостиной, где играла музыка. Там танцевали. Стелла вошла в комнату и стала ритмично покачиваться в такт музыке. Она танцевала одна, сама с собой, а я смотрел на нее.

Это была эпоха раннего панка. Мы тогда слушали «Adverts» и «Jam», «Stranglers», «Clash» и «Sex Pistols». Но на вечеринках играли «ELO», «10cc» и даже «Roxу Music». Ну и Боуи, если очень повезет. В Гамбурге, во время той поездки по обмену, единственной пластинкой, по поводу которой мы сумели сойтись во мнениях, был альбом «Harvest» Нила Янга, и его песня «Золотое сердце» стала фоном всего путешествия: *За золотым сердцем стремясь, я пересек океан...*

Однако звучащая в гостиной музыка была мне незнакома. Отчасти она напоминала немецкий электропоп типа «Kraftwerk», отчасти – пластинку, которую мне подарили на прошлый день рождения, коллекция

странных шумов из звуколаборатории Би-би-си. И все же в музыке был ритм, в такт которому танцевали с полдюжины девушек, находившихся в комнате. Но я смотрел только на Стеллу. Она затмевала всех.

Отпихнув меня, в комнату вошел Вик с банкой пива в руке.

– Там на кухне столько бухла...

Он подкатил к Стелле и заговорил с ней. О чем – я не слышал из-за музыки, но мне точно не было места в этом разговоре.

Пиво я не любил – тогда не любил. Я отправился на кухню поискать чего-нибудь повкуснее. На столе стояла большая бутылка кока-колы, и я налил себе полный стакан – правда, пластиковый. В кухне сидели и оживленно болтали две девочки, с которыми я, разумеется, не решился заговорить. У обеих гладкая черная кожа, иностранный акцент, и эти прелестные девчонки были явно вне зоны моей досягаемости.

Я болтался по дому со стаканом колы.

Дом оказался значительно больше и запутанней, чем стандартные двухэтажные здания, к которым я привык. Свет везде приглушен – сомневаюсь, что где-то имелась лампочка мощнее сорока ватт, – и в каждой комнате кто-то был, причем, насколько я помню, исключительно девушки. Наверх я не пошел.

В зимнем саду я обнаружил одинокую девушку, со светлыми, почти белыми, длинными волосами. Она сидела на стеклянной столешнице, сцепив руки в замок, и грустно смотрела в сад за окном.

– Ты не против, если я здесь посижу? – спросил я. Она покачала головой, потом пожала плечами, в общем, ей было все равно. Я присел за стеклянный столик.

Мимо двери оранжереи прошли Вик со Стеллой. Вик на мгновение прервал разговор, посмотрел на меня, сидящего у стола, скованного робостью и застенчивостью, и изобразил рукой открывающийся рот. *Разговаривай!* Ну да, конечно.

– А ты... местная? – спросил я у девушки.

Она покачала головой. На ней была серебристая блузка с глубоким вырезом, и я старался не таращиться на округлости ее груди.

– А как тебя зовут? Меня – Эйн.

– Уэйна Уэйны, – сказала она. – Я второсортная.

– Какое... э... необычное имя.

Ее рассеянный взгляд наконец сосредоточился на мне.

– Это значит, что мой исток – тоже Уэйна, и я обязана перед нею отчитываться. Мне нельзя размножаться.

– А. Ну да. Но для этого еще вроде бы рановато?

Она расцепила руки и подняла их над столом, растопылив пальцы.

– Видишь?

Мизинец на ее левой руке был кривым и раздваивался на кончике, образуя два маленьких пальчика. Небольшой дефект.

– Когда я закончила цикл, им пришлось принимать решение: оставить меня или уничтожить. Хорошо, что решение вышло в мою пользу. Теперь я путешествую, а мои более совершенные сестры остались дома, в стазисполе. Они без изъянов. А я – второй сорт. Скоро я вернусь к Уэйне и расскажу об увиденном. Передам все свои впечатления об этом месте. Которое ваше.

– Я вообще-то не здесь живу, не в Кройдоне, – сказал я. – Тоже не местный. – Может, она из Америки, подумал я. Странно она разговаривает. Вообще ничего не понятно.

– Как скажешь, – согласилась она, – все мы неместные. – Она прикрыла свою шестипалую руку другой рукой. – Я ожидала, что это место будет больше, чище и красочнее. Но оно все равно уникально.

Она зевнула, прикрыв рот правой рукой, – и тут же вернула ее на место.

– Я устала от путешествий, надеюсь, когданибудь они закончатся. Я увидела их на улице в Рио, на карнавале – золотых, очень высоких, с фасеточными глазами и крыльями, – и чуть было не побежала навстречу, но потом поняла, что это всего лишь люди в костюмах. Я спросила у Холы Колът: «Почему они так стараются быть похожими на нас?» И она мне ответила: «Потому что они ненавидят себя, свою розовость и коричневость, и то, какие они низкорослые». Вот, что я чувствую. Даже я, не успевшая вырасти. Как будто это мир детей или эльфов. – Она улыбнулась и добавила: – Хорошо, что они не могут видеть Холу Колът, никто из них.

– Ага, – сказал я. – Потанцуем?

Она покачала головой.

– Это запрещено. Мне нельзя делать ничего, что может нанести вред собственности. Я принадлежу Уэйне.

– Тогда, может, выпьешь чего?

– Воды, – ответила она.

Я смотался на кухню, налил себе еще колы, взял чистую чашку и наполнил ее водой из-под крана. Из кухни – обратно в коридор, оттуда – в зимний сад... Но там уже никого не было.

Какое-то время я гадал, куда она делась – наверное, пошла в туалет, – и, может, она всетаки передумает насчет танцев, если вернется. Потом я вернулся в гостиную. Людей там прибавилось. Танцующих девушек стало



больше, появилось несколько незнакомых парней, на вид – явно постарше меня с Виком. Все соблюдали дистанцию, кроме Вика и Стеллы. Он держал ее за руку, а когда песня закончилась, небрежно приобнял за талию – почти по-собственнически, чтобы никто не покусился.

Я все думал, куда делась девчонка из оранжереи: на первом этаже ее не было.

Затем я перебрался в комнату прямо по коридору и сел на диван. Там уже сидела нервная девушка с темными волосами и короткой стрижкой, торчавшей ежиком.

*Говори!* – рявкнул внутренний голос.

– Ээ... у меня тут вода пропадает, – выпалил я, – не хочешь?

Она кивнула и очень осторожно, словно не привыкла к своим рукам или не доверяла глазам, приняла чашку из моих рук.

– Мне нравится туризм, – сказала она, неуверенно улыбаясь. Между передними зубами у нее была маленькая щербинка, и она цедила воду сквозь зубы, как взрослые пьют дорогое вино. – В прошлый раз мы летали на Солнце, плавали в солнечных морях вместе с китами. Мы слушали их истории, и мерзли в холоде фотосферы, и ныряли вниз, где глубинное тепло согревало нас и ободряло. Я хотела вернуться. На этот раз я действительно хотела вернуться. Слишком много я видела. Но мы пришли в этот мир. Тебе нравится?

– Что?

Она обвела рукой комнату: диван, кресла, шторы, лампу.

– Ну да, ничего так.

– Я говорила им, что не хочу посещать этот мир, – продолжала она. – Мой родитель-наставник не послушал. Сказал, что мне нужно еще многому научиться. А я ответила: «Я еще больше узнаю на Солнце. Или в межзвездном пространстве. Джесса плетет паутину среди галактик. Я тоже хочу». Но он не слушал, и я пришла в этот мир. Родитель-наставник поглотил меня, и вот я здесь, заключенная в разлагающийся кулек мяса на известковом каркасе. Едва воплотившись, я ощутила внутри себя что-то такое... бьющееся, пульсирующее и хлюпающее. Раньше мне никогда не приходилось вибрировать голосовыми связками, выталкивая воздух из легких, и я сказала родителю-наставнику, что хочу умереть, что, как известно, беспроектный способ бегства из этого мира.

Она постоянно перебирала черные четки, обвивавшие ее запястье.

– Но в этой плоти есть какое-то знание, – сказала она, – и я намерена им овладеть.

Мы сидели почти по центру дивана. Я решил положить руку ей на

плечо, но так... как бы случайно. Просто забросить руку на спинку дивана, а потом незаметно, по миллиметру, спускать ее вниз, пока не коснусь ее плеча.

Она продолжала:

– Эта жидкость в глазах, от которой весь мир расплывается. Мне никто не объяснил, и я ее не понимаю. Я касалась складок Шепота, я летала с сияющими тахион-лебедями, и все равно не понимаю.

Не сказать, что она *самая красивая* девушка из тех, кого я видел в доме, но она была милой, и в любом случае она – девушка. Осторожно, едва дыша, я чуть сдвинул руку и коснулся ее спины. Она промолчала.

Но тут из коридора меня окликнул Вик. Он стоял в дверях, обнимая Стеллу, и махал мне рукой. Я покачал головой, давая понять, что у меня тут коечто наклевывается. Однако он очень настойчиво позвал меня, пришлось встать и подойти к двери.

– Ну чего?

– Это... В общем, вечеринка... – начал Вик извиняющимся тоном. – Короче, это не та вечеринка. Мы со Стеллой все выяснили. Она вроде как объяснила. Мы ошиблись домом.

– Господи. И что теперь? Нам надо уйти?

Стелла покачала головой. Вик притянул ее к себе и нежно поцеловал в губы.

– Ведь ты рада, что мы появились тут, да, дорогая?

– Ты же знаешь, – сказала она.

Он посмотрел на меня и улыбнулся своей фирменной улыбкой: плутовской и совершенно очаровательной – немного от Артфула Доджера, немного от Прекрасного принца.

– Не переживай. Все равно они все нездешние. Это вроде поездки по обмену, сечешь? Как мы в Германии.

– Да?

– Эйн. Тебе нужно с ними *общаться*. А «общаться» означает, что надо еще и слушать. Понятно?

– Я *говорю*. Уже с парочкой поговорил.

– И как успехи?

– Все было отлично, пока ты меня не позвал.

– Ну, извини. Просто хотел ввести тебя в курс дела. Все нормально.

Он похлопал меня по плечу и ушел вместе со Стеллой. Потом они оба поднялись наверх.



Не поймите меня неправильно, в этом полумраке все девушки были прекрасны; у всех такие красивые лица, но, что гораздо важнее, в них было... даже не знаю... какое-то волшебное своеобразие, легкая асимметрия пропорций, некая странная человечность, которая отличает истинную красоту от холодной безупречности манекена. Стелла, конечно, красивее всех, но она, разумеется, досталась Вику: они уже наверху, и так будет всегда.

Когда я вернулся обратно в комнату, на диване уже сидели какие-то парни, которые активно общались с щербатой девчонкой. Кто-то рассказал анекдот, и все рассмеялись. К ней теперь пришлось бы пробиваться чуть ли не с боем, однако мой уход не особенно ее огорчил, она явно меня не ждала, и я вернулся в гостиную. Мельком глянув на танцующих, я

удивился, откуда играет музыка: не было видно ни проигрывателя, ни колонок.

И я снова пошел на кухню.

Кухни на вечеринках – вещь незаменимая. Чтобы зайти туда, не надо выдумывать никаких причин, и еще большой плюс: на этой вечеринке я не замечал никаких признаков чьей-то мамы. Обследовав батарею бутылок и банок на кухонном столе, я нацедил себе на полдюйма «Перно» и разбавил кока-колой. Потом бросил в стакан пару кубиков льда и сделал глоток, наслаждаясь сладким ароматом свежести.

– Что пьешь? – спросил женский голосок.

– «Перно», – ответил я. – Немного напоминает анисовое драже, только со спиртом. – Я не стал говорить, что попробовал напиток только потому, что слышал, как кто-то из толпы просил «Перно» на концертном альбоме «Velvet Underground».

– А мне можно?

Я смешал еще один коктейль и отдал девушке, обладательнице роскошных меднокаштановых волос, завитых в мелкие кудряшки. Сейчас такие прически уже не носят, но тогда они встречались на каждом шагу.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Триолет.

– Красивое имя, – сказал я, хотя вовсе не был в этом уверен.

А вот сама девушка точно была красивой.

– Это такой вид стихов, – гордо ответила она. – Как я.

– Так ты, что ли, стихотворение?

Она улыбнулась и опустила глаза, может быть, даже застенчиво. У нее был почти античный профиль: идеальный греческий нос практически сливался в одну линию со лбом. В прошлом году мы ставили в школьном театре «Антигону». Я играл гонца, который приносит Креонту весть о смерти Антигоны. Мы играли спектакль в полумасках с точно такими же носами. Вспомнив ту пьесу и глядя на девушку, там, на кухне, я думал о женщинах из комиксов Барри Смита про Конана Варвара. Через пять лет я бы вспомнил прерафаэлитов, Джейн Моррис и Лизи Сиддал. Но тогда мне было всего пятнадцать.

– Ты стихотворение? – переспросил я.

Она прикусила верхнюю губу.

– В какомто смысле. Я поэма, я ритм, я погибшая раса, чей мир поглотило море.

– Это, наверное, трудно: быть тремя вещами одновременно?

– Как тебя зовут?

– Эйн.

– Значит, ты Эйн, – сказала она. – Ты существо мужского пола. И ты двуногий. Тебе трудно быть тремя сущностями одновременно?

– Но это же не разные вещи. То есть они не взаимоисключающие.

На ней было платье из тонкой шелковистой ткани. Глаза зеленые, такого особенного оттенка, который сейчас сразу навел бы на мысли о контактных линзах; но тридцать лет назад все было по-другому. Помнится, я тогда думал о Вике и Стелле, уединившихся наверху. «Сейчас, – думал я, – они уже наверняка завалились в спальню». И завидовал Вику, как ненормальный. До боли.

И все же я разговаривал с девушкой, даже если мы оба несли полный бред, даже если на самом деле ее звали не Триолет (детям моего поколения еще не давали хипповских имен: всем Радугам, Солнышкам и Лунам было тогда лет по шестьсемь).

– Мы знали, что конец уже близко, – продолжала она, – и поэтому переложили свой мир в поэму, чтобы поведать Вселенной, кем мы были и зачем пришли в этот мир, что мы говорили, о чем думали и мечтали, к чему стремились. Мы вплели свои сны в ткань слов и скроили слова так, что они будут жить вечно, незабвенно. Потом мы превратили поэму в вихрь, спрятанный в сердце звезды, и разослали свое послание в импульсах электромагнитного спектра, и где-то в далеком звездном скоплении, на расстоянии в тысячу солнечных систем, этот узор расшифровали, и он опять стал поэмой.

– И что было дальше?

Она пристально посмотрела на меня. Казалось, она глядит на меня сквозь полумаску Антигоны, но глаза при этом являются лишь частью маски – может, чуть более глубокой и проникновенной, но все-таки частью маски.

– Нельзя услышать поэму и не измениться внутренне, – сказала она. – Ее слышали, и она заразила их. Тех, кто услышал. Она проникла в них и завладела всем их существом, ее ритм сделался частью их мыслей, ее образы постоянно воздействовали на их метафоры, ее строфы, мироощущение, вдохновение заменили им жизнь. Их дети рождались с поэмой в крови, они знали ее изначально. И уже очень скоро, как всегда и бывает, дети перестали рождаться совсем. В них уже не было необходимости. Осталась только поэма, которая обрела плоть, которая двигалась, распространяя себя по просторам Вселенной.

Я придвинулся к ней, наши ноги соприкоснулись. Она вроде бы не возражала, даже взяла меня за руку, словно поощряя к дальнейшим

действиям. Я расплылся в улыбке.

– Есть места, где нам рады, – говорила Триолет, – а гдето к нам относятся, как к ядовитым сорнякам или болезни, которую надо немедленно изолировать и уничтожить. Но где кончается зараза и начинается искусство?

– Не знаю, – ответил я, по-прежнему улыбаясь. Из гостиной доносился гулкий ритм незнакомой музыки.

Она наклонилась ко мне и... наверное, это был поцелуй... Наверное. Так или иначе, она прижала свои губы к моим, и потом, удовлетворенная, отодвинулась, словно поставила на мне свое клеймо.

– Хочешь послушать? – спросила она, и я кивнул, не понимая, что мне предлагают, но уверенный, что хочу все, что она пожелает мне предложить.

Она что-то зашептала мне на ухо. Странная штука эта поэзия – ее можно почувствовать, даже если не знаешь языка. Слушая Гомера в оригинале, не понимая ни слова, ты чувствуешь, что это поэзия. Я слышал стихи на польском, стихи инуитов, и мгновенно понимал, что это, не улавливая смысла. Таким же был ее шепот. Я не знал языка, но ее слова пронизывали меня, и в воображении рисовались хрустальные башни, и искрящиеся бриллианты, и люди с глазами цвета морской волны; и с каждой строчкой, с каждой рифмой я ощущал неумолимое наступление океана.

Наверное, я поцеловал ее по-настоящему. Не помню. Знаю только, что очень хотел ее поцеловать.

Помню, как Вик тряс меня за плечо.

– Пойдем отсюда! – кричал он. – Скорее!

Мои мысли медленно возвращались к реальности из далекого далека.

– Идиот! Скорее. Уходим отсюда! – кричал он, ругая меня последними словами. В его голосе звенела ярость.

Впервые за вечер я узнал что-то из музыки, звучавшей в гостиной. Печальный плач саксофона сменил каскад струнных аккордов, мужской голос запел про сыновей безмолвной эпохи. Мне хотелось остаться и дослушать песню.

– Я не закончила, – сказала она. – Он еще не дослушал.

– Извини, дорогуша, – отрезал Вик, который больше не улыбался. – Как-нибудь в другой раз. – Он схватил меня за локоть и поволок вон из комнаты. Я не сопротивлялся. Я знал по опыту, что если что-то втемашится ему в голову, лучше не возражать – а то можно и схлопотать по роже. Не всегда, разумеется: только если он зол или сильно расстроен. Сейчас он был зол. Очень зол.

Протащив меня через гостиную, Вик распахнул входную дверь, и я оглянулся в последний раз, надеясь увидеть в дверях кухни Триолет, но там было пусто. Зато я увидел Стеллу, стоявшую на верхних ступеньках лестницы. Она смотрела на Вика, и я увидел ее лицо.

Это было тридцать лет назад. С тех пор я многое забыл, и забуду еще больше, а в конечном итоге забуду все. Но если бы я верил в жизнь после смерти, я был бы уверен, что в ней не будет псалмов и гимнов. В ней будет лишь *это* – то, что я никогда не забуду, даже когда позабуду все: лицо Стеллы, смотревшей на убегающего от нее Вика. Я буду помнить его даже на смертном одре.

Ее одежда была в беспорядке, косметика на лице смазана, а глаза...

Не злите Вселенную. Бьюсь об заклад, у разъяренной Вселенной будут точно такие же глаза.

Мы с Виком неслись со всех ног, прочь от той вечеринки, туристов и полумрака; неслись, словно гроза наступала нам на пятки. Это был бешеный суматошный забег по запутанным улочкам – бездумный и безоглядный, – пока мы не остановились за много кварталов оттуда, оглушенные собственным хриплым дыханием и стуком сердец. Мучительно глотая воздух, я держался за стену, а Вика вырвало, вывернуло наизнанку в придорожную канаву.

Он вытер рот.

– Она не... – Он замолчал.

Покачал головой.

Потом продолжил:

– Знаешь... есть вещи... Когда ты заходишь слишком далеко. И если ты сделаешь еще шаг, то перестанешь *быть собой*. Это будешь уже *не ты*, понимаешь? Запретные места... куда просто нельзя заходить... Думаю, сегодня со мной случилось именно это.

Я подумал, что понимаю, о чем он пытался сказать.

– Ты ее трахнул? – предположил я.

Он ударил меня кулаком в висок. Я испугался, что сейчас придется с ним драться – и проиграть, – но он опустил руку и отошел в сторону, издавая странные сдавленные звуки, как будто ему не хватало воздуха.

Я удивленно смотрел на него, пока до меня не дошло, что он плачет: его лицо побагровело, слезы и сопли размазались по щекам. Вик рыдал посреди улицы, рыдал откровенно и жалобно, как ребенок. Потом он пошел прочь, и я больше не видел его лица. Я не понимал, что могло произойти на втором этаже, что на него так подействовало, что его так напугало – и даже не пытался строить предположения.

Один за другим зажглись уличные фонари; Вик ковылял по дороге, я плелся следом за ним, и мои ноги безотчетно отбивали ритм поэмы, которую, как ни пытался, я так и не смог вспомнить.



## Жар-птица

Ребята в Эпикурейском клубе состояли тогда бедовые и небедные. И погулять не дураки. Было их пятеро.

Огастес ДваПера Маккой, человекгора – объемом с троих, евший за четверых, пивший за пятерых. Прадед его основал Эпикурейский клуб на деньги от страховой лотереи,<sup>[9]</sup> в которой он постарался выиграть – достаточно традиционным способом.

Профессор Мандалай, нервный коротышка, серый, как призрак (а может, действительно призрак: в мире случались и более странные вещи). Пил только воду и ел кукольные порции еды с тарелок размером с блюдечко. Да ладно! Гурман – не обязательно обжора, а Мандалай не пропускал ни одного блюда из присутствовавших на столе.

Вирджиния Бут, гастроном и ресторанный критик, некогда – писаная красавица, теперь превратившаяся в роскошную величественную развалину и наслаждавшаяся своей разваленностью.

Джеки Ньюхаус, потомок (непрямой) великого любовника, гурмана, скрипача и дуэлянта Джакомо Казановы. Как и его знаменитый родственник, Джеки Ньюхаус за свою долгую жизнь разбил немало сердец и отведал немало деликатесов.

И наконец, Зебедия Т. Кроукрастл, единственный эпикуреец-банкрот: он вваливался на собрания клуба с бутылкой дешевого пойла в бумажном пакете, небритый, без шляпы, и без пальто, и зачастую – не то чтобы даже в рубашке, а вообще непонятно в чем, но ел с аппетитом, которого с лихвой хватило бы на всех.

Слово взял Огастес ДваПера Маккой.

– Мы перепробовали уже все, что можно, – сказал Огастес ДваПера Маккой, и в его голосе сквозили печаль и горечь. – Отведали мясо стервятников, ели кротов и летучих лисиц.

Мандалай сверился со своим блокнотом.

– На вкус стервятник напоминает протухшего фазана. Крот – трупного червя. Летучая лисица по вкусу – точь-вточь как упитанная морская свинка.

– Пробовали попугая-какапо, ай-ай и гигантскую панду...

– Ммм, жареная отбивная из пандятины, – слотнула слюну Вирджиния Бут.

– Даже коечто из давно вымерших видов случалось у нас на столе, – продолжал Огастес ДваПера Маккой. – Мы ели быстрозамороженную

мамонтятину и мясо гигантского ленивца из Патагонии.

– Жаль, что мамонт был лежалый, – вздохнул Джеки Ньюхаус. – Но зато сразу понятно, почему эти волосатые слоны так скоро закончились – люди быстренько их распробовали. Я, конечно, ценитель изысканных блюд, но в тот раз с первого же куска мои мысли обратились к канзасскому шашлычному соусу, и будь эти ребрышки посвежее...

– Не вижу ничего страшного в том, что он полежал во льду пару тысяч лет, – заметил Зебедея Т. Кроукрастл. Он оскалился, обнажив кривые, но все же острые и крепкие зубы. – Но если всерьез говорить о вкусном, то правильный выбор – мастодонт, без вариантов. За мамонтов люди брались, когда не могли достать мастодонта.

– Мы ели кальмаров, гигантских кальмаров, необозримых кальмаров, – говорил Огастес ДваПера Маккой. – Мы ели леммингов и тасманских тигров. Мы ели шалашников, овсянок и павлинов. Мы ели рыбу-дельфина (которая не то же, что дельфинмлекопитающее), гигантскую морскую черепаху и суматранского носорога. Мы ели все, что можно съесть.

– Глупости. Есть еще много сотен блюд, которых мы не попробовали, – заявил профессор Мандалай. – Даже тысяч. Ну, вспомнить хотя бы, сколько тысяч видов жуков мы пока обходили вниманием.

– Ой, Мэнди, – вздохнула Вирджиния Бут. – Отведав одного жука, считай, что знаешь вкус всех. А мы и так перепробовали сотни видов.

И только навозники хоть чемто порадовали.

– Нет, – возразил Джеки Ньюхаус. – Там все дело – в навозных катышках. Сами жуки совершенно неудобоваримы. И все же я с тобой согласен. Мы покорили вершины гастрономии и промерили бездны дегустации. Мы стали, как космонавты, исследователи вселенных наслаждения и миров вкуса, которые другим и не снились.

– Так, так, так, – сказал Огастес ДваПера Маккой. – На протяжении уже полутора веков раз в месяц происходит заседание клуба, так было при моем отце, моем деде и моем прадеде. Но теперь, боюсь, нам придется прервать традицию, ибо не осталось ничего, что мы или наши предшественники не употребили бы в пищу.

– Жаль, что меня тут не было в двадцатые годы, – посетовала Вирджиния Бут, – когда в меню можно было включить человечину.

– Только после электрического стула, – напомнил Зебедея Т. Кроукрастл. – Продукт уже был наполовину зажарен, с хрустящей корочкой. Среди нас не нашлось ни одного любителя «длинной свиньи».<sup>[10]</sup> Хотя нет... был один, обладавший природной склонностью, но он долго не

задержался.

– Ой, Красти, зачем делать вид, будто ты сам при этом присутствовал? – зевнула Вирджиния Бут. – Ты еще не настолько стар. Тебе не дашь больше шестидесяти, даже учитывая беспокойное время и жизнь на улице.

– Да, времечко то еще выдалось, – согласился Зебедия Т. Кроукрастл. – Хорошее время на самом деле. Хотя и не настолько хорошее, как тебе представляется. Так или иначе, осталась куча всего, что мы еще не ели.

– Называй, – сказал Мандалай, нацелив острие карандаша на блокнот.

– Ну, есть такая сантаунская жарптица, – сказал Зебедия Т. Кроукрастл и обнажил в ухмылке кривые, но острые зубы.

– Никогда о такой не слышал, – заметил Джеки Ньюхаус. – Ты ее выдумал.

– А я вот слышал, – сказал профессор Мандалай. – Правда, в другом контексте. Кроме того, это мифическое существо.

– Единороги тоже мифические, – напомнила Вирджиния Бут, – но боже, запеченный бок единорога в тартаре был весьма недурен. Правда, слегка отдавал кониной и немного – козлятиной, однако каперсы и сырые перепелиные яйца сильно поправили дело.

– В старых записях Эпикурейского клуба вроде упоминалась жарптица, – пробормотал Огастес ДваПера Маккой. – Но что конкретно, я уже не помню.

– А там не говорилось, какой у нее вкус? – спросила Вирджиния.

– Кажется, нет, – нахмурился Огастес. – Надо будет покопаться в протоколах.

– Не надо, – сказал Зебедия Т. Кроукрастл. – Это было в обгоревших томах. Все равно ничего не разберешь.

Огастес ДваПера Маккой почесал голову. У него действительно имелись два пера, проходивших через узел тронутых сединой волос на затылке – некогда перья были золотыми, но теперь походили на пучки желтого мочала. Перья достались ему еще в детстве.

– Жуки, – встрепнулся профессор Мандалай. – Я както посчитал, что если человек – я сам, к примеру, – будет пробовать по шесть видов насекомых ежедневно, то на исследование всех известных науке жучков уйдет двадцать лет. За двадцать лет новых видов наоткрывают еще на пять лет дегустации. Эти пять лет добавят еще два с половиной года занятости, и так далее, и так далее. Это парадокс неисчерпаемости: я назвал его «Жуком Мандалая». Но при этом необходимо, чтобы человеку нравилось есть жуков, – добавил он, помолчав. – Иначе процесс будет не самым

приятным.

– Ничего страшного в том, чтобы есть жуков, если это правильные жуки, – ответил Зебедия Т. Кроукрастл. – Я вот в последнее время запал на огневок. Видимо, в них есть какие-то витамины, которых мне не хватает.

– К жукам скорее относятся светляки, нежели огневки, – заметил Мандалай, – но и тех и других при всем желании не отнесешь к съедобным.

– Они, может быть, и не слишком съедобны, – возразил Кроукрастл, – зато они хороши как закуска, которая готовит тебя к настоящей еде. Пойду пожарю себе огневок с гаванским перчиком... мням.

Вирджиния Бут была исключительно практичной женщиной.

– Допустим, мы захотим попробовать эту сантаунскую жарптицу. Где она водится?

Зебедия Т. Кроукрастл поскреб недельную щетину, оккупировавшую его подбородок (длиннее она не становилась: у недельной щетины нет такого обыкновения).

– Что до меня, – сказал он, – то я направился бы в Сантаун, непременно – в летний полдень, нашел бы уютное местечко, к примеру кофейню Мустафы Строхайма, и ждал бы жар птицу. Потом я поймал бы ее, как полагается, и приготовил бы как положено.

– А как полагается ее ловить? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Так же, как твой знаменитый предок ловил перепелов и куропаток, – ответил Кроукрастл.

– В мемуарах Казановы вообще не говорится о ловле перепелов, – удивился Джеки Ньюхаус.

– Твой предок был занятым человеком, – объяснил Кроукрастл. – Не мог же он записывать все подряд. Но перепелов Казанова браконьерил неплохо.

– Кукурузные зерна и сушеная черника, пропитанная виски, – сказал Огастес ДваПера Маккой. – Мой папаша всегда делал так.

– И Казанова тоже, – кивнул Кроукрастл. – Только мешал ячмень с изюмом, вымоченным в коньяке. Он сам меня научил.

Джеки Ньюхаус проигнорировал последнюю фразу. Собственно, так и следовало поступать практически со всем, что говорил Зебедия Т. Кроукрастл, а именно пропускать мимо ушей. Но Джеки Ньюхаус все же спросил:

– А где кофейня Мустафы Строхайма в Сантауне?

– Там же, где и всегда: третья улочка от старого рынка в квартале Сантаун, не доходя до старой сточной канавы, которая некогда была рынком, но если выйдешь к ковровой лавке Одноглазого Хайяма, значит, ты

пропустил нужный поворот, – начал Кроукрастл и вдруг нахмурился. – Судя по вашим не слишком довольным лицам, вы не ожидали такого подробного и конкретного описания. Я понял. Кофейня – в Сантауне, Сантаун – в Каире, Каир – в Египте, и был там всегда. Ну или почти всегда.

– А кто оплатит поездку в Египет? – спросил Огастес ДваПера Маккой. – И кто туда поедет? Хотя стоп, я уже знаю ответ, и он мне очень не нравится.

– Ты и оплатишь, Огастес, а поедем мы все, – все же озвучил малоприятный ответ Зебедея Т. Кроукрастл. – Все это прописано в списке прав и обязанностей членов Эпикурейского клуба. Я, со своей стороны, захвачу фартук и кухонную утварь.

Огастес знал, что Кроукрастл не платил членские взносы с незапамятных времен, но Эпикурейский клуб покрывал недостачу: Кроукрастл состоял в клубе еще во времена Огастесова отца. Он просто сказал:

– Когда выезжаем?

– Отправляемся в воскресенье, – объявил с важным видом Зебедея Т. Кроукрастл. – Через три воскресенья от этого. Поедем в Египет. Проведем там несколько дней, поймем сантаунскую жарптицу и поступим с ней, как полагается.

Бесцветные глаза профессора Мандалая тускло моргнули:

– Но, – начал он, – в понедельник у меня занятия. По понедельникам я веду мифологию, по вторникам даю уроки чечетки, а по средам обучаю деревообработке.

– Пусть твои классы возьмет помощник, Мандалай. Ах, Мандалай! В понедельник ты будешь охотиться на жарптицу, – отозвался Зебедея Т. Кроукрастл. – Сколько профессоров в мире могут сказать о себе такое?

В следующие три недели все члены клуба, один за другим, навестили Кроукрастла, чтобы обсудить предстоящее путешествие и поделиться дурными предчувствиями.

Зебедея Т. Кроукрастл не имел постоянного места жительства. При этом существовал ограниченный перечень мест, где его можно было найти. Рано утром он спал на автовокзале – там были удобные скамьи, и транспортная полиция смотрела на его ночевки сквозь пальцы; в полуденную жару он прохлаждался в парке, среди статуй давно забытых генералов, в компании алкашей и пьянчуг, где взамен содержимого их бутылок предлагал свои откровения эпикурейца, каковые всегда выслушивались уважительно, иногда – еще и с неподдельным восторгом.

Огастес ДваПера Маккой разыскал Кроукрастла в парке; он пришел туда с дочерью, Холлиберри БезПера Маккой. Она была маленькой девочкой, но ум имела острый, как зубы акулы.

– Знаешь, – сказал Огастес ДваПера Маккой, – все это кажется мне знакомым.

– Что – это? – не понял Зебедия.

– Все. Путешествие в Египет. Жар-птица. Как будто я слышал об этом раньше.

Кроукрастл почти кивнул. Он жевал что-то хрустящее из бумажного пакетика.

Огастес продолжал:

– Я просмотрел подшивку журналов Эпикурейского клуба и нашел, что искал. Сорок лет назад жарптица упоминалась в одном оглавлении, но кроме этого узнать ничего не удалось.

– Почему? – шумно сглотнув, поинтересовался Зебедия Т. Кроукрастл. Огастес ДваПера Маккой вздохнул.

– Я нашел в записях нужную страницу, – сказал он, – но оказалось, что она выжжена, а потом в клубе началась полная неразбериха.

– А вы едите светлячков из пакета, – сказала Холлиберри БезПера Маккой. – Я заметила.

– Совершенно верно, мисс, – кивнул Зебедия Т. Кроукрастл.

– А ты помнишь ту смуту, Кроукрастл? – спросил Огастес.

– Разумеется. – Кроукрастл важно кивнул. – И тебя тоже помню. Тогда тебе было столько же, сколько юной Холлиберри – сейчас. Что же до смуты, то вот она есть, а вот ее уже нет. Это как закат и рассвет.

В тот же день, но уже ближе к вечеру, Джеки Ньюхаус и профессор Мандалай нашли Кроукрастла за железнодорожной насыпью. Он соорудил небольшую угольную жаровню и жарил что-то в консервной банке.

– Что готовишь, Кроукрастл? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Древесный уголь, – сказал Кроукрастл. – Очищает кровь, возвышает дух.

На дне банки дымились почерневшие кусочки липового и орехового дерева.

– И что, ты будешь это есть, Кроукрастл? – спросил профессор Мандалай.

Вместо ответа Кроукрастл лизнул языком пальцы и выудил из банки шипящий уголек.

– Хороший фокус, – признал профессор Мандалай. – У огнеглотателей научился?

Кроукрастл закинул уголек в рот и разжевал его старыми кривыми зубами.

– У них, – сказал он. – У них.

Джеки Ньюхаус откашлялся.

– Я хотел бы признаться, – пробормотал он, – что у нас с профессором Мандалаем возникли не очень хорошие предчувствия по поводу предстоящего путешествия.

Кроукрастл дожевал уголь.

– Немного не то, – сказал он. Вынув из костра ветку, он откусил ее огненнооранжевый кончик. – А вот то, что надо.

– Это иллюзия, – сказал Джеки Ньюхаус.

– Ничего подобного, – возразил Зебедея Т. Кроукрастл. – Это колючий вяз.

– У меня дурное предчувствие, – продолжал Джеки Ньюхаус. – Мне от предков достался сильный инстинкт самосохранения. Тот самый, что заставлял их трястись на крыше или прятаться под водой – от служителей закона и благородных господ, у которых имелось оружие и причины для недовольства. И этот инстинкт очень настойчиво мне подсказывает, что мне лучше не ехать в Сантаун.

– Я преподаватель, – сказал профессор Мандалай, – а посему не имею столь развитых чувств, каковые присущи людям, коим не приходилось проставлять оценки в контрольных, даже их не читая. И все же я нахожу нашу затею чрезвычайно подозрительной. Если жарптица такая вкусная, почему я о ней раньше не слышал?

– Да слышал, Мэнди, старина. Слышал, – буркнул Зебедея Т. Кроукрастл.

– К тому же я великолепно разбираюсь в географической науке, от Талсы, штат Оклахома, до Тимбукту, – продолжил профессор. – Но ни в одной книге я не встречал упоминания о месте под названием Сантаун в Каире.

– Упоминания? Ты же сам это преподавал, – отозвался Кроукрастл, поливая дымящийся кусок угля острым перечным соусом и отправляя его в рот.

– Я не верю, что ты действительно их ешь, – произнес Джеки Ньюхаус. – Но даже если это какойто фокус, я все равно себя чувствую неудобно. Видимо, мне пора.

И он ушел. Профессор Мандалай ушел вместе с ним: человек этот был таким серым и призрачным, что его присутствие гделибо всегда находилось под большим вопросом.

В предрассветный час Вирджиния Бут споткнулась о Зебедию Т. Кроукрастла, валявшегося у нее на пороге. Она возвращалась из ресторана, о котором надо было написать отзыв. Вышла из такси, споткнулась о Кроукрастла и упала, приземлившись недалеко от препятствия.

– Ух ты, – сказала она. – Ничего себе полет, а?

– Именно так, Вирджиния, – согласился Зебеция Т. Кроукрастл. – У тебя не найдется спичек?

– Спичек? Да, где-то были. – Она принялась рыться в сумочке, очень большой и очень коричневой. – Вот, нашла.

Зебеция Т. Кроукрастл извлек бутылочку сиреневого метанола и перелил его в пластиковую чашку.

– Метиловый? – удивилась Вирджиния Бут. – Зебби, никогда не думала о тебе, как о любителе метилового спирта.

– А я и не... – сказал Кроукрастл. – Паршивая штука. Гноит кишки и убивает вкусовые сосочки. Но в это время суток проблематично найти другую горючую жидкость.

Он зажег спичку и поднес ее к поверхности жидкости, по которой тут же побежало дерганое пламя. Потом съел спичку, сполоснул горло горящим спиртом и изрыгнул сноп пламени, да так, что загорелась газета, случайно попавшая в сектор обстрела.

– Красти, – сказала Вирджиния Бут, – так и убиться недолго.

Зебеция Т. Кроукрастл ухмыльнулся.

– Я ведь не пью его, – сказал он. – Только булькаю и выплевываю.

– Играешь с огнем.

– Только так я понимаю, что еще жив, – сказал Зебеция Т. Кроукрастл.

– О, Зеб! Я волнуюсь. Я так волнуюсь. Как думаешь, какой вкус у жарптицы?

– Богаче перепела, сочнее индейки, жирнее устрицы и тоньше утки, – сказал Зебеция Т. Кроукрастл. – Попробовав раз, его не забудешь.

– Мы едем в Египет, – сказала она. – Я никогда не была в Египте. – И вдруг добавила невпопад: – А где ты будешь спать?

Он закашлялся, и кашель сотряс все его ветхое тело.

– Староват я стал для ночевки в подъездах и по канавам, – сказал он. – Но и у меня есть своя гордость.

– Что ж, – сказала она, – можешь спать у меня на диване.

– Не то чтобы я не был тебе благодарен за предложение, – ответил он. – Но на вокзале у меня есть собственная скамья.

Он оттолкнулся от стены и величественно уковылял прочь.

На автовокзале у него действительно была личная, именная скамья. Он



пожертвовал ее вокзалу давным-давно, когда был на коне, и на небольшой латунной табличке, прикрепленной к спинке, было выгравировано его имя. Зебедея Т. Кроукрастл не всегда был беден. Иногда деньги ему приваливали, но потом всякий раз возникали трудности с их удержанием. Став богатым, он замечал, что общество не слишком благосклонно смотрит на состоятельных людей, которые обедают в бомжиных джунглях у железной дороги и якшаются с алкашами в парке, потому он старался избавиться от богатства как можно быстрее. Разумеется, то тут, то там оставались какие-то крохи, о которых он забывал напрочь, но когданибудь, когда он забудет, что быть богатым – это неудобно, он вновь отправится на поиски удачи и непременно ее найдет.

Он не брился уже неделю, и в щетине стала проглядывать белоснежная седина.

И вот подошло воскресенье, когда эпикурейцы отправились в Египет. Их было пятеро, и Холлиберри БезПера Маккой махала им ручкой с балкона аэропорта. Аэропорт был маленький, там еще можно было помахать рукой на прощание.

– Пока, папа! – крикнула Холлиберри БезПера Маккой. Огастес ДваПера Маккой помахал ей в ответ и пошел по асфальту к маленькому винтовому самолету, с которого начиналось их путешествие.

– У меня такое чувство, – сказал Огастес ДваПера Маккой, – словно я помню, хотя и смутно, очень похожий день. В этом воспоминании я совсем маленький, и тоже машу рукой. Наверное, тогда я видел отца в последний раз, и сейчас меня вновь охватило то самое ощущение приближающегося конца. – В последний раз он посмотрел через все поле на маленькую дочь, и она вновь помахала ему.

– Тогда ты махал не менее энергично, – согласился Зебедея Т. Кроукрастл, – но у нее, кажется, получается чуточку лучше.

Он был прав. Так и было.

Сначала был маленький самолет, потом – большой, снова – маленький, дирижабль, гондола, поезд, монгольфьер и арендованный джип.

Их джип тарыхтел на весь Каир. Они проехали старый рынок и свернули на третью по счету улочку (если бы поехали дальше, уперлись бы в сточную канаву, некогда бывшую арыком). Мустафа Строхайм собственной персоной сидел перед домом в древнем плетеном кресле. Столы и столики его кофейни тоже стояли на улице, которая и так не была особенно широкой.

– Добро пожаловать, друзья, в мою кахву, – сказал Мустафа

Строхайм. – *Кахва* – это кафе, кофейня по-египетски. Хотите чаю? Или сыграть в домино?

– Хотим, чтобы нам показали наши комнаты, – сказал Джеки Ньюхаус.

– Я не хочу, – заявил Зебедея Т. Кроукрастл. – Буду спать на улице. Тут тепло, и крыльцо вроде удобное.

– Мне кофе, если можно, – попросил Огастес ДваПера Маккой.

– Сию минуту.

– Вода у вас есть? – поинтересовался профессор Мандалай.

– Чей это голос? – удивился Мустафа Строхайм. – А, это ты, маленький серый человечек. Я поначалу подумал, что ты – чья-то тень.

– Мне, пожалуйста, *шай соккар боста*, – сказала Вирджиния Бут, имея в виду стакан горячего чая с кусочком сахара на блюде. – И я бы сыграла в нарды. В Каире вряд ли найдется человек, который обыграет меня, если только я вспомню правила.

Огастесу ДваПера Маккой показали его комнату. Профессору Мандалаю показали его комнату. Джеки Ньюхаусу показали его комнату. Времени это заняло немного; в конце концов, комната была одна на троих. Вирджинии досталась другая комната, в глубине дома, а в третьей жил Мустафа со своей семьей.

– Что ты там пишешь? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Все, что относится к Эпикурейскому клубу, – ответил профессор Мандалай. Маленькой черной ручкой он делал записи в большой книге в кожаном переплете. – Я задокументировал наше путешествие и все, что мы ели по дороге. Когда мы будем есть жарптицу, я запишу все впечатления: все оттенки вкуса и консистенции, все запахи и соки.

– Кроукрастл рассказал, как он будет готовить жарптицу? – спросил Джеки Ньюхаус.

– Да, – отозвался Огастес ДваПера Маккой. – Сказал, что выльет пиво из банки, чтобы там осталась ровно треть. Потом набьет банку пряностями и травами. Птицу он водрузит на банку, вроде как нафарширует ее, и поставит на угли. Говорит, так положено. Традиция.

– А не слишком ли новомодно? – шмыгнул носом Джеки Ньюхаус.

– Кроукрастл утверждает, что это и есть традиционный способ приготовления жарптицы, – повторил Огастес.

– Именно так, утверждаю, – подтвердил Кроукрастл, поднимаясь по ступеням. Дом-то был небольшой, и стены не слишком толстые. – Пиво впервые появилось в Египте, и вот уже больше пяти тысяч лет приготовление жарптицы не обходится без него.

– Да, но пивную банку изобрели относительно недавно, – возразил профессор Мандалай, когда Зебедия Т. Кроукрастл вошел в комнату. Кроукрастл держал в руках чашку турецкого кофе, черного как смоль и бурлившего, как расплавленный битум.

– Кофе не слишком горячий? – спросил Огастес ДваПера Маккой.

Кроукрастл пригубил кофе, отпив примерно половину.

– Неа, – сказал он. – Не слишком. А пивная банка на самом деле не так и нова. Раньше мы делали их из медной амальгамы и олова, иногда добавляли капельку серебра, иногда обходились без него. Зависело от кузнеца и еще от того, что было под рукой. Главное, чтобы температуру держала. Я смотрю, вы мне не оченьто верите. Джентльмены, поймите: нет никаких сомнений, что древние египтяне умели делать пивные банки – иначе в чем бы они держали пиво?

С улицы доносился многоголосый гвалт. Вирджиния Бут уговорила местных сыграть в нарды на деньги, и теперь раздевала их до нитки. В нардах она была настоящей акулой.

За кофейней Мустафы Строхайма располагался небольшой двор с полуразвалившейся жаровней, состоявшей из кирпичного очага, прогоревшей металлической решетки и старого деревянного столика. Весь следующий день Кроукрастл провел за ремонтом и чисткой жаровни. Он также смазал решетку маслом.

– Судя по ее виду, огня там не разводили лет сорок, – сказала Вирджиния Бут. С ней уже никто не хотел играть, но зато коричневая сумочка раздулась от замусоленных пиастров.

– Да, где-то так, – согласился Кроукрастл. – Может, чуть дольше. Джинни, мне понадобится твоя помощь. Я составил список того, что нужно будет купить на базаре. В основном всякие травы, пряности и особое дерево для дров. В качестве переводчиков можешь взять кого-нибудь из детей Мустафы.

– С удовольствием, Красти.

Три остальных члена Эпикурейского клуба убивали время каждый по-своему. Джеки Ньюхаус налаживал контакты с местными жителями, которых очаровывали его элегантный костюм и мастерская игра на скрипке. Огастес ДваПера Маккой устраивал себе долгие пешие прогулки. Профессор Мандалай коротал время, переводя иероглифы, выдавленные на кирпичах очага. Он объявил, что менее разумный исследователь решил бы, что задний двор Мустафы Строхайма является святилищем Солнца.

– Но я как человек искушенный, – сказал он, – сразу заметил, что

когда-то, давным-давно, эти кирпичи были частью храма, и теперь, тысячелетия спустя, им просто нашли новое применение. Сомневаюсь, что эти люди сознавали ценность того, что попало им в руки.

– О, они все прекрасно сознавали, – сказал Зебедея Т. Кроукрастл. – И кирпичи не были частью какого-то храма. Они здесь уже тысячи лет, с тех пор как мы сложили очаг. До этого все делалось на камнях.

Вирджиния Бут вернулась с базара с полной корзиной.

– Вот, – сказала она. – Красное сандаловое дерево и пачули, ванильные бобы, веточки лаванды, шалфей, листья корицы, цельные мускатные орехи, чеснок, гвоздика и розмарин: все, что нужно, и даже больше.

Зебедея Т. Кроукрастл довольно улыбнулся.

– Жар-птица будет просто счастлива, – сказал он ей.

До самого вечера он готовил соус для жаркого. Сказал, что это дань уважения, кроме того, мясо жарптицы часто бывает суховатым.

Эпикурейцы встретили закат в ивовых креслах на улице. Мустафа Строхайм и члены его семьи приносили им чай, кофе и горячий мятный настой. Зебедея Т. Кроукрастл предупредил эпикурейцев, что в воскресенье на обед будет сантаунская жарптица, так что лучше им на ночь не наедаться, чтобы не потерять аппетит.

– У меня предчувствие надвигающейся беды, – сказал Огастес ДваПера Маккой, укладываясь на кровать, слишком маленькую для его габаритов. – И боюсь, ее подадут нам под соусом для жаркого.

На следующее утро все проснулись голодные. Зебедея Т. Кроукрастл надел забавный передник с ядовито-зеленой надписью ПОЦЕЛУЙ ПОВАРА. Он уже разбросал зерно и вымоченный в коньяке изюм под низкорослым авокадо за домом и теперь раскладывал на подушке из древесного угля ароматные щепки, сушеные травы и пряности. Мустафа Строхайм уехал с семьей к какимто родственникам на другой конец Каира.

– Спички есть у кого? – спросил Кроукрастл.

Джеки Ньюхаус вытащил зажигалку, отдал ее Кроукрастлу, который поджег сухие лавровые и коричные листья и присыпал их древесным углем. В полуденном воздухе заструился еле заметный дымок.

– Сандаловое дерево и корица приманят жарптицу, – сказал Кроукрастл.

– Приманят откуда? – спросил Огастес ДваПера Маккой.

– С Солнца, – ответил Кроукрастл. – Она там спит.

Раздался осторожный кашель профессора Мандалая.

– Земля в перигелии отстоит от Солнца приблизительно на 150

миллионов километров. Рекордная зафиксированная скорость птицы, у пикирующего сапсана, немногим превысила 400 километров в час. При такой скорости лететь к нам от Солнца Жар-птица будет почти тридцать девять лет. Если, конечно, ей нипочем темный холод космического вакуума.

– Конечно, – согласился Зебедея Т. Кроукрастл. Он прикрыл рукой глаза и взглянул вверх. – А вот и она.

Казалось, что птица летит прямо из Солнца. Разумеется, это была лишь иллюзия. В конце концов, вы же не станете в полдень таращиться прямо на солнце.

Сначала появился лишь силуэт, черный силуэт на фоне солнца и голубого неба, потом солнце тронуло его перья, и у людей на земле перехватило дыхание. Ничто не сравнится с блестящим на солнце оперением жарптицы.

Жар-птица взмахнула крыльями и стала описывать постепенно сужающиеся круги над кофейней Мустафы Строхайма.

И приземлилась прямо на авокадо. Ее перья были золотыми, они были серебряными, они были пурпурными. Сама птица была не крупнее упитанного петуха или небольшой индейки, с длинными ногами и шеей цапли, а ее голова напоминала орлиную.

– Она прекрасна, – прошептала Вирджиния Бут. – Посмотрите, какой у нее хохолок из двух перьев. Такой симпатичный.

– Весьма, – согласился профессор Мандалай.

– Что-то мне эти перья напоминают, – пробормотал ДваПера Маккой.

– Мы оциплем хохолок перед жаркой, – сказал Зебедея Т. Кроукрастл. – Так положено.

Жар-птица сидела на освещенной солнцем ветке авокадо. Она словно сияла изнутри, отражая солнце, как если бы ее перья были сплетены из света, переливавшегося пурпуром, зеленью и золотом. Потом это небесное создание принялось прихорашиваться, подставив солнцу расправленное крыло. Оно ворошило и поправляло перья, пока не пригладило все до единого. Затем наступила очередь второго крыла. Завершив процесс, птица удовлетворенно чирикнула и слетела на землю. Близоруко осматриваясь, она потрусилась по высохшей грязи.

– Смотрите! – воскликнул Джеки Ньюхаус. – Она нашла зерна.

– Как будто знала, где искать, – сказал Огастес ДваПера Маккой.

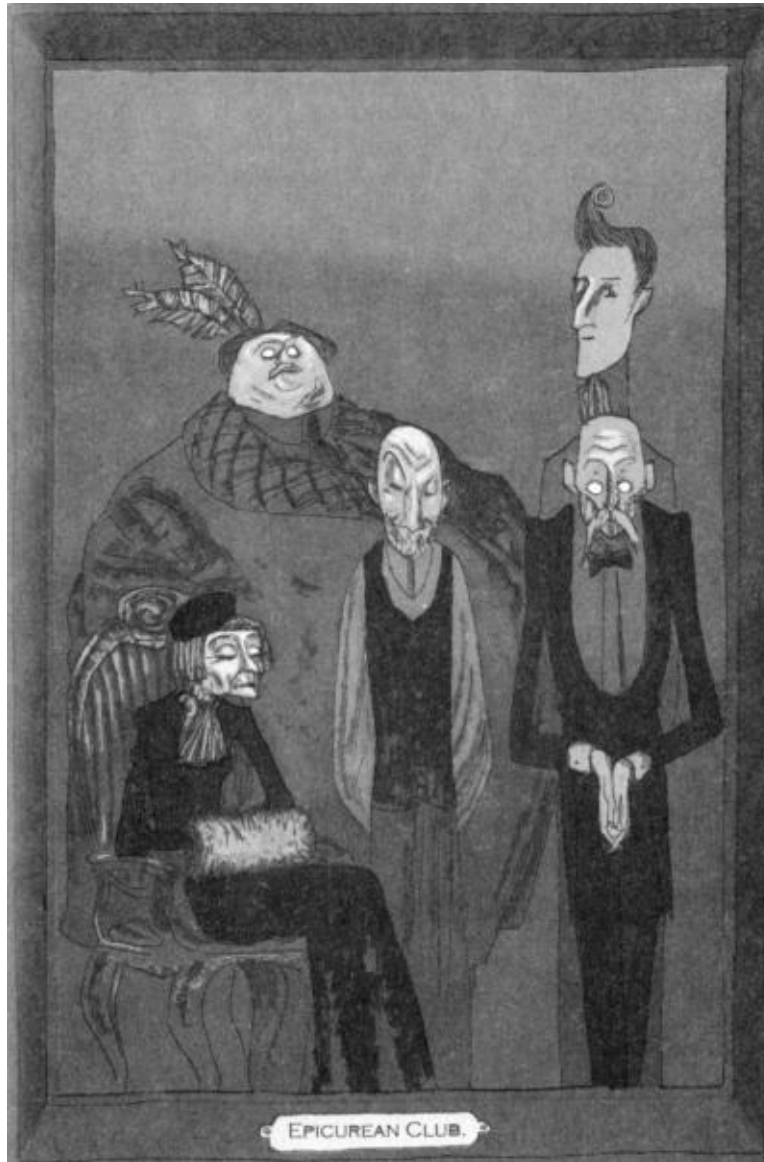
– Я всегда сыплю зерна в том месте, – улыбнулся Зебедея Т. Кроукрастл.

– Какая красивая, – повторила Вирджиния Бут. – Но даже отсюда заметно, что она намного старше, чем я себе представляла. Глаза мутные,

ноги заплетаются. Но все же какая красивая!

– Птица Бенну – красивейшая из всех птиц, – сказал Зебедея Т. Кроукрастл.

Вирджиния Бут вполне могла объясниться с египетским официантом, но на этом ее языковые познания заканчивались.



– Что за птица Бенну? – спросила она. – Это жарптица по-египетски?

– Птица Бенну, – ответил профессор Мандалай, – ночует на ветках персеи. На голове у нее два пера. Иногда ее изображают, как цаплю, иногда в виде орла. Но это все – только легенды.

– Смотрите, она склевала зерно и изюм! – воскликнул Джеки Ньюхаус. – Теперь ее явно шатает. Но какое величие, даже в опьянении!

Зебедея Т. Кроукрастл подошел к жарптице, с немалыми усилиями

ковылявшей взад-вперед по пыли под авокадо. Он встал прямо перед жарптицей и вдруг очень медленно поклонился ей. Поклонился по-стариковски, нутужно и скрипуче, но всетаки именно поклонился. И жарптица поклонилась в ответ, а потом повалилась в пыль. Зебедея Т. Кроукрастл почтительно поднял ее на руки и понес обратно во дворик за кафе Мустафы Строхайма. Остальные последовали за ним.

В первую очередь Зебедея выдернул и отложил в сторону два великолепных золотых пера из хохолка. Потом, не ощипывая птицу, он выпотрошил ее и положил на угли.

– Жар-птица жарится быстро, – предупредил Кроукрастл. – Готовьте тарелки.

Древние египтяне приправляли пиво кардамоном и кориандром, поскольку не знали хмеля. Пиво у них выходило вкусное, душистое и хорошо утоляло жажду. После такого пива можно было и целую пирамиду построить, что иногда и случалось. Пиво в банке внутри жарптицы кипело и распаривало ее изнутри. Когда жар от углей достиг перьев птицы, они сгорели, будто магниевая фольга, с такой яркой вспышкой, что эпикурейцам пришлось зажмуриться.

Воздух пропитался запахом жареной дичи, сочнее утки, тоньше фазана. У изголодавшихся эпикурейцев потекли слюнки. Казалось, времени прошло всего ничего, и вот Зебедея уже снимает жарптицу с раскаленного ложа и ставит на стол. Потом он разрезал ее на куски и разложил дымящееся мясо по тарелкам. Каждый кусочек он полил соусом. Кости отправились прямиком в огонь.

Все члены Эпикурейского клуба расселись на заднем дворе кофейни Мустафы Строхайма, вокруг древнего деревянного стола. Они ели руками.

– Зебби, это восхитительно! – воскликнула Вирджиния Бут с набитым ртом. – Так и тает во рту. Вкус просто неземной.

– Это вкус Солнца, – сказал Огастес ДваПера Маккой, поглощая мясо с рвением, на которое способен только по-настоящему большой человек. В одной руке у него была ножка, в другой – кусок грудки. – В жизни не пробовал ничего вкуснее, и я не жалею, что проделал такой долгий путь, чтобы попробовать это чудо. Но я все же буду скучать по дочери...

– Волшебно, – добавил Джеки Ньюхаус. – Это вкус любви и прекрасной музыки. Это вкус истины.

Профессор Мандалай записывал все. Он описывал свои ощущения, записывал впечатления других членов клуба, стараясь при этом не замарать страницы, поскольку в свободной руке у него было зажато крылышко, которое он объедал с величайшим тщанием.

– Странно, – сказал Джеки Ньюхаус, – по мере насыщения у меня во рту и в желудке становится все горячее.

– Да. Так и должно быть. К этому лучше готовиться заранее, – откликнулся Зебедея Т. Кроукрастл. – Есть огневок и раскаленные угли. Иначе на организм выйдет тройная нагрузка.

Зебедея Т. Кроукрастл трудился над головой птицы, разгрызая кости и клюв. Они молниями вспыхивали у него во рту, но Зебедея лишь ухмылялся и продолжал жевать.

Кости жарптицы, брошенные в очаг, сначала занялись оранжевым, а потом вспыхнули ослепительно белым пламенем. На двор кофейни Мустафы Строхайма опустился густой жар, все вокруг мерцало, как если бы сидящие за столом смотрели на мир сквозь воду или марево сна.

– Какая прелесть! – чавкала Вирджиния Бут. – В жизни не ела ничего вкуснее. Это вкус моей юности. Вкус вечности. – Она облизнула пальцы и взяла с тарелки последний кусок жаркого. – Сантаунская жарптица, – сказала она. – А она еще какнибудь называется?

– Феникс из Гелиополиса, – ответил Зебедея Т. Кроукрастл. – Птица, гибнущая в пламени и возрождающаяся из пепла, поколение за поколением. Птица Бенну, носившаяся над водами, когда еще не было света. Когда приходит время, она сгорает в огне из редких пород дерева, пряностей и ароматных трав и воскресает из пепла, раз за разом, к вечной жизни.

– Горячо! – воскликнул профессор Мандалай. – У меня внутри все горит! – Он хлебнул воды, но легче, видимо, не стало.

– Мои пальцы, – произнесла Вирджиния Бут. – Взгляните на мои пальцы. – Она протянула руку над столом. Пальцы светились изнутри, словно подсвеченные огнем.

Воздух стал таким горячим, что в нем можно было запечь яйцо.

Внезапно с шипением посыпались искры – это два желтых пера в волосах Огастеса ДваПера Маккоя стали стоймя, как струи фейерверков.

– Кроукрастл, – сказал охваченный пламенем Джеки Ньюхаус. – Признайся, как долго ты ешь Феникса?

– Больше десяти тысяч лет, – сказал Зебедея. – Тысячей больше, тысячей меньше. Это не трудно, если наловчиться; наловчиться – вот в чем загвоздка. Но этот Феникс – лучший из всех, что я готовил. Или правильнее сказать, что сегодня я удачнее всего приготовил этого Феникса?

– Годы! – воскликнула Вирджиния Бут. – Они из тебя выгорают!

– Все верно, – признал Зебедея. – Но прежде чем приступить к трапезе, надо привыкнуть к жару. Иначе запросто можно сгореть.



– Почему я этого не помнил? – спросил Огастес ДваПера Маккой сквозь окружающие его языки пламени. – Почему я не помнил, как уезжал мой отец и его отец до того, как они все уезжали в Гелиополис есть Феникса? Почему я вспомнил об этом только сейчас?

– Потому что сейчас и твои годы тоже сгорают, – сказал профессор Мандалай. Он захлопнул книгу в кожаном переплете, потому что страница, на которой он писал, вспыхнула. Обрез книги обуглился, но все остальное не пострадало. – Когда годы сгорают, возвращается похороненная в них память. – Профессор выглядел намного плотнее, живее, и он улыбался. Раньше никому из членов Эпикурейского клуба не доводилось видеть улыбки профессора Мандалая.

– Мы сгорим без остатка? – спросила раскаленная Вирджиния. – Или выгорим обратно в детство, обратно в духов и ангелов, и начнем все сначала? Хотя это не важно. О, Красти, как это прекрасно!

– Наверное, – произнес Джеки Ньюхаус изза стены огня, – в соус стоило бы добавить чуть больше уксуса. Такое мясо, думаю, заслуживало чего-то покрепче. – И он исчез, словно растаял в пламени.

– Chacun б son goйт, – заметил Зебедия Т. Кроукрастл, что в переводе означает «на вкус и цвет...», облизнул палец и покачал головой. – Лучше не бывает, – сказал он с невероятным удовлетворением.

– Прощай, Красти, – прошептала Вирджиния. Она протянула руку сквозь пламя и на пару мгновений крепко сжала его смуглую ладонь.

В следующий миг на заднем дворе кофейни Мустафы Строхайма в Гелиополисе (который некогда был городом Солнца, а теперь превратился в пригород Каира) не осталось ничего, кроме белого пепла, разносимого мягким ветерком – пепла, похожего на снег или сахарную пудру; не осталось ничего и никого, кроме молодого парня с черными как смоль волосами и ровными белыми зубами, в фартуке с надписью ПОЦЕЛУЙ ПОВАРА.

Изпод толстого слоя пепла, засыпавшего кирпичный алтарь, показалась маленькая пурпурнозолотая птичка. Она пискнула и уставилась прямо на Солнце, как дитя смотрит на своего родителя. Расправив тонкие крылышки, она взмыла вверх, к Солнцу, и никто не следил за ее полетом, кроме юноши во дворе.

У ног парня, под пеплом, который недавно был деревянным столом, лежали два длинных золотых пера. Он поднял перья, стряхнул с них пепел и аккуратно уложил в карман куртки. Потом снял передник и ушел своей дорогой.

Холлиберри ДваПера Маккой – взрослая женщина, мать семейства. Ее некогда черные волосы теперь отливают серебром, а из узла на затылке торчат два золотых пера. Сразу бросается в глаза, что когда-то эти перья выглядели очень эффектно, но с тех пор минуло много лет. Холлиберри является президентом Эпикурейского клуба – богатой и беспокойной компашки. Давнымдавно она унаследовала эту должность от отца. Я слышал, что эпикурейцы вновь начинают роптать: говорят, что уже перепробовали все на свете.

(Для ХМГ – запоздалый подарок на день рождения.)

## Надгробие для ведьмы

Все знали, что на краю кладбища, за оградой была похоронена ведьма. Сколько Бод себя помнил, миссис Оуэнс всегда просила его держаться подальше от этого места.

– Почему? – спрашивал он.

– Это смертельно опасно для любого живого существа, – отвечала миссис Оуэнс. – Там проходит граница между нашим миром и потусторонним. Ты можешь накликать себе смерть.

Мистер Оуэнс был более уклончив и менее экспрессивен.

– Это нехорошее место, и все, – говорил он.

Кладбище заканчивалось у подножия холма, недалеко от старой яблони. Его окружала бурая от ржавчины изгородь, украшенная такими же ржавыми пиками. Прямо за изгородью простирался пустырь, заросший крапивой и ежевикой и заваленный мусором. Бод, который, в общем-то, был хорошим и послушным мальчиком, никогда не перелезал через забор, но часто приходил сюда и смотрел через решетку. Он понимал, от него что-то скрывают, и это его раздражало.

Бод поднялся на холм к заброшенной церкви посреди кладбища и стал ждать вечера. Как только закатное небо окрасилось в серо-багряные оттенки, наверху, у самого шпиля, послышался звук, похожий на шуршание бархата. Сайлас покинул место своего последнего пристанища и вниз головой соскользнул по стене колокольни.

– А что там, в дальнем конце кладбища, за могилой пекаря Харрисона Вествуда и его жен, Марион и Джоан?

– Почему ты спрашиваешь? – проговорил наставник, пальцами цвета слоновой кости отряхивая пыль с черного костюма.

Бод пожал плечами.

– Просто так.

– Там неосвященная земля, – сказал Сайлас. – Знаешь, что это такое?

– Нет, – ответил Бод.

Сайлас прошел по проходу, и ни один листик под его ногами не шелохнулся. Он сел на каменную скамью рядом с Бодом.

– Некоторые, – начал он шелковым голосом, – считают, что все земли освящены. Они были освященными еще до того, как мы на них пришли, и останутся таковыми и после нас. Но здесь, на твоей родине, благословляют церкви и кладбища, чтобы сделать их святыми. А рядом с каждым

кладбищем обязательно оставляют неосвященный участок, чтобы хоронить там преступников, самоубийц и тех, в ком не было веры в Бога.

– Значит, те, кто похоронен по ту сторону изгороди, были плохими?

Сайлас изогнул одну из своих безупречно очерченных бровей.

– М-м? Вовсе нет. Вообще-то я давненько там не бывал, но, по-моему, никаких особенных злодеев там никогда не было. В давние времена могли повесить только за то, что человек стащил у кого-то шиллинг. К тому же всегда есть люди, для которых жизнь становится настолько непереносимой, что они решают ускорить свой переход в иной мир.

– Они кончают жизнь самоубийством? – спросил Бод. Ему было всего восемь лет, он был очень любопытен, но совсем неглуп.

– Совершенно верно.

– И что? У них получается? Они становятся от этого счастливее?

Сайлас улыбнулся так широко, что стали видны его клыки.

– Иногда. Но в большинстве случаев нет. Это как у тех, кто думал, что станет счастливее, если переедет в другое место. Куда бы ты ни уехал, от себя никуда не денешься. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Кажется, да.

Сайлас потрепал мальчика по волосам.

– А ведьмы?

– Точно, совсем забыл, – сказал Сайлас. – Преступники, самоубийцы и ведьмы. Те, кто умер без покаяния. – Он встал, небо совсем потемнело. Время приближалось к полуночи. – Уже начинается. А я еще даже не позавтракал. Ты опоздаешь на урок.

Покой сумеречного кладбища беззвучно всколыхнулся, как будто кто-то встряхнул бархатный занавес, и Сайлас исчез.

Когда Бод подошел к мавзолею мистера Пеннивоса, сельского пекаря, луна была уже высоко. Томас Пеннивос (*упокоенный здесь в ожидании своего лучшего воплощения*) уже ждал мальчика, и был явно не в настроении.

– Ты опоздал, – сказал он.

– Простите, мистер Пеннивос.

Пеннивос укоризненно покачал головой. На прошлой неделе они изучали Стихии и Типы человеческого характера, Бод уже успел забыть, что есть что. Он со страхом ожидал вопроса, но мистер Пеннивос сказал:

– Я считаю, что нам следует посвятить несколько занятий практике. У нас осталось не так много времени.

– Правда? – спросил Бод.

– Боюсь, что так, юный мастер Оуэнс. Ну, как твои дела с

Исчезновением?

Бод очень надеялся, что об этом его не спросят.

– Все отлично, – сказал он. – То есть, мне кажется, что отлично.

– Почему бы тебе не продемонстрировать это?

Сердце Бода ухнуло вниз. Он сделал глубокий вдох и постарался скосить глаза и исчезнуть из вида.

Мистера Пеннивоса это не впечатлило.

– Увы. Это не похоже на Исчезновение. Совсем не похоже. Скользить сквозь предметы и растворяться в воздухе, как мертвые. Пробираться сквозь тени. Исчезать при малейшей опасности. Попробуй снова.

Бод старался изо всех сил.

– Ты торчишь как нос на лице, – проговорил мистер Пеннивос. – А твой нос очень сильно выдается, молодой человек. Ради всего святого, освободи свой разум. Сейчас же. Ты – пустой коридор. Ты – ничто. Ничьи глаза тебя не увидят. Ничей разум тебя не почувствует. Ты никто и ничто.

Бод снова попробовал. Он представил себе, что сливается с каменным барельефом на стене мавзолея и становится ночной тенью. И вдруг чихнул.

– Ужасно, – вздохнул мистер Пеннивос. – Просто ужасно. По-моему, мне следует поговорить об этом с твоим наставником. – Он покачал головой. – Итак, человеческие характеры. Перечисли их.

– Хм... Сангвиник. Холерик. Флегматик. И еще один. Хм... по-моему, меланхолик.

И так далее, и так далее, до тех пор, пока не настало время грамматики и сочинения с миссис Летицией Борроуз, дамой, которая никому и никогда в жизни не сделала зла. Читатель, можешь ли ты сказать такое о себе? Боду нравились и миссис Борроуз, и ее уютный небольшой склеп, и то, что учительницу легко можно было отвлечь от занятий.

– Мне сказали, что на неосвященной земле похоронена ведьма, – сказал он.

– Да, дорогой. Но тебе не следует туда ходить.

– Почему?

Миссис Борроуз улыбнулась бесхитростной улыбкой покойницы.

– Они не такие как мы.

– Но это же кладбище, правильно? Значит, я могу ходить везде, где захочу?

– Но это не приветствуется, – проговорила миссис Борроуз.

Бод был послушным, но очень любопытным мальчиком, поэтому, когда занятия закончились, он пошел мимо семейного мавзолея Гаррисона Вествуда, деревенского пекаря, мимо ангела с отколотой головой, но не

стал взбираться на холм к кладбищу для бедняков. Вместо этого Бод обошел холм, где под сенью старой яблони сохранились остатки устроенного кем-то тридцать лет назад пикника.

За свою короткую жизнь Бод хорошо усвоил некоторые вещи. Несколько лет тому назад он съел огромное количество зеленых и очень кислых яблок с этого дерева и, несколько дней подряд мучаясь от боли в животе, страшно об этом жалел под наставления миссис Оуэнс, которая объясняла ему, что зеленые яблоки есть нельзя. Теперь он ждал, пока яблоки созреют, и никогда не ел больше одного или двух за раз. Но под деревом Боду всегда хорошо думалось.

Он вскарабкался по стволу к своему любимому месту в развилке двух ветвей и посмотрел вниз, на бедняцкое кладбище, на густые заросли сорняков и травы, едва видимые в лунном свете. Интересно, была ли ведьма старой и путешествовала ли в избушке на куриных ногах? А может, она была тощей и носатой и носила огромный колпак на голове?

Бод вдруг почувствовал, что голоден. Было бы здорово, если бы на дереве осталось хоть одно яблочко. Хоть одно...

Он посмотрел вверх. Точно, там висело яблоко. Красное и спелое. Бод очень гордился своим умением лазить по деревьям. Он хватался за ветки, подтягивался, взбираясь все выше и выше, и представлял, что он – Сайлас, скользящий по отвесным стенам колокольни. Яблоко было темно-красным, почти черным в лунном свете. Бод осторожно полз по ветке, пока яблоко не оказалось прямо над ним. Он потянулся, и пальцы скользнули по гладкой кожице плода.

Но попробовать яблоко не удалось.

Раздался громкий, как выстрел охотника, треск, и ветка под мальчиком подломилась.

Он лежал летней ночью в зарослях сорняка, скрючившись от острой, как бритва, и резкой, как гром, боли.

Земля под ним оказалась относительно мягкой и странно теплой. Бод опустил руку и нащупал что-то, похожее на теплый мех. Он умудрился приземлиться на компостную кучу, куда кладбищенский садовник сбрасывал скошенную траву. Она смягчила падение. И все-таки Бод чувствовал боль в груди и ноге.

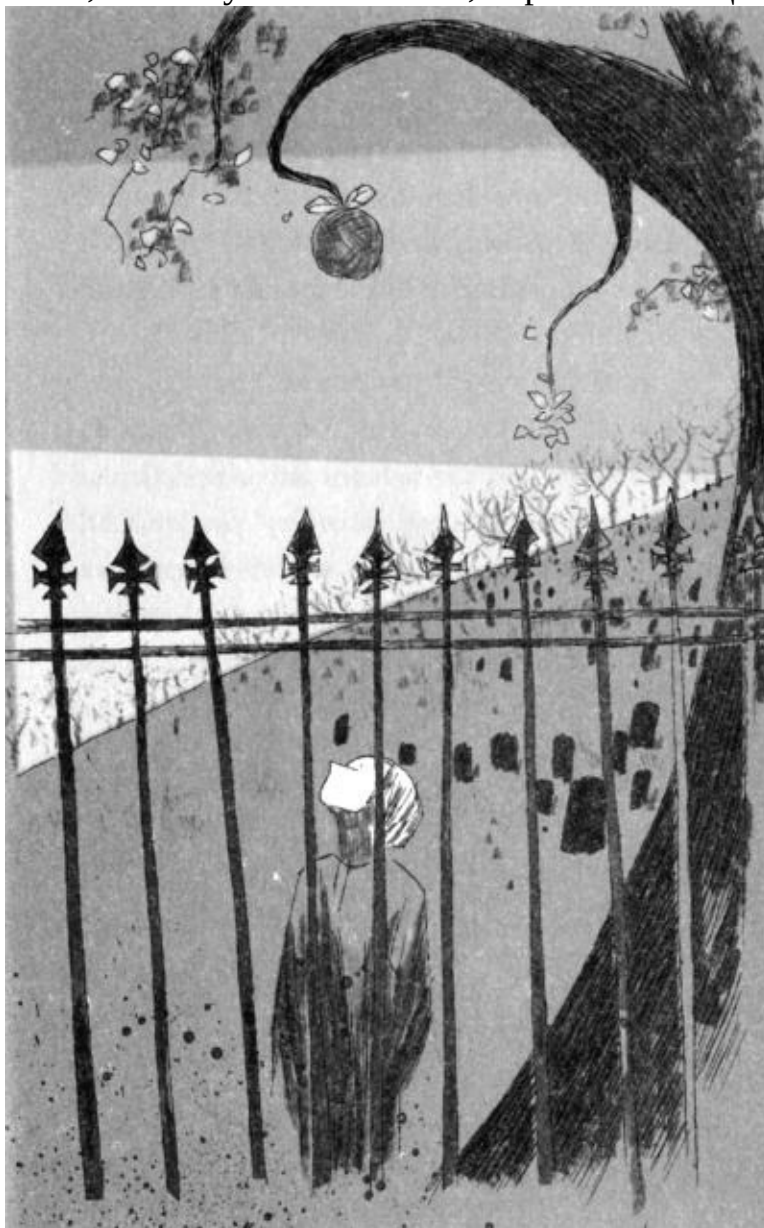
Он застонал.

– Тише, мальчик, тише, – раздалось откуда-то сзади. – Как ты здесь оказался? Как с неба упал. Где это ты был?

– На яблоне, – ответил Бод.

– А-а. Дай-ка я посмотрю на твою ногу. Вдруг она сломалась, как

ветка? Я ее перевяжу. – Холодные пальцы стали ощупывать его левую ногу. – Нет, не сломана. Есть растяжение, а возможно, вывих. Тебе дьявольски повезло, что ты упал в компост, парень. Это еще не конец света.



– Спасибо, – сказал Бод, – хотя мне все-таки больно.

Он обернулся и посмотрел на незнакомку.

Она была постарше его, но ненамного. Выражение ее лица нельзя было назвать ни приветливым, ни злым. Скорее обеспокоенным. Глаза умные, но красивой незнакомку уж точно не назовешь.

– Я – Бод, – представился он.

– Ты живой? – спросила она.

Бод кивнул.

– Я так и подумала. Мы слышали о тебе даже здесь, на бедняцком кладбище. Как тебя зовут?

– Оуэнс, – ответил он. – Просто Оуэнс. Если короче – Бод.

– Как поживаешь, мастер Оуэнс?

Бод оглядел незнакомку с ног до головы. На ней была простая белая сорочка, волосы мышиного цвета свисали почти до пояса. В лице девушки было что-то от гоблинов – намек на улыбку искажал одну его сторону, в то время как другая была абсолютно неподвижна.

– Ты самоубийца? – спросил он. – Или украла шиллинг?

– Я никогда и ничего ни у кого не крада, – ответила она. – Даже носового платка, – добавила она с независимым видом. – Самоубийцы все там, за боярышником, а висельники – рядом с ежевикой, оба. Один из них был фальшивомонетчиком, другой – вообще разбойник с большой дороги, как он утверждает, хотя я в этом сильно сомневаюсь. Скорее всего, он был просто бродягой.

– А-а, – протянул Бод и с подозрением спросил: – Мне говорили, что здесь похоронена ведьма.

Она кивнула.

– Ее утопили, а тело потом сожгли и прах похоронили здесь, не поставив даже простого камушка, чтобы отметить могилу.

– Это тебя утопили и сожгли?

Она присела на кучу скошенной травы рядом с ним и приложила ледяные руки к его вывихнутой ноге.

– Они пришли в мой маленький дом на рассвете, когда я еще не проснулась, и выволокли в поле. «Ты ведьма!» – кричали они. Они были толстыми и розовыми, как поросята, которых отмыли перед ярмаркой. Один за другим они вставали, протягивали руки к небу и кричали, что из-за меня скисло молоко и охромели лошади. Потом самая толстая и самая розовая, самая отмытая из них, миссис Дженима, возвела руки к небу и закричала, что Соломон Поррит больше даже не смотрит в ее сторону, а кружит вокруг прачечной, как пчела вокруг горшка с медом, что только из-за моего колдовства он стал таким и с бедного молодого человека нужно снять порчу. Они привязали меня к позорному стулу<sup>[11]</sup> и столкнули в грязный пруд, говоря при этом, что если я ведьма, то не смогу утонуть. При этом их совершенно не заботило, что, если я не ведьма, то действительно утону. Отец миссис Дженимы раздал всем по серебряной монетке, чтобы меня держали под грязно-зеленой водой как можно дольше и не давали всплыть, пока я не захлебнусь.

– И ты захлебнулась?



– Конечно. Набрала полные легкие воды. Вот и все.

– О, – проговорил Бод, – значит, ты все-таки не была ведьмой.

Девушка взглянула на него блестящими, похожими на бусинки глазами и усмехнулась одной стороной губ. Она все еще была похожа на гоблина, только теперь на симпатичного гоблина. Бод подумал, что ей совсем не нужно было колдовство, чтобы приворожить Соломона Поррита, с такой-то улыбкой.

– Какая чушь! Конечно, я была ведьмой. Они узнали об этом, как только отвязали меня от позорного стула, почти мертвую, в водорослях и тине. Я закатила глаза и прокляла всех и каждого, кто этим утром выволок меня в поле, сказала, что ни один из них никогда не будет похоронен в могиле. Я сама удивилась, насколько легко проклятие слетело у меня с губ. Это было как танец. Как будто ноги сами начали выбивать ритм, который уши раньше никогда не слышали, просто так, ни с того ни с сего. – Она встала, подпрыгнула и закружилась, босые ступни засверкали в лунном свете. – Я прокляла их с последним вздохом заполненных водой легких. А потом умерла. Они сожгли мое тело в поле. Потом выкопали яму на кладбище для нищих, ссыпали туда пепел и закопали. Они даже не потрудились поставить на могилу хоть какой-то камень с моим именем. – Она наконец замолчала и на мгновение задумалась.

– И никто из них не был похоронен в могиле? – спросил Бод.

– Никто, – сверкнув глазами, ответила девушка. – В следующую же субботу, после того как они утопили и поджарили меня, мистеру Поррингеру доставили ковер, прямо из Лондона. Это был чудесный ковер, из прочной шерсти, добротный, но в его узорах притаилась чума, и уже к понедельнику пятеро из моих убийц кашляли кровью, кожа их стала черной, как моя при сожжении. Через неделю чума забрала большинство жителей деревни, и их тела как попало побросали в яму, которую вырыли далеко за городом.

– Все жители деревни умерли?

Она пожала плечами.

– Все, кто смотрел, как меня топят и жгут. Как твоя нога?

– Лучше, – ответил он. – Спасибо.

Бод медленно встал, хромая, отошел от компостной кучи и облокотился о железную изгородь.

– Так ты всегда была ведьмой? – спросил он. – И до того, как их прокляла?

Она фыркнула:

– Можно подумать, для того чтобы заставить Соломона Поррита

кружить вокруг моего дома, нужно колдовство.

«Ведьма», – подумал Бод про себя, так и не получив ответа на свой вопрос.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– У меня нет даже надгробья, – произнесла она, и уголки ее губ опустились. – Я могу быть кем угодно, так ведь?

– Но у тебя должно быть имя.

– Лиза Хемпсток, если ты так настаиваешь, – огрызнулась она и добавила: – Разве я много хочу? Всего лишь какого-то знака на моей могиле. Я же там, внизу, под землей. А надо мной одни сорняки. – Она на мгновение показалась Боду такой грустной, что ему захотелось ее обнять. И когда мальчик уже пролезал сквозь прутья забора, его осенило. Он найдет Лизе Хемпсток камень и высечет на нем ее имя. Он сделает так, чтобы она улыбнулась.

На склоне холма Бод оглянулся, чтобы помахать ей рукой, но Лизы уже не было.

На кладбище валялось огромное количество обломков от памятников и статуй с могил других людей. Но Бод был уверен, что принести один из них на могилу сероглазой ведьмы будет совершенно неправильно. Нужно гораздо больше. Он решил не рассказывать никому о своих планах, небезосновательно полагая, что ему могут не разрешить.

Следующие несколько дней в его голове роились планы, один сложнее и необычнее другого. Мистер Пеннивос приходил в отчаяние.

– Мне кажется, – объявил он, почесывая пыльные усы, – что у тебя получается все хуже и хуже. Ты не исчезаешь. Ты торчишь, как прыщ на подбородке, тебя трудно не заметить. Если бы ты подошел к людям в компании фиолетового льва, зеленого слона и алого единорога, да еще и в сопровождении короля Англии в полном королевском облачении, люди смотрели бы на тебя и только на тебя, не обращая внимания на остальных.

Бод молча слушал учителя. Его интересовало только одно – есть ли в округе магазин для живых людей, в котором продаются памятники, и как его найти, а Исчезновение заботило его меньше всего.

Он воспользовался тем, что миссис Борроуз охотно отвлекалась от грамматики и сочинений, чтобы поболтать о чем-нибудь другом, и спросил ее о деньгах – для чего они нужны, как можно получить в магазине то, что ты хочешь. У Бода было много монеток, он находил их на протяжении всей своей жизни и уже знал, что лучшее место для поиска денег там, где в густой кладбищенской траве кувыркаются и целуются влюбленные

парочки. После них он часто находил монетки. Бод решил, что настал момент использовать найденные деньги.

– Сколько может стоить надгробье? – спросил он у миссис Борроуз.

– В мое время, – ответила она, – оно стоило около пятнадцати гиней. Сейчас – не знаю. Но, по-моему, больше. Гораздо больше.

У Бода было пятьдесят пенсов. Он был абсолютно уверен, что этого не хватит.

С тех пор как Бод ходил на могилу Индиго, прошло уже четыре года – почти половина его жизни. Но он все еще помнил дорогу. Бод взобрался на самую вершину холма, оставив далеко внизу город, старую яблоню и даже колокольню разрушенной церкви, туда, где, как гнилой зуб возвышался склеп Фробишера.<sup>[12]</sup> Мальчик скользнул внутрь и стал спускаться все ниже и ниже по узеньким каменным ступеням в центр холма, пока не добрался до каменной пещеры у самого его основания. Там было темно как в могиле, темно, как в глубокой шахте, но Бод видел так, как видят мертвые, и пещера раскрыла перед ним свои секреты.

Черный Страж притаился у стен пещеры. Бод еще помнил, какой ненавистью и жадностью было пропитано это место. Только теперь ему не было страшно.

– БОЙСЯ МЕНЯ, – шептал ЧЕРНЫЙ СТРАЖ. – Я – хранитель несметных сокровищ.

– Я вас не боюсь, – сказал Бод. – Помните? Мне нужно кое-что отсюда взять.

– Отсюда ничего и никогда не унести, – донеслось из темноты. – НОЖ, БРОШЬ И КУБОК. Я ХРАНЮ ИХ В ТЕМНОТЕ. Я ЖДУ.

В центре пещеры возвышалась груда камней, на них-то и лежали сокровища – каменный нож, брошь и кубок.

– Извините, что спрашиваю, – проговорил Бод, – но это ваша могила?

– ХОЗЯИН ПРИНЕС НАШ ПРАХ СЮДА, НА РАВНИНУ, ЧТОБЫ МЫ БЫЛИ СТРАЖАМИ, ОН ЗАКОПАЛ НАШИ ЧЕРЕПА ПОД ЭТИМ КАМНЕМ, ОН ПРИКАЗАЛ НАМ ХРАНИТЬ СОКРОВИЩА ДО ЕГО ПРИХОДА.

– Он наверняка уже забыл о вас, – заметил Бод. – Я уверен, что он давно уже умер.

– Я ЧЕРНЫЙ СТРАЖ, Я СТОРОЖУ СОКРОВИЩА.

Боду стало интересно, сколько же времени прошло с тех пор, как склеп, спрятанный теперь глубоко в холме, располагался на равнине, наверное, очень-очень много. Он чувствовал, что ЧЕРНЫЙ СТРАЖ насылает на него волны страха, которые обвивают его, словно хищное

растение щупальцами. Стало холодно, закружилась голова, Бод почувствовал себя так, будто его в сердце укусила арктическая гадюка, и отравленная кровь постепенно стала растекаться по телу.

Он шагнул вперед, к каменной плите, нагнулся, и брошь пронзила его пальцы холодом.

– Прочь! – зашептал ЧЕРНЫЙ СТРАЖ. – Мы храним это для Хозяина!

– Он не станет возражать, – сказал Бод. Он отступил и пошел к лестнице, стараясь не наступать на останки людей и животных, разбросанные по полу.

ЧЕРНЫЙ СТРАЖ забился в судорогах, наполнив каменную комнату призрачным дымом. Потом все стихло.

– Он вернется, – провыл ЧЕРНЫЙ СТРАЖ надтреснутым голосом. – Он всегда возвращается.

Бод что есть духу кинулся вверх по лестнице. В какой-то момент ему показалось, что кто-то за ним гонится, и, только выскочив наружу в склеп Фробишера и вдохнув холодный ночной воздух, мальчик понял, что сзади никого нет.

Бод сел на вершине холма и стал разглядывать брошь. Сначала он подумал, что она черная, но, когда из-за горизонта показались первые лучи солнца, мальчик смог разглядеть, что камень в центре мерцает красным светом. Камень был размером с яйцо малиновки. Бод долго вглядывался в него, пытаясь понять, что движется в его таинственной сердцевине. Камень был закреплен на броши черными металлическими зажимами, которые можно было принять за клыки, и обвит чем-то непонятным, чем-то похожим на змею, у которой почему-то было очень много голов. Бод решил, что так, должно быть, и выглядит Черный Дух при дневном свете.

Бод стал спускаться вниз, срезая дорогу сквозь опутанный плющом семейный склеп Бартлби, внутри раздавалось чье-то бормотание. Это семья Бартлби готовилась ко сну. Бод пробирался на бедняцкое кладбище.

– Лиза! Лиза! – закричал он и огляделся по сторонам.

– Привет-привет, парень, – сказал Лизин голос. Бод не видел ее, но под кустом боярышника тень двигалась и была явно гуще. Бод подошел ближе, тень трансформировалась в нечто прозрачно-перламутровое. В нечто, очень напоминающее девушку. Девушку с серыми глазами.

– Мне давно уже пора спать, – сказала она. – Что тебя сюда привело?

– Я хотел узнать по поводу надгробья, – ответил он. – Что на нем должно быть написано?

– Мое имя. Можно просто первые буквы, но Елизавета должно быть написано с большой буквы Е, как у старой королевы – она умерла, когда я

родилась. А Хемпсток должно быть с большой буквы Х. На остальное мне плевать – я не слишком сильна в грамоте.

– Какие даты поставить? – спросил Бод.

– Вильгельм Завоеватель – 166. – Ее шепот стал похож на ветер, потревоживший куст боярышника. – Но, если можно, напиши большую букву Е. И большую Х.

– А чем ты занималась? – спросил Бод. – До того, как стала ведьмой.

– Я стирала белье, – проговорила мертвая девушка. Солнечный свет залил окрестности, и Бод остался в одиночестве.

Было девять часов утра. Все уже давно спали, но Бод решил, что не станет ложиться. У него было дело. Ему было всего восемь лет, но мир за пределами кладбища его не пугал.

Одежда. Ему нужна одежда. Его обычный костюм, сшитый из серых истлевших лоскутков, явно не подходил. Он был хорош для кладбища: такого же цвета как камни и тени.

В крипте под старой церковью валялась какая-то одежда, но Боду даже днем не хотелось спускаться туда. Бод подготовил оправдания для мистера и миссис Оуэнс, но ему совсем не хотелось объясняться с Сайласом. Мысль о том, какими сердитыми и ледяными станут глаза наставника, наполняла мальчика стыдом.

В дальнем конце кладбища стояла будка садовника, маленькое, покрашенное зеленой краской строение, пропахшее моторным маслом, в котором хранилась старая сломанная газонокосилка и набор старинных садовых инструментов. В будку никто не заходил с тех пор, как ушел на пенсию последний садовник – это было еще до рождения Бода. Обязанности по уходу за кладбищем разделили между городским советом, который раз в месяц посылал сюда человека, чтобы стричь траву с апреля по сентябрь, и местными волонтерами.

Содержимое будки хранилось под огромным навесным замком, но несколько лет назад Бод нашел в задней стене отошедшую доску. Иногда, когда ему хотелось побыть в одиночестве, он забирался в будку садовника, сидел и думал.

Сколько Бод себя помнил, в будке на двери всегда висела старая рабочая куртка, забытая кем-то много лет назад, и пара старых джинсов в зеленых пятнах. Джинсы ему были велики, но он несколько раз подвернул штанины, взял кусок бечевки и вместо пояса туго завязал ее на талии. В углу нашлись и ботинки. Бод попытался их надеть, но они оказались такими большими и тяжелыми из-за налипшей грязи и цемента, что он не смог оторвать их от пола. Бод набросил на себя куртку и решил, что, если

завернуть рукава, она вполне сгодится. Мальчик засунул руки в большие карманы и почувствовал себя настоящим денди.

Бод направился к главным воротам кладбища и посмотрел сквозь решетку. По улице проезжал автобус, сновали машины. А за спиной простиралось тенистое от деревьев и плюща кладбище – дом Бода.

Эбенецер Болгер на своем веку видел множество странных типов. Если бы вы были владельцем подобной лавки, вы бы тоже встречались со многими. Магазины, который располагался на одной из извилистых улочек старого города, был одновременно и антикварной лавкой, и лавкой старьевщика, и ломбардом (даже сам Эбенецер Болгер не мог сказать, чем на самом деле был этот магазин). Он притягивал странных типов и иностранцев, некоторые приходили сюда, чтобы что-то купить, другие – чтобы продать. Эбенецер Болгер покупал и продавал, стоя за прилавком, но самые выгодные сделки совершал в кладовке, покупая и перепродавая предметы, приобретенные не слишком честным путем. Его бизнес напоминал айсберг. Пыльная, крохотная лавка стала лишь видимой его частью, а то, что было скрыто, приносило Эбенецеру Болгеру большую часть прибыли.

Эбенецер Болгер носил очки с толстыми линзами, выражение его лица было неизменно брезгливым, как будто молоко в его чае прокисло и он не может избавиться от горького привкуса во рту. Это очень помогало ему в общении с людьми, которые приходили что-то продать.

– Честно говоря, – говорил он им с кислым выражением лица, – это совсем ничего не стоит. Я дам вам, сколько могу, потому что вижу, вещь дорога вам как воспоминание.

Вам бы очень сильно повезло, если бы вы получили от Эбенецера Болгера столько, сколько хотите.

Бизнес Эбенецера Болгера притягивал в лавку странных людей, но мальчик, пришедший сегодня утром, был самым странным из тех, кому торговец за свою долгую жизнь помог избавиться от ценностей. Он выглядел не старше семи и был одет в одежду своего дедушки. От него несло хлевом. Босой, с длинными космами, очень серьезный. Он держал руки глубоко в карманах пыльной коричневой куртки, но, даже не видя их, Эбенецер Болгер понял, что мальчик изо всех сил сжимает что-то в правой руке.

– Простите, – проговорил мальчик.

– Ай-ай-ай, малыш, – озабоченно проворчал Эбенецер Болгер. «Ох уж эти дети, – подумал он. – Вечно они пытаются продать свои игрушки. Или

несут то, что удалось стащить». И в том и в другом случае он всегда говорил «нет». Покупать краденое у ребенка, чтобы разбираться потом с разгневанными родителями, чьи маленькие Джонни или Матильда решили помочь родителям избавиться от обручальных колец? С ними неприятностей не оберешься.

– Мне нужно кое-что приобрести для моего друга, – сказал мальчик. – Не могли бы вы купить у меня одну вещь.

– Я у детей ничего не покупаю, – отрезал Эбenezер Болгер.

Бод вынул руку из кармана и положил на засаленный прилавок брошь. Болгер скользнул по ней взглядом, потом стал ее разглядывать. Потом снял очки, взял окуляр и вставил его в глаз. Включив небольшую настольную лампу, торговец рассмотрел брошь внимательнее.

– Змеиный камень? – спросил он не у мальчика, а у самого себя, снял окуляр, снова нацепил очки и с мрачным и подозрительным видом уставился на маленького продавца.

– Откуда у тебя это?

– Вы ее купите? – вопросом на вопрос ответил мальчик.

– Ты украл ее. Ты спер ее из музея или еще откуда-то, да?

– Нет, – решительно ответил мальчик. – Вы ее купите, или мне пойти к другому торговцу?

С лица Эбenezера Болгера мгновенно слетело выражение безразличия. Внезапно он почувствовал слабость. И широко улыбнулся.

– Прости, – сказал он. – Не так-то часто встретишь вещь, подобную этой. Разве только в музее. Она мне определенно нравится. Вот что я тебе скажу. Почему бы нам не сесть и не выпить по чашечке чая с печеньем, в задней комнате у меня есть коробка с шоколадными бисквитами. Там и решим, сколько может стоить эта вещица. Согласен?

Бод испытал облегчение от того, что этот человек вдруг сменил гнев на милость.

– Мне должно хватить на покупку камня, – сказал он. – Надгробья для моего друга. Вернее, она не совсем мой друг. Вернее, вообще не друг. Просто это одна моя знакомая. Однажды она вылечила мою ногу.

Эбenezер Болгер, не прислушиваясь к бормотанию мальчика, провел его за прилавок и открыл дверь кладовки, где хранился товар. Это было малюсенькое помещение без окна, доверху заполненное штабелями картонных коробок с хламом. В углу стоял огромный старинный сейф, лежала коробка со скрипками, были свалены в кучу чучела животных, стулья без сидений, книги и гравюры.

Прямо за дверью стоял небольшой письменный стол, Эбenezер Болгер

взял единственный целый стул и сел на него, Бод остался стоять. Эбенезер порылся в ящике, где, как успел заметить Бод, стояла недопитая бутылка виски, достал почти пустую пачку печенья и протянул ее мальчику. Потом включил лампу, снова посмотрел на брошь, на красно-оранжевые отблески в камне, на металлический обод оправы. При виде странных змеиных голов торговца пробрала дрожь.

– Это старинная вещь, – сказал он. – Она (бесценна, – подумал он про себя), возможно, ничего и не стоит, я не могу так сразу определить.

Бод сник. Эбенезер Болгер постарался придать лицу ободряющее выражение.

– Просто, прежде чем дать тебе хоть пенни, я хочу убедиться, что она не краденая. Ты взял ее в мамином комоде или стащил из музея? Ты можешь сказать мне. Я тебя не выдам. Просто мне нужно это знать.

Бод покачал головой. Его рот был занят печеньем.

– Где ты ее взял?

Бод не отвечал.

Эбенезеру Болгеру очень не хотелось выпускать из рук брошь, но он положил ее на стол и толкнул в сторону мальчика.

– Если ты мне не скажешь, – проговорил он, – можешь забирать ее обратно. Стороны должны друг другу доверять. Сделка не состоится.

Бод забеспокоился. Потом сказал:

– Я нашел ее в одном старинном склепе. Но я не могу сказать, в каком. – Он осекся, увидев, что выражение дружеского участия сменилось на лице Эбенезера Болгера возбуждением и алчностью.

– А там еще такие есть?

– Если вы не хотите это покупать, я найду кого-нибудь другого. Спасибо за печенье.

– Ты спешишь, да? Небось, мамочка и папочка уже ждут тебя не дождутся?

Бод покачал головой и сразу же пожалел, что не кивнул.

– Отличненько, значит, тебя никто не ждет. – Эбенезер Болгер прикрыл ладонями брошь. – А теперь ты мне скажешь, где именно ты ее нашел.

– Я не помню, – ответил Бод.

– Слишком поздно, – сказал Эбенезер Болгер. – Подумай хорошенько, откуда она у тебя. Потом, когда подумаешь, мы с тобой поговорим, и ты мне все расскажешь.

Он встал, вышел из каморки, закрыл за собой дверь и запер ее огромным железным ключом.

Торговец раскрыл ладонь, посмотрел на брошь и алчно ухмыльнулся.



Над дверью лавки зазвенел колокольчик, давая знать о том, что кто-то вошел, Болгер затравленно посмотрел на вход, но там никого не было. Просто дверь слегка разболталась. Болгер закрыл ее покрепче и перевернул табличку у входа на сторону «Закрыто». Ему не хотелось, чтобы сегодня кто-то мешал.

Осенний день из солнечного стал пасмурным, и окна магазинчика покрылись мелкими капельками дождя.

Эбенецер Болгер поднял трубку телефона, стоявшего на прилавке, и чуть дрожащим пальцем нажал несколько кнопок.

– Я нашел золотую жилу, Том, – сказал он. – Дуй сюда как можно быстрее.

Бод понял, что попал в западню, как только услышал звук запираемого замка. Он чувствовал себя ужасно глупо из-за того, что оказался взаперти, злился, что не поверил первому впечатлению и не сбежал отсюда сломя голову, лишь увидев лицо этого пройдохи. Он нарушил все мыслимые законы кладбища, все пошло не так. Что говорил ему Сайлас? А Оуэнс? Бода охватывала паника, но он постарался взять себя в руки, поглубже загнав беспокойство. Все будет хорошо. Бод знал это. Ему просто очень нужно выбраться отсюда.

Он внимательно оглядел кладовку. Сюда вела только одна дверь.

Бод открыл ящик стола и нашел там лишь небольшие тюбики краски (такой обычно подкрашивают антикварные вещи) и кисточку. Интересно, ему удастся выстрелить краской продавцу в лицо, ослепить его на несколько минут и убежать? Бод открыл крышечку и выдавил немного краски себе на палец.

– Что ты делаешь? – прямо над ухом раздался чей-то голос.

– Ничего, – ответил Бод, завернул крышечку и отправил тюбик в огромный карман своей куртки.

Лиза Хемпсток смотрела на него без всякого выражения.

– Как ты здесь оказался? – спросила она. – И кто этот старый мешок с мусором за дверью?

– Это его лавка. Я пытался ему кое-что продать.

– Зачем?

– Не твое дело.

Она презрительно фыркнула.

– Знаешь, тебе лучше вернуться на кладбище.

– Не могу. Он меня запер.

– Нет, можешь. Просто пройди сквозь стену...

Бод покачал головой.

– Не могу. Я могу проходить через стены только дома. Когда я был маленьким, они дали мне свободу только в границах кладбища. – Силуэт мертвой ведьмы был едва различим, но Бод за свою короткую жизнь уже привык разговаривать с мертвецами. – Кстати, а ты что здесь делаешь? Что ты вообще делаешь за границей кладбища? Сейчас день. Ты же не Сайлас, тебе нельзя выходить с кладбища.

– Эти правила существуют только для тех, кто покоится в границах кладбища; на тех, кто похоронен за пределами, они не распространяются. Никто не удосужился сказать мне, что делать и куда ходить. – Она посмотрела на дверь. – Мне не нравится этот человек. Пойду, посмотрю, чем он там занимается.

Неяркая вспышка – и Бод снова остался в одиночестве. Он услышал отдаленный раскат грома.

В полумраке лавки Эбенезер Болгер подозрительно оглянулся. Ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Нет, никого.

– Мальчишка заперт в комнате, – сказал он себе. – Входная дверь закрыта.

Он полировал металлические зажимы, в которых был закреплен змеиный камень, так тщательно, как будто был археологом на раскопках. Под черным слоем грязи засверкало серебро.

Он начал жалеть, что позвонил Тому Хастингсу, хотя тот и был огромным и мог напугать кого угодно. А еще торговец пожалел о том, что ему рано или поздно придется продать брошь. Это было самое неприятное. Чем больше она блестела, тем сильнее ему хотелось, чтобы она оставалась только его и больше ничьей.

Там, в склепе, наверняка еще есть, думал он. Мальчишка все ему расскажет. Он приведет его туда.

Мальчишка...

Вдруг его осенило. Он с великой осторожностью положил брошь, открыл выдвижной ящик под прилавком и вытащил жестяную коробку из-под печенья, набитую конвертами, открытками и разными ненужными бумажками.

Он сунул в нее руку и выудил открытку, чуть большую по размеру, чем обычная визитная карточка. Ее края были обрамлены черным. На ней не было ни имени, ни адреса. В середине выцветшими чернилами было написано лишь одно слово: «Джек».

На обороте мелким аккуратным почерком Эбенезера Болгера было написано напоминание – как будто он мог забыть, как пользоваться

карточкой, чтобы вызывать этого человека. Впрочем, нет, не вызывать. Приглашать. Таких людей не вызывают.

В этот момент кто-то постучал во входную дверь.

Болгер кинул карточку под прилавок и, подойдя к двери, стал вглядываться в дождливый вечерний сумрак.

– Быстрее, – торопил его Том Хастингс. – На улице мерзко. Кошмар какой-то. Я весь промок.

Болгер отпер дверь, и в лавку ввалился Том Хастингс, с его плаща и волос капала вода.

– О чем таком ты не мог рассказать мне по телефону?

– О нашей большой удаче, – ответил Эбенецер Болгер, – вот о чем.

Хастингс снял плащ и повесил его на дверь магазинчика.

– О чем ты? С прицепа проезжавшего грузовика упало что-то хорошее?

– Сокровище, – произнес Болгер. – Вернее, целых два. – Он подтолкнул приятеля к прилавку и показал брошь, лежавшую прямо под лампой.

– Старинная?

– Языческих времен, – ответил Эбенецер. – Может, и более ранняя. Эпохи друидов. Это было еще до того, как пришли римляне. Он называется змеиным камнем. Я встречал такие в музее. Никогда не видел более тонкой работы по металлу. Наверное, брошь принадлежала королю. Паренек, который ее принес, сказал, что нашел ее в старом захоронении – по-моему, там целый сундук с такими штуками.

– Может, стоит сделать все по закону? – задумчиво спросил Хастингс. – Заявить, что мы нашли клад. Нам заплатят за него рыночную цену, а еще мы можем заставить их назвать клад нашими именами. Сокровища Хастингса-Болгера.

– Болгера-Хастингса, – машинально поправил Эбенецер. – Я знаю несколько человек, которые заплатят больше рыночной цены, если дать им это пощупать, – сказал он Тому Хастингсу, который нежно, как котенка, поглаживал брошь. – И не будут задавать никаких вопросов. – Он протянул руку, и Том Хастингс нехотя отдал ему брошь.

– Ты сказал, что у тебя два сокровища, – вспомнил Том.

Эбенецер Болгер достал из-под прилавка карточку с черной рамкой и показал ее приятелю.

Тот лишь покачал головой.

Эбенецер положил карточку обратно на прилавок.

– Одно неразрывно связано с другим.

– То есть?

– Видишь ли, – сказал Эбенецер Болгер, – второе сокровище – это мальчик.

– Мало ли на свете мальчиков, – заметил Том. – Бегают, суют носы куда не надо. Попадают в неприятности. Я их терпеть не могу.

– Этот парень как раз такого склада. Он одет в... В общем, сам увидишь. Это он нашел брошь.

Эбенецер Болгер снова поднял карточку за кончик и медленно помахал ею в воздухе, как будто проносясь сквозь пламя воображаемой свечи.

– Вот свечка, чтобы ложе ночью осветить, – начал он.

– ...Вот нож, чтобы голову твою срубить, – задумчиво закончил за него Том Хастингс. – Видишь ли, если ты позовешь человека по имени Джек, то потеряешь мальчика. А если ты лишишься мальчика, то не найдешь клад.

И приятели стали взвешивать достоинства и недостатки каждого из вариантов и гадать, стоит ли им отдать мальчика или лучше найти сокровище, которое в их воображении выросло до размеров пещеры, доверху заполненной драгоценностями. Пока они спорили, Эбенецер достал из-под прилавка бутылку джина и налил обоим по изрядной порции, чтобы отметить это событие.

Лизе быстро наскучила их болтовня, которая крутилась и крутилась вокруг одной темы, как карусель, и никак не заканчивалась. Ведьма вернулась в каморку. Бод стоял посреди комнаты, крепко зажмурил глаза и сжав кулаки. Лицо мальчика побагровело и перекосилось, как будто его мучила невыносимая зубная боль. Он изо всех сил пытался не дышать.

– Чем это ты тут занимаешься? – равнодушно спросила ведьма.

Бод открыл глаза и расслабился.

– Я пытаюсь совершить Исчезновение.

Лиза фыркнула.

– Попробуй еще раз.

Он попробовал, на этот раз ему удалось задержать дыхание еще дольше.

– Хватит, – сказала она, – а то лопнешь.

Бод глубоко вдохнул и кивнул.

– Не получается, – сказал он. – Может, ударить его камнем и убежать? – Камня под рукой не оказалось, и Бод взял пресс-папье из цветного стекла и взвесил его в руке, прикидывая, удастся ли ударить торговца достаточно сильно.

– Теперь их двое, – сказала Лиза. – Если сумеешь улизнуть от одного, второй тебя точно схватит. Они хотят, чтобы ты им показал, где нашел

брошь. Собираются раскопать могилу и найти сокровище. – Она не сказала ему ни о другом варианте, ни о карточке с черной рамкой. Лиза укоризненно покачала головой. – Зачем вообще ты сделал такую глупость? Ты же знаешь законы, по которым живет кладбище. Искал приключений на свою голову?

Бод чувствовал себя полным ничтожеством.

– Я хотел сделать тебе надгробье, – виновато проговорил он. – Я решил, что это стоит много денег. Поэтому пошел к нему, чтобы продать брошь и на эти деньги купить камень.

Она не ответила.

– Ты сердишься на меня?

Ведьма покачала головой.

– Это первое доброе дело, которое кто-то сделал для меня за последние пять веков. – Она улыбнулась гоблинской улыбкой. – С чего это я должна сердиться? Кстати, что ты делаешь, когда пытаешься исчезнуть?

– Как учил мистер Пеннивос: «Я – пустой дверной проем, я – пустынная аллея, я – ничто. Глаза меня не видят, взгляды скользят сквозь меня». Но у меня никогда не получалось.

– Это потому, что ты – живой, – фыркнула Лиза. – Такое получается только у нас, у мертвых, ведь чтобы нас вообще увидеть, нужно сильно постараться. У людей такое никогда не получалось и не получится.

Она обхватила себя руками и стала покачиваться, как будто о чем-то споря с самой собой. Потом сказала:

– Ты сделал это из-за меня... Подойди ко мне, Некто Оуэнс.

Он сделал всего один шаг, настолько маленькой была комната, и ведьма положила ему на лоб холодную руку. Слово влажный шелковый шарф коснулся кожи.

– Пожалуй, – сказала она, – я отплачу тебе за добро.

Она что-то забормотала себе под нос, Бод не мог различить ни слова. Наконец отчетливо и громко проговорила:

Будь дыркой, будь ветром, будь прахом,  
Будь ночью, мечтою, будь мраком,  
Скользи, шевелись незримо,  
Пусть люди проходят мимо.

Что-то огромное коснулось его, пробежало по телу с головы до ног. Бода пробрала дрожь. Волосы встали дыбом. Что-то изменилось.

– Что ты сделала? – спросил он.

– Просто протянула тебе руку помощи, – ответила она. – Ну и что, что я – мертвая, я же ведьма, если помнишь. Мы никогда не перестаем ими быть.

– Но...

– Заткнись, – сказала она. – Они возвращаются.

В скважине заскрипел ключ.

– Ну, разговорчивый ты наш, – сказал голос, которого Бод раньше не слышал. – Я уверен, мы с тобой подружимся. – И Том Хастингс распахнул дверь. Он встал в дверях, оглядел комнату и явно очень удивился. Хастингс был огромного роста, с ярко-рыжей шевелюрой и красным носом алкоголика.

– Эбенезер? По-моему, ты говорил, что он здесь.

– Точно, – подтвердил Болгер.

– Я тут никого не вижу.

Голова Болгера появилась из-за спины рыжеволосого. Он оглядел комнату.

– Прячется. – Он смотрел прямо на то место, где стоял Бод. – Прятаться бесполезно, – громко заявил Болгер. – Я вижу, что ты там, выходи.

Оба вошли в каморку, а Бод стоял между ними и вспоминал уроки мистера Пеннивоса. Он старался никак не реагировать и не двигаться. Он пропускал взгляды мужчин сквозь себя, как будто был абсолютно прозрачным.

– Ты пожалеешь, что не вышел, когда я тебя звал, – сказал Болгер и захлопнул дверь. – Значит, так, – проинструктировал он Тома Хастингса, – ты блокируешь дверь, чтобы он не вырвался.

Болгер медленно обошел каморку, заглядывая за кучи сваленных вещей, нагнулся и поискал мальчика под столом. Потом открыл створку посудного шкафа.

– Я тебя вижу! Выходи!

Лиза захихикала.

– Что это? – оглядываясь, спросил Том Хастингс.

– Я ничего не слышал, – удивился Эбенезер Болгер.

Лиза снова хихикнула, сложила губы трубочкой и подула. Сначала раздался свист, потом звук стал похож на завывание ветра. Лампочки, освещавшие каморку, начали мерцать и жужжать, а затем и вовсе выключились.

– Чертовы предохранители, – проворчал Эбенезер Болгер. – Ладно,

пошли отсюда, мы просто теряем время.

Ключ снова звякнул в замке, Бод и Лиза остались в каморке.

– Он убежал, – сказал Эбенезер Болгер. Теперь Бод слышал его через дверь. – Комнатка совсем маленькая. Он не мог спрятаться. Если бы он был там, я бы его обязательно нашел.

– Человеку по имени Джек это не понравится.

– А кто ему скажет?

Пауза.

– Кстати, Том Хастингс, а куда подевалась брошь?

– М-м? Вот она. Я решил положить ее в безопасное место.

– Безопасное место? В твоём кармане? Забавно придумано. Ты, скорее, собирался сделать с ней ноги. Захотел присвоить мою брошь?

– Твою брошь, Эбенезер? Твою? Ты, наверное, хотел сказать нашу брошь?

– Конечно, нашу. Хотя не припомню, чтобы ты был здесь, когда я забрал ее у мальчишки.

– Ты о мальчишке, которого тебе не удалось удержать до прихода человека по имени Джек? Представляешь, что он сделает, когда узнает, что у тебя в руках был мальчик, которого он ищет, и ты его упустил?

– Может, это был и не он. В мире столько мальчиков. Какова вероятность, что это был тот самый? Могу поклясться, что он прошмыгнул в дверь, едва я отвернулся от него. – Дальше Эбенезер Болгер заговорил высоким, лстивым голосом. – Не беспокойся о человеке по имени Джек, Том Хастингс. Я уверен, что это был совсем не тот мальчик. Просто мои старые мозги дали маху. Мы почти прикончили джин, как насчет хорошего виски? У меня припасена бутылочка в кладовке. Подожди минутку.

Дверь снова открылась, и в каморку снова вошел Эбенезер Болгер, в одной руке он держал трость, в другой – свечу. На лице – откровенная злоба.

– Если ты еще здесь, – угрожающе прошептал он, – даже не думай убегать. Я вызвал полицию. – Он порылся в ящике стола и извлек полупустую бутылку виски и маленький черный пузырек. Болгер вылил несколько капель из пузырька в бутылку и сунул его в карман.

– Это брошь моя и только моя, – прохрипел он и закашлялся. – Уже иду, Том!

Он снова оглядел каморку и снова скользнул взглядом мимо Бода, потом вышел, неся бутылку перед собой, и запер дверь.

– Вот и я! – раздался за дверью голос Болгера. – Дай-ка сюда свой

стакан, Том. Хорошая порция виски тебя взбодрит. Скажи, когда хватит.

Тишина.

– Дешевое пойло. А сам почему не пьешь?

– Джин пробрал меня до печенок. Пусть живот успокоится... Эй-эй...

Том, что ты сделал с моей брошью?

– Так она теперь твоя? Ой... что-то мне нехорошо... ты подсыпал что-то в мой стакан, гад?

– А если и так? Я прочитал по твоей морде, что ты собрался сделать,

Том Хастингс, вор.

Послышались звуки драки, громкий стук, как будто кто-то ронял на пол мебель...

...Потом наступила тишина.

– Быстро, – сказала Лиза. – Нам нужно убираться отсюда.

– Но дверь заперта. – Бод посмотрел на ведьму. – Ты сможешь что-нибудь сделать, чтобы вытащить нас?

– Я? Я не знаю такого волшебства, чтобы перенести тебя из запертой комнаты, мальчик.

Бод нагнулся и посмотрел в замочную скважину. Там торчал ключ. Бод подумал, широко улыбнулся, и его лицо засветилось, как электрическая лампочка. Он достал из коробки скомканный лист бумаги, тщательно расправил его и просунул под дверь, оставив на своей стороне лишь небольшой уголок.

– Что ты намереваешься делать? – нетерпеливо спросила Лиза.

– Мне нужно что-то вроде карандаша, только потоньше... – сказал Бод. – Вот, нашел. – Он взял со стола тоненькую кисточку, просунул один конец в замочную скважину и надавил.

Ключ, чуть звякнув, упал на бумагу. Бод подтянул лист с ключом на свою сторону.

Лиза довольно рассмеялась.

– Весьма ловко, молодой человек, – похвалила она. – И мудро.

Бод вставил ключ в замок, повернул его и распахнул дверь кладовки.

Посреди разгромленной антикварной лавки лежали два тела. Мебель была перевернута, повсюду валялись сломанные стулья и разбитые часы. Прямо посередине лежал огромный Том Хастингс, под ним виднелась маленькая фигура Эбenezера Болгера.

– Они мертвы? – спросил Бод.

– Куда там! – ответила Лиза.

Рядом с телами лежала сверкающая серебром брошь. Переливающийся оранжевым цветом камень, зажатый в металлических клыках, был окружен



серебряными змеиными головами. Казалось, змеи исполнены алчности и упиваются своим триумфом.

Бод сунул брошь в карман, где уже лежали пресс-папье, кисточка и тюбик краски.

– И это тоже возьми, – посоветовала Лиза.

Бод посмотрел на карточку с черной рамкой и именем Джек. Она почему-то беспокоила его. Что-то в этой карточке казалось знакомым и опасным, что-то бередило старые воспоминания.

– Нельзя оставлять ее у них, – сказала Лиза. – Они воспользуются ею, чтобы навредить тебе.

– Я не хочу, – сказал Бод. – Она плохая. Сожги ее!

– Нет! – закричала Лиза. – Не делай этого! Нельзя.

– Тогда я отдам ее Сайласу, – проговорил Бод. Он положил маленькую карточку в конверт, чтобы больше ее не касаться, и сунул конверт во внутренний карман старой садовой куртки.

Где-то в двухстах милях от этого места человек по имени Джек вдруг проснулся и понюхал воздух. Он встал с кровати и спустился вниз, на первый этаж.

– Что случилось? – спросила его бабушка, помешивая содержимое огромного чугунного котла, стоявшего на плите. – Почему ты встал?

– Не знаю, – сказал он. – Что-то произошло. Что-то... интересное. – И хищно облизал губы. – Пахнет вкусно, – добавил он, – очень вкусно.

Вспышка молнии осветила мощеную улицу. Бод бежал со всех ног, забираясь все выше и выше на холм, где находилось кладбище. Пока мальчик сидел в кладовке, пасмурный день сменился ранними осенними сумерками. Бод совсем не удивился, заметив в свете фонарей знакомый вихрь. Мальчик остановился, всполох черного как ночь бархата приобрел человеческую форму.

Сайлас встал у него на пути и скрестил на груди руки.

– Итак? – проговорил он.

– Прости, Сайлас, – сказал Бод.

– Ты меня разочаровал, Бод. – Сайлас укоризненно покачал головой. – Я начал искать тебя сразу, как проснулся. От тебя пахнет неприятностями. Ты же знаешь, тебе не разрешено выходить сюда, в мир живых.

– Знаю, прости меня. – Дождь мочил лицо мальчика, слезами стекая со щек.

– Прежде всего нам нужно доставить тебя обратно в безопасное

место. – Сайлас нагнулся и завернул мальчика в свой плащ. Бод почувствовал, что земля ушла у него из-под ног.

– Сайлас, – прошептал он.

Сайлас не ответил.

– Я немного испугался, – продолжил мальчик, – но я знал, что ты придешь за мной, если будет совсем плохо. А еще там была Лиза. Она мне очень помогла.

– Лиза? – Голос Сайласа внезапно стал резким.

– Ведьма. С бедняцкого кладбища.

– Говоришь, она тебе помогла?

– Да. Она научила меня Исчезновению. Теперь я это умею.

Сайлас хмыкнул.

– Ты расскажешь мне обо всем, когда вернемся домой.

Бод молчал до тех пор, пока они не приземлились рядом с церковью. Они вошли внутрь, в пустынный зал, дождь хлынул с удвоенной силой, на огромных лужах вздулись пузыри.

Бод вытащил из кармана конверт с карточкой, обрамленной черной рамкой.

– Хм... мне показалось, что я должен отдать это тебе. Вернее, так решила Лиза.

Сайлас взглянул на конверт, потом открыл, достал карточку, рассмотрел ее, перевернул, прочитал инструкции, написанные рукой Эбenezера Болгера, в которых подробнейшим образом было описано, что делать с карточкой.

– Расскажи мне все, – велел Сайлас.

И Бод рассказал все, что смог припомнить о сегодняшнем дне. Когда он закончил, Сайлас задумчиво покачал головой.

– Я в опасности? – спросил Бод.

– Знаешь что, Некто Оуэнс, – ответил ему Сайлас. – Ты действительно в большой опасности. И тем не менее вопрос о твоём наказании за этот проступок я решил оставить на усмотрение твоих приемных родителей. Мне надо заняться этим.

Карточка с черной рамкой исчезла в недрах черного плаща, и Сайлас испарился.

Бод, накинув куртку на голову, поднялся по скользким ступенькам на холм, а потом спустился вниз, глубоко-глубоко и еще глубже.

Он кинул брошь к кинжалу и кубку.

– Вот, – сказал он. – Я отполировал ее. Теперь она красивая.

– ОН ВЕРНЕТСЯ, – едва уловимым, как дым, голосом прошептал с

удовлетворением Черный Страж. – ОН ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

Ночь была долгой, но все-таки подошла к концу.

Сонный, но не теряющий осторожности Бод шел мимо могилы женщины с чудным именем мисс Либерти Карась. То, что она тратила, утрачено, то, что давала, осталось с ней навечно. Читатель, занимайся благотворительностью! Потом мимо последнего пристанища Гаррисона Вествуда, сельского пекаря, и его жен, Марион и Джоан, к бедняцкому кладбищу. Мистер и миссис Оуэнс почил в бозе за несколько столетий до того, как было решено, что бить детей непедагогично, поэтому, к несчастью, мистер Оуэнс сделал то, что считал своим долгом. Мягкое место Бода болело весьма чувствительно. И все-таки тревога на лице миссис Оуэнс расстроила Бода гораздо сильнее, чем телесное наказание.

Он подошел к железной ограде бедняцкого кладбища и пролез сквозь прутья.

– Эй! – позвал он. Но ответа не было. В кустах боярышника тоже ничего не шелохнулось. – Надеюсь, у тебя не было неприятностей из-за меня?

Ничего.

Бод переоделся – ему было гораздо удобнее в своей серой одежде из развевающихся лоскутков, – но оставил себе куртку. Ему очень понравились карманы.

Из будки он прихватил еще небольшую ручную косу, висевшую на стене. С ее помощью он расчищал себе дорогу в зарослях сорняков.

Мальчик достал из кармана большое пресс-папье, переливающееся всеми цветами радуги, тюбик и кисточку.

Макнув кисточку в коричневую краску, он написал на поверхности пресс-папье две большие буквы:

**Е Х**

И под ними:

***Мы не забудем***

Уже почти рассвело. Скоро нужно ложиться спать. Какое-то время ему придется ложиться вовремя. Так будет разумнее.

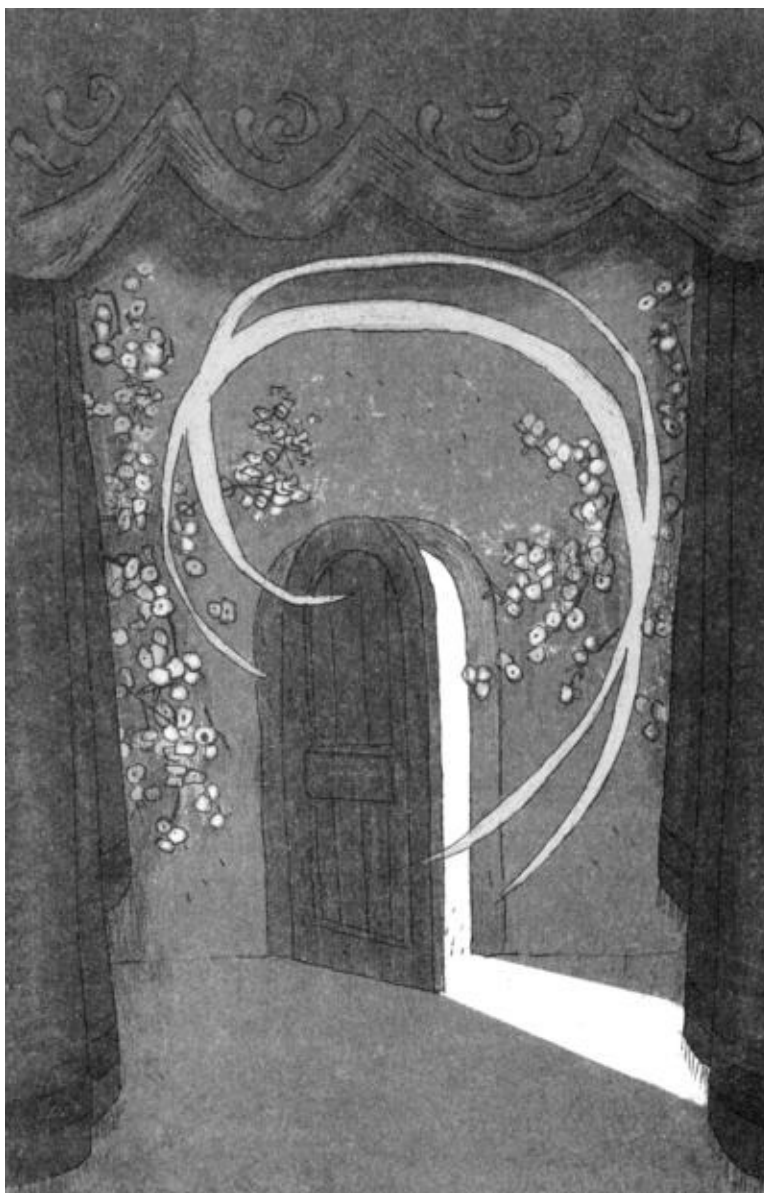
Бод положил пресс-папье на землю, которую очистил от сорняков, туда, где, по его мнению, должна была находиться голова девушки, и,

бросив последний взгляд на результаты своего труда, скользнул сквозь прутья и, уже не заботясь об осторожности, стал подниматься по холму.

– Неплохо, – сказал чей-то едва слышный голос у него за спиной. – Совсем неплохо.

Бод оглянулся, но сзади никого не было.

## Инструкции



Коснись деревянной калитки в невиданной белой стене.  
Знай – отопрется задвижка только тогда,  
Когда ты ее учтиво об этом попросишь.  
Войди.  
Пройди по тропинке.  
На двери, в зеленый окрашенной, висит молоток, —  
Ручка из красной меди

В виде головки тролля.  
Не тронь! Этот тролль тебе пальцы откусит.  
По дому иди не спеша.  
Ничего не касайся.  
Не ешь ничего.  
Однако  
Ежели кто-то или что-то скажет тебе,  
Что страдает от голода, – накорми.  
Ежели скажет, что грязен, —  
Помой хорошенько.  
Ежели будет кричать, что страдает, —  
Любою ценою  
Боль его облегчи.

Как выйдешь из задней двери – в прекрасный сад попадешь.  
Из сада ясно уже увидишь пущу лесную.  
Колодец глубокий – прыгай! – укажет тебе путь  
В Царство Зимы, а за ним  
Лежат уж земли иные.  
Ежели трижды ты обернешься —  
Вернешься домой невозбранно.  
В этом, поверь, нет стыда. Я над тобою  
Смеяться не стану.

Но коли пройдешь через сад и направишься в лес,  
Помни – деревья там стары, и из подлеска  
Чьи-то глаза за тобою  
Станут следить непрестанно.  
Под дубом корявым, возможно, сидит старуха.  
Если старуха о чем-то тебя попросит —  
Исполни послушно.  
Она тебе  
Путь к замку укажет, а в замке  
Томятся три юных принцессы.  
Меньшой – прекраснейшей – не доверяй.  
Иди без оглядки.  
На тихой поляне за замком  
Двенадцать месяцев  
Пьют и поют вокруг костра,

Ноги свои у огня греют,  
Травят веселые байки.  
Вежлива с ними будь – и многим они помогут.  
С ними наешься клубники в мороз январский!

Волкам доверяй, но в меру. Тут главное – не проболтаться,  
Куда и зачем идешь.  
А через реку ходит лодчонка,  
Старик тебя перевезет.  
(Пароль отчаянно прост —  
Скажи старику,  
Чтобы веслом он плеча твоего коснулся, —  
И в лодку прыгай без страха.  
Но не забудь – крикни эти слова,  
Пока стоишь в отдаленье!)  
Если орел подарит тебе перо из крыла своего, —  
Спрячь и храни.  
Не смей позабыть – великаны спят очень чутко,  
А ведьм терзает мучительный, вечный голод.  
В броне дракона всегда есть слабое место,  
А сердце свое надобно прятать надежно, —  
Не вздумай болтать. Пропадешь.

Сестрице своей не завидуй.  
Знаешь, выхаркивать горлом  
При каждом слове алмазы и розы  
Ничуть не приятней,  
Чем мяконьких жаб и ужей.  
Алмазы так холодны, а розы – все в острых колючках!

Имя свое помни.  
Не вздумай терять надежду —  
Найдется то, что ты ищешь!  
Призраки врать не склонны.  
Знай: те, кому помогла ты однажды,  
Тоже на помощь тебе поспешат.  
Снам своим верь,  
Верь своему сердцу  
И верь сказкам.

Назад возвращайся тем же путем, что и шла.  
На каждое доброе слово отплатят тебе добром,  
А на услугу – услугой тройною.  
Не забывай о хороших манерах.  
Назад обернуться – смерть.  
На мудром орле лети без опаски – не упадешь!  
За хвост ЦарьРыбы схватись – не утонешь!  
На сером волке скачи – но держись за загривок покрепче!  
(Помни, что корни Яблони золотой червь точит черный —  
Оттого-то она и сохнет.)  
Когда ж возвратишься в тот дивный дом,  
Откуда и вышла в путь,  
Узнаешь его не вдруг, —  
Так покажется мал он и жалок.  
Но все же пройди по тропинке.  
Скользни через сад  
К калитке, что видела только однажды.  
А после – иди домой.  
Иль – хочешь – останься здесь.  
  
Иль отдохни молча...

---

notes
-------



## Примечания

Остров в США, в заливе Сан-Франциско. В 1933–1963 гг. здесь находилась особо охраняемая федеральная тюрьма. – Примеч. ред.

Теолог 13 века. – Примеч. пер.

Шалтай-Болтай, Робин-Бобин Барабек – герои детских стихотворений,  
перевод С. Маршака. – Примеч. пер.

Робин-Красношейка – герой детского стихотворения. – Примеч. пер.

5

Букв.: «Чумная крыса».

Английская крайне правая организация профашистского толка.

Оксфордское благотворительное общество, собирающее старые вещи, а затем продающее их по низким ценам, разновидность секонд-хэнда.



Из библиотеки.

Имеется в виду своеобразный вид страхования, когда полис покупают несколько человек, но все деньги получает переживший своих компаньонов участник. – Здесь и далее примеч. пер.

Так дословно переводится термин, употреблявшийся для человечины аборигенами Полинезии и Новой Зеландии.

Стул, к которому привязывали женщин дурного поведения и торговцев-мошенников. – Примеч. пер.

Английский мореплаватель и пират, участвовавший в Битве с Непобедимой Армадой. – Примеч. пер.